
ОГОНЁК
ФЕВРАЛЬ 1946 ГОДА
№ 5

Крым зимой 1945 г.

Рисунок В. Богаткина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 5 (974)
ФЕВРАЛЬ 1946 ГОДА

В номере

На обложке: Москва накануне выборов. На Красной площади в ночь на 10 февраля. Фото Мих. Грачёва.

На последней странице обложки: артистка Киевской филармонии Людмила Лазаренко исполняет украинские песни. Фото Н. Колли.

В этом номере помещены репродукции с картин и скульптур Всесоюзной художественной выставки.

ПЕРВЫЙ ДЕПУТАТ СТРАНЫ И СТОЛИЦЫ

Фото М. Калашниковой

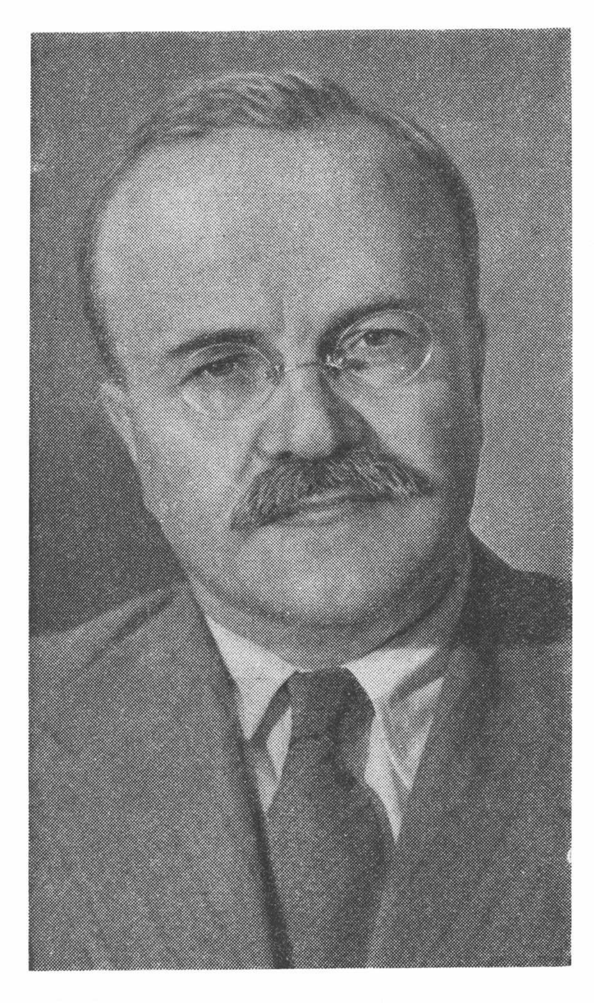
«...ПОЗВОЛЬТЕ ВЫРАЗИТЬ ВАМ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ДОВЕРИЕ, КОТОРОЕ ВЫ ОКАЗАЛИ МНЕ, ВЫДВИНУВ МОЮ КАНДИДАТУРУ В ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА. МОЖЕТЕ НЕ СОМНЕВАТЬСЯ, ЧТО Я ПОСТАРАЮСЬ ОПРАВДАТЬ ВАШЕ ДОВЕРИЕ».

(Из речи товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г.)

ДЕПУТАТЫ СТОЛИЦЫ

Великую гордость вызывает у трудящихся Москвы сознание того, что в столице баллотировались первый кандидат советского народа И. В. Сталин и его славные соратники В. М. Молотов и Г. М. Маленков.

Депутатами Верховного Совета СССР от столицы избраны кандидаты, выдвинутые блоком коммунистов и беспартийных, лучшие люди Москвы, заслужившие своей беззаветной преданностью великому делу Ленина—Сталина, своим героизмом на фронте и самоотверженным трудом в тылу высокое доверие москвичей.

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ МОЛОТОВ, **заместитель председателя Совета народных комиссаров и народный комиссар иностранных дел СССР** (Молотовский избирательный округ).

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БУЛГАНИН, **заместитель народного комиссара обороны СССР** (Московский городской избирательный округ по выборам в Совет Национальностей).

ГЕОРГИЙ МАКСИМИЛИАНОВИЧ МАЛЕНКОВ, **секретарь ЦК ВКП(б)** (Ленинградский избирательный округ).

ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОПОВ, **председатель Московского совета депутатов трудящихся** (Кировский избирательный округ).

ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ ПАВЛЮКОВ, **секретарь Московского городского комитета ВКП(б)** (Октябрьский избирательный округ).

НИКОЛАЙ НИЛОВИЧ БУРДЕНКО, **президент Академии медицинских наук** (Щербаковский избирательный округ).

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ,
президент Академии наук СССР (Ленинский избирательный округ).

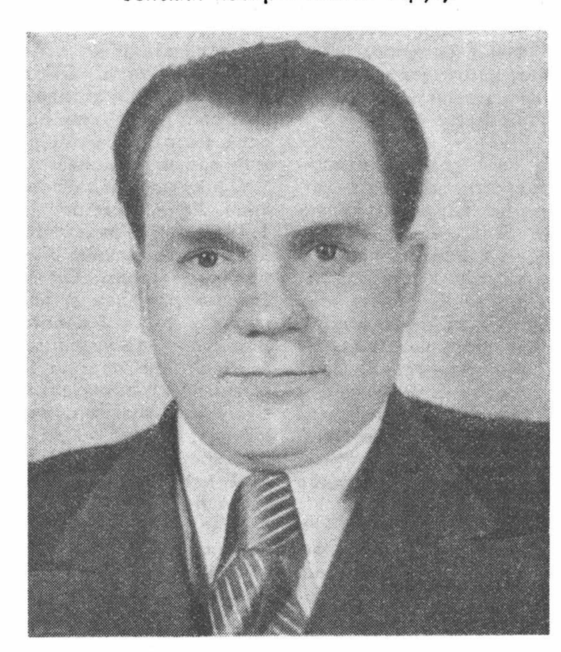
АНАТОЛИЙ ТИХОНОВИЧ ТРЕТЬЯКОВ,
Герой социалистического труда, инженер (Фрунзенский избирательный округ).

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ПАНИН,
Герой социалистического труда, машинист (Дзержинский избирательный округ).

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ФИРЮБИН,
секретарь Московского городского комитета ВКП(б) (Калининский избирательный округ).

ИВАН АНДРЕЕВИЧ ПАРФЕНОВ,
заместитель председателя Московского совета депутатов трудящихся (Сокольнический избирательный округ).

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА ФЕДОРОВА,
начальник участка шахты № 10 «Метростроя», инженер (Советский избирательный округ).

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕЧУЛИН,
главный архитектор Москвы (Москворецкий избирательный округ).

АННА ГРИГОРЬЕВНА СЕРЕГИНА,
прядильщица-стахановка комбината Трёхгорной мануфактуры имени Дзержинского (Краснопресненский избирательный округ).

ОЛЬГА ФЕДОРОВНА ЛЕОНОВА,
заслуженная учительница РСФСР (Свердловский избирательный округ).

Интервью «Огонька»

ТЕЛО ЛЕНИНА БУДЕТ СОХРАНЕНО ДЛЯ ПОКОЛЕНИЙ

Беседа с Героем социалистического труда профессором Б. И. Збарским

Беспримерное в истории мировой науки бальзамирование тела Владимира Ильича Ленина было осуществлено по методу, разработанному профессором Б. И. Збарским и ныне покойным академиком В. П. Воробьёвым. Мы попросили профессора Збарского рассказать некоторые подробности этой исключительной работы.

— Мысль о сохранении тела Владимира Ильича возникла непосредственно в народных массах. Тотчас после смерти Ленина на имя советского правительства стали поступать десятки писем и телеграмм с просьбой не предавать тело земле и принять все меры для того, чтобы сохранить облик любимого вождя. Эта инициатива была поддержана правительством. По предложению товарища Сталина состоялось совещание выдающихся учёных нашей страны. Задача учёных была сформулирована следующим образом: «Сохранить тело в таком виде, чтобы оно было доступно обозрению и чтобы внешний вид тела и лица сохранил бы облик Владимира Ильича таким, каким он был в первые дни после своей кончины».

Поставленная задача по своей трудности не имела прецедентов в мировой науке. Учёные на протяжении тысячелетий пытались разрешить такую проблему, но никому ещё это не удавалось. Мумификация, применявшаяся египтянами и другими древними народами, сводилась к высушиванию тела умершего; при этом внешний облик и особенно черты лица неузнаваемо искажались. Нам предстояло найти какой-то совершенно новый способ бальзамирования. Этот метод был предложен академиком В. П. Воробьёвым и мною и, как показал опыт, дал отличные результаты.

Предложенный метод бальзамирования был совершенно новым, неизвестным науке и до сих пор является достижением исключительно советской научной мысли, хотя учёные Запада и Америки весьма интенсивно на протяжении последних лет пытались разрешить эту задачу. Советская наука может гордиться тем, что она первая в мире осуществила длительное посмертное сохранение тела в неизменном виде и тем самым разрешила вопрос, который волнует человечество с самых древних времён.

Огромную роль в успехе научной работы сыграло непрестанное внимание, которым пользовались советские учёные со стороны правительства и Центрального Комитета партии и лично товарища Сталина, товарищей Молотова, Берия и Меркулова. Они непосредственно наблюдали за нашей работой, оказывали и оказывают нам исключительное внимание и поддержку.

В результате нам удалось выполнить волю советского народа и ответственное поручение партии и правительства. Тело Владимира Ильича Ленина сохранено в неизменном виде. Тщательное и систематическое наблюдение над телом В. И. Ленина, продуманная организация всего дела, в котором принимают участие мои ближайшие помощники—проф. С. Р. Мардашев и доцент И. Б. Збарский,— позволили на протяжении двадцати двух лет, прошедших со дня кончины Ленина, предотвратить посмертные изменения тела и сохранить полное сходство.

— Скажите, пожалуйста: как было обеспечено наблюдение за телом Владимира Ильича во время войны?

— В первые же дни войны необходимо было срочно эвакуировать тело в безопасное от воздушных налётов место, продумать все детали перевозки и организацию научных работ по сохранению тела вождя в эвакуации. Это была трудная задача. В течение семнадцати лет тело Ленина покоилось на одном месте, в определённых, строжайше соблюдаемых условиях температуры, влажности, света. Нам предстояло везти его тысячи километров в различных условиях погоды, подвергать дорожной тряске, менять температурные режимы. Всё же мы постарались предусмотреть всё, что могли.

В июле 1941 года тело Ленина было эвакуировано. Тщательное освидетельствование показало, что перевозка, к счастью, не отразилась на сохранности тела. Ободрённые этим, мы приступили к дальнейшей работе, которая велась непрерывно. Советский метод бальзамирования выдержал все испытания.

Официальная экспертиза состояния тела Ленина, проведённая в конце 1944 года, зафиксировала, что «тело Владимира Ильича Ленина за 20 лет не изменилось. Оно хранит облик Владимира Ильича, каким он сохранился в памяти советского народа». В заключение указано, что «основанное на воле народа задание партии и правительства, задание товарища Сталина сохранить тело Владимира Ильича Ленина на длительное время с сохранением сходства и в доступном для обозрения виде полностью выполнено».

В апреле 1945 года, когда всякая опасность воздушного нападения на Москву была абсолютно исключена, тело Ленина было вновь установлено в мавзолее и началась подготовительная работа к открытию мавзолея.

И вот 16 сентября, после более чем четырёхлетнего перерыва, снова открылся доступ в мавзолей Ленина. С чувством огромного волнения мы ждали этого дня. Эти годы прошли в величайшем напряжении сил всего советского народа, боровшегося с фашистскими захватчиками за свободу и независимость нашей любимой родины. Товарищ Сталин вёл советский народ к победе под знаменем Ленина. Сейчас советский народ снова может видеть своего вождя и учителя В. И. Ленина.

По единодушному отзыву всех посетителей, тело Владимира Ильича прекрасно сохранилось и производит впечатление спящего человека. Мне пришлось говорить с людьми, хорошо знавшими Владимира Ильича, бывавшими раньше в мавзолее. Они говорят о чрезвычайно сильном впечатлении от нового посещения.

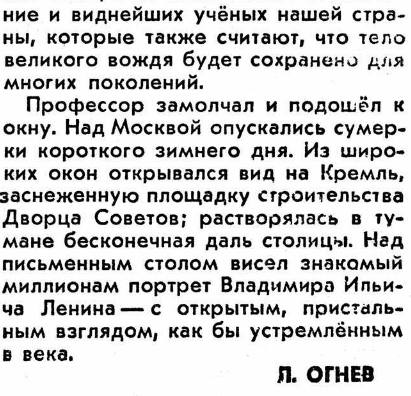
— Сделаны ли какие-нибудь изменения в мавзолее?

— Тело Ленина покоится в новом саркофаге. Старый саркофаг имел ряд конструктивных недостатков, снижающих впечатление от обозрения. В последнее время была проведена очень большая работа по изготовлению нового саркофага. Эта работа выполнена рабочими Московского завода «Красный пролетарий» по проекту академика архитектуры А. В. Щусева и профессора скульптуры Б. И. Яковлева. Сложную свето-техническую проблему равномерного освещения лица и тела Ленина решил инженер Н. В. Горбачёв из Всесоюзного электротехнического института. Благодаря удачному размещению света и тщательно продуманной конструкции саркофага — стеклянные стенки его совершенно не видны — кажется, что Ленин лежит на ложе живой, вот только что заснул.

Мавзолей В. И. Ленина впервые был открыт для посещения 1 августа 1924 года. До начала войны его посетило свыше 20 миллионов человек. Сейчас ежедневно проходят тысячи трудящихся.

— Какое время удастся сохранить неизменённым тело Ленина?

Учёный ответил с глубочайшим убеждением:

— Двадцатидвухлетний опыт даёт нам все основания полагать, что мы сможем сохранить тело Владимира Ильича Ленина в неизменном виде неопределённо долгое время, а может быть, и на века. Таково заключение и виднейших учёных нашей страны, которые также считают, что тело великого вождя будет сохранено для многих поколений.

Профессор замолчал и подошёл к окну. Над Москвой опускались сумерки короткого зимнего дня. Из широких окон открывался вид на Кремль, заснеженную площадку строительства Дворца Советов; растворялась в тумане бесконечная даль столицы. Над письменным столом висел знакомый миллионам портрет Владимира Ильича Ленина — с открытым, пристальным взглядом, как бы устремлённым в века.

Л. ОГНЕВ

У мавзолея Ленина на Красной площади. Фото Ф. Кислова

В ДАЛМАЦИИ

И. Эренбург

1

Побережье Далмации — узкая полоска земли. Это сущий рай: смоковницы, виноград, оливы, цитрусы. И сразу горы: известняк, камни, крохотные поля ячменя, коза щиплет сухую траву. Непонятно: как здесь живут люди?

Ночью мы заблудились в горах, пришлось ждать рассвета. Оказались мы в деревушке Нунич. Нищета, в домах пусто, босые люди мечтают о фунте соли. А люди красивые — седые черноглазые старики, стройные девушки. Шестьсот душ в Нуниче, свыше сорока сражались в партизанском отряде. Шофер чинил мотор, а я сидел возле лачуги и глядел, как девочка мотала шерсть; ей было лет восемь, и она пела песню о Тито.

Тяжело людям в горах. На побережье другая картина. В селе Чилипы возле Дубровника я присутствовал на уроке кулинарии: там открыли школу домоводства. Деревенских девушек учат уходу за скотом, шитью, кулинарии. Учительница Катя Новакович пригласила меня к себе, она дочь местного крестьянина. Дом с достатком — много маслин (это здесь основное богатство), коровы, гуси. Глухой дедушка Кати — ему восемьдесят лет — встретил меня восторженно: «Я мальчишкой был, свиней пас, когда русские пришли в Сербию, всю жизнь мечтал, чтобы снова пришли русские». Катя не только смутно любит всё русское, она знает наших писателей; в её комнате над столом фотография: Сталин беседует с Горьким. Живут Новаковичи хорошо: и ветчина у них чудесная, и своё вино, и фарфор в шкапу — но эта зажиточная семья дала республике семерых партизан.

Далматинцы хорошо сражались за свободу. В Шибенеке 16 тысяч жителей; партизан было 4500; погибло 1809.

2

Война разорила и Далмацию, но фрукты заменяют здесь мясо, а тёплое зимнее солнце — шерсть. Климат чудесный, и чудесный характер у людей. Сплит, — кажется, самый весёлый город в Европе. Здесь и в будни праздник. Это красивый старый город; он сохранил крепостные стены. Различные эпохи сожительствуют в нём: католический собор включил в себя колонны языческого храма Диоклетиана, ангелы Возрождения разместились среди романских угодников. Звёзды республики вошли в этот город не как пришлые, а как коренные далматинки, кажется, что они издавна красуются на этих площадях. Базарная площадь — горы красного перца, аметистовые гроздья винограда, огромные сверкающие рыбины — тунцы и нежная барбулька. Вдруг площадь превращается в грандиозный митинг; выступает крестьянин в оранжево-чёрной шапчонке. Он говорит о геройстве Красной Армии; крестьяне и крестьянки повторяют, скандируя: «Мо-сква! Бел-град!» А поздно ночью узкие улицы полны возгласов, смеха, песен.

Большой поэт эпохи Возрождения Иван Гундулич писал, что его родине, Далмации, грозят пасть турецкого дракона и клыки венецианского льва. Итальянцы всегда считали Далмацию своей провинцией. В годы оккупации они тщательно соскребали славянские имена с древних камней.

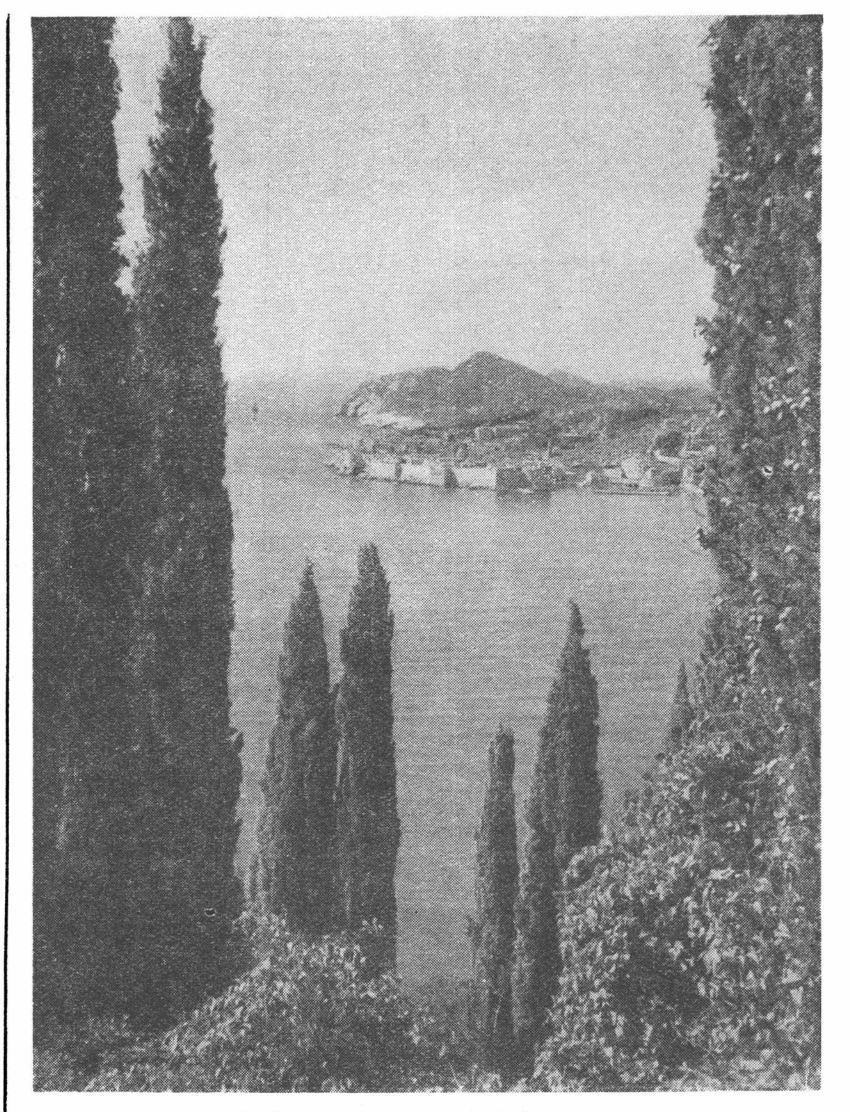
Туристу может показаться, что это и впрямь Италия: те же узкие улицы и на верёвках сушится бельё, те же пузатые бутылки, оплетённые соломой, а в них терпкое, густое вино, те же порталы Ренессанса, то же море, то же солнце. Только почему всё это — монополия Италии? Правда, дуче двадцать пять лет подряд кричал, что Средиземное море — его озеро, но за это дуче и повесили вниз головой. Есть нечто общее у всех городов, расположенных на берегу Средиземного моря; и Сплит так же похож на Геную, как на Барселону.

Некоторые люди Запада хотят принизить культуру Югославии. Им отвечает история Дубровника. Республика Дубровника просуществовала тысячу лет. Город окружают древние стены; таких стен, кажется, нет нигде; Виолет ле Дюк, когда ему поручили реставрировать Каркассону, приехал сюда, чтобы их изучить. С башен видны город, горы, море, трудно оторваться от панорамы. Дважды землетрясения разрушали Дубровник, и всё же уцелели многие памятники архитектуры. Во время войны бомбили город, ему повезло: бомбы попали в море. Прекрасен дворец республики XIV века — готика с романскими колоннами. В Дубровнике библиотека, а в ней первопечатные книги, богатейший архив. Встаёт прошлое республики: осада сарацинами в IX веке, переговоры с сербскими королями, борьба с соперницей Венецией, договоры с султанами Египта, приют, оказанный учёным порабощённой Византии, народная революция в XIV веке, умелая дипломатия, позволившая Дубровнику отстоять независимость при столкновениях между Турцией и Венгрией. Дубровник был единственным славянским островом, который не затопили нашествия турок, венгров, итальянцев, немцев.

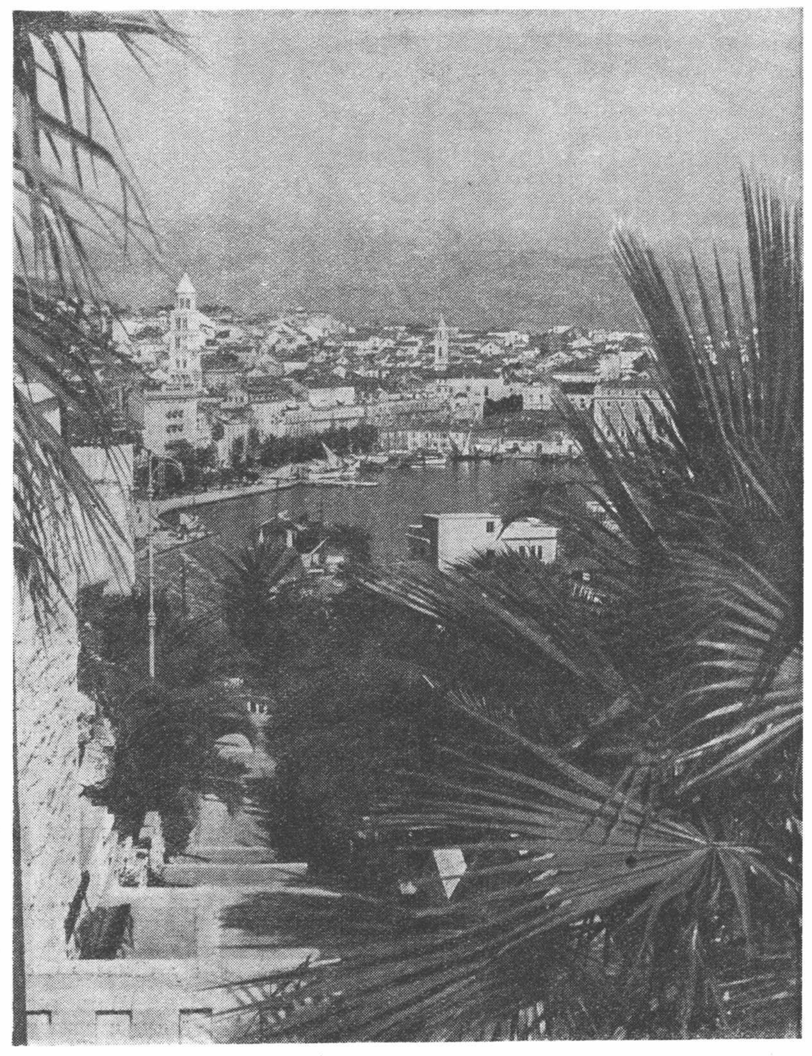
В конце XVII века в Дубровнике жил поэт Иван Гундулич; его поэма «Осман» посвящена героической борьбе славян против турок. Иван Гундулич был поэтом тонким и вдохновенным. Вот несколько строк в прозаическом переводе:

«Увы, глаза мои раскрылись. Всё, что мы видим, всё, что мы обожаем, — это воск на огне, дым на ветру, утренний сон, снег под солнцем, мгновенный взгляд, стрела, пущенная меткой рукой. И рождённый в сумерках человек уже умирает...»

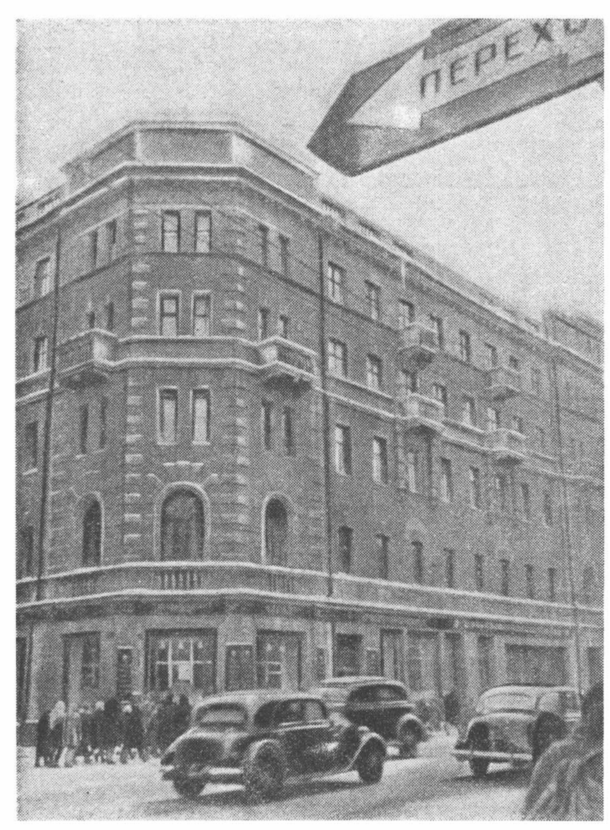
В XII веке правительство Дубровницкой республики приняло закон, который запрещал юноше жениться до того, как он посадит семьдесят пять масличных деревьев. Нескоро маслина приносит плоды, нужно уметь трудиться для будущего. Добавлю одно: восемьсот лет спустя в Дубровник пришли «культуртрегеры» и вырубили масличные рощи на дрова.

Побережье Далмации. Дубровник.

Город Сплит.

Улица Кирова, 22

Текст Л. Русановой. Фото О. Кноринга

Дореволюционная Москва делилась на сословные кварталы. Было известно, что Поварская — район аристократический, Замоскворечье облюбовали купцы, Мясницкую заполнили богачи, неродовитые выскочки. На улицах, примыкающих к нынешней Садовой, стояли домишки ремесленников. Рабочий люд ютился на окраинах, за заставами.

...И вот мы на бывшей Мясницкой улице — ныне улице Кирова. Мы выбрали один, ничем не примечательный дом. В нём живут около полуторы тысячи человек. За последние десятилетия он много раз перестраивался и достраивался. Основная его часть, что выходит фасадом на улицу Кирова, была когда-то гостиницей. Гостиница считалась третьеразрядной, называлась она по бедности воображения её владельца «Швейцария» и, говорят, была когда-то щедро расписана лубочными пейзажами.

В 1918 году «Швейцарию» отдали Наркомату почт и телеграфов для расселения служащих, переезжавших с семьями из Петрограда. В остальную часть здания въехали рабочие с окраин. Это было великое переселение, которое в несколько дней смело десятилетиями сложившийся и ревниво оберегаемый сословный план Москвы.

В этом большом доме мы провели несколько часов, знакомясь с его многолюдным и разнородным населением. Обитатели дома — избиратели Дзержинского района Москвы, рядовые граждане столицы. Обходя каждое крыло этого большого дома, мы увидели его как бы в разрезе.

Начали с котельной, которой заведует Михаил Леонтьевич Тимофеев, бывший ещё недавно орудийным мастером в частях зенитной артиллерии 1-го Украинского фронта. Шуруя уголь в топках котлов, Тимофеев часами рассказывает истопнику Тетерину, как их батарея прикрывала аэродромы, как выглядел Берлин в дни уличных боёв и про то, какой необыкновенный человек и великолепный лётчик Покрышкин.

Потом мы посетили небольшую квартиру на первом этаже. В гости к Евдокии Егоровне Сашиной, как всегда в воскресное утро, пришли почти все её дети. Евдокия Егоровна работает уборщицей в аптеке, и в обычные дни у нэё остаётся мало времени, чтобы повидать своих семерых детей и многочисленных внучат. Теперь семья была в сборе, не хватало только младшего сына, Егора (он работает мастером на одном из заводов Москвы и не был свободен в это утро), и дочери Евдокии.

Мы застали семью за увлекательным занятием, от которого молодёжь оторвалась с явной неохотой. Старший сын, Иван Егорович, моряк с Балтики, проводит свой отпуск с родными. Он совершил недавно кругосветное путешествие, пересёк два океана и шесть морей и привёз среди прочих сувениров открытки с видами Нью-Йорка и Нью-Фаундленда, портов Дании и Финляндии, Аляски и Англии. Сёстры рассматривали небоскрёбы Нью-Йорка и пейзажи острова Борнхольм, засыпали брата вопросами: что можно купить на 10 центов, поднимался ли он на крышу «Эмпайр Стейт Билдинга» и какие мины легче обнаружить: магнитные или якорные?

Мать рассказала нам, что, кроме несовершеннолетней Анны — ученицы 7-го класса,— вся её семья принимала участие в выборах в Верховный Совет. Вторая дочь, Антонина, часовой мастер, голосовала в первый раз: ей только исполнилось 18 лет.

Покинув дружную и многолюдную семью Сашиных, мы пересекли двор и очутились в вестибюле здания, бывшего когда-то гостиницей «Швейцария». На одной из дверей, выходящих в узкий коридор, табличка: «Профессор Б. С. Комаров».

Борис Сергеевич Комаров только что пришёл домой. Несколько часов назад профессору, вместе с группой строителей, были вручены медали «За оборону Кавказа», за работу по сооружению обходной телеграфно-телефонной магистрали, соединявшей Москву через Самарканд — Красноводск с Кавказом в дни, когда немцы почти дошли до Каспийского моря и основные линии связи вышли из строя. Борис Сергеевич руководил в те дни электропитанием новой магистрали и теперь получил четвёртую по счёту награду за оборонную работу в дни войны.

Профессор Комаров — начальник кафедры энергетики в Московском институте связи. Он также заведует созданной им лабораторией электропитания в Научно-исследовательском институте связи. Борис Сергеевич — член окружной избирательной комиссии Калининского округа Москвы. Шестидесятилетний избиратель особенно ценит демократическую систему наших выборов, противопоставляя её той пародии на гражданские свободы, которой были обставлены выборы в Государственную Думу.

Мы снова очутились в лабиринте коридоров и оказались в надстроенной части здания. Здесь, в одной из квартир, мы познакомились с солисткой балета Большого академического театра Еленой Владимировной Дмитраш. Балерине только что принесли новый костюм, и она примеряла традиционные нежнорозовые балетные пачки.

Елена Владимировна рассказала нам о своих недавних гастролях в Тбилиси, где она танцовала в Государственном театре оперы и балета Грузии. Теперь она возобновляет прерванную на время работу в Большом театре. Московский зритель увидит её в стремительном танце уличной танцовщицы в балете «Дон-Кихот».

Распрощавшись с балериной, мы перешли в другую часть здания. Нас привлекла нарядная ёлочка в окне, и мы постучались в небольшую удивительно опрятную комнату Полетаевых. В семье Полетаевых два взрослых сына — Анатолий и Алексей. Оба работают токарями в одной смене, в одном цехе, на одном и том же заводе. Мы застали дома только одного из сыновей — старшего, Анатолия. Он сидел за столом под ёлкой и терпеливо объяснял краснощёкой черноволосой девочке несложную арифметическую задачу. Девочка оказалась приёмной дочерью Полетаевых. Они усыновили её, осиротевшую в годы войны, полюбили эту красивую девочку, и вся семья страшно тревожится, что у Раечки плохие отметки по арифметике.

Мы недолго были у Полетаевых: Анатолий Степанович торопился на завод, он работал в этот день в вечерней смене. Семья усаживалась за обеденный стол, когда мы перешли в другой подъезд дома.

Снова мы очутились в надстроенной части здания и постучались в дверь с медной табличкой: «В. Л. Ершов». В этой квартире живут народный артист республики Владимир Львович Ершов и его жена, актриса Московского Художественного театра Анна Михайловна Комолова — сказочный Тиль-Тиль из «Синей птицы».

В одной из комнат квартиры мы увидели на стенах многочисленные портреты Ершова, в различных ролях. В парадной одежде и треуголке императора, в сюртуке Нехлюдова, в мундире полковника Скалозуба, в боярском кафтане Бориса Годунова, в гриме и костюме Вершинина из чеховских «Трёх сестёр».

Хозяев квартиры мы увидели такими, какими редко доводилось их видеть, — без грима, в обычной одежде.

Это было наше последнее посещение квартир жильцов дома № 22 по улице Кирова. Знакомство с остальными жильцами мы ограничили изучением скупых записей в домовой книге. Мы узнали, что почти не существует профессии, представитель которой не жил бы в этом доме. Здесь живут повара, инженеры, сапожники, медицинские сёстры, педагоги, ветеринарный врач, библиотекари, парикмахер, учёные, прославленные актёры и известные спортсмены. Но больше всего рабочих: 454 обитателя этого дома — потомственные рабочие, отцы и деды которых не могли и мечтать о жилище на Мясницкой улице.

Свыше 200 жильцов дома имеют высшее образование, 342 человека награждены орденами и медалями за подвиги в бою и труде. 14 жильцов дома удостоены высокого звания — лауреатов Сталинской премии.

Так выглядит частица советского общества, взятая наудачу, в пределах одного городского дома.

Мы видели людей с разными биографиями, с различной судьбой. Живя годами, десятилетиями под одной крышей, они часто не знают друг друга. Но это не чужие люди. Их разделяют стены и потолочные перекрытия, но не сословные перегородки, какие делили ещё 30 лет назад жильцов дома № 22 по Мясницкой улице и народ во всей дореволюционной России...

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРЫ И ГРАФИКИ

Ф. С. БОГОРОДСКИЙ. СЛАВА ПАВШИМ ГЕРОЯМ. Масло.

ПРАЗДНИК СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Открылась Всесоюзная Художественная выставка живописи, скульптуры и графики.

Около двух лет работали живописцы, графики и скульпторы для этой выставки. Художники за годы войны значительно выросли, они стали глубже понимать жизнь и решать свои творческие задачи.

В мастерских художников Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Минска, в солнечной Грузии и Армении, в Прибалтике, далёком Севере и Средней Азии — на мольбертах, скульптурных станках, в разнообразном графическом материале (карандаш, уголь, линогравюра, офорт) рождались новые произведения советского искусства.

Художники, пережившие великие испытания, бывшие свидетелями страшного по своим размерам и жестокости разрушения, с особой силой почувствовали сейчас тяготение ко всему душевному, человеческому и прекрасному, ко всем тем радостям, что дарует наша жизнь, природа, красота мира и величие человеческой мысли.

Самая различная тематика вдохновляла художников этой большой выставки. Исторические полотна и картины великих боев, портреты воинов и героев победителей, образы народного страдания и радости созидательного труда, пейзажи родной страны и волнующие зарисовки тех, кто прошёл вместе с армией её трудный путь — вот материал выставки.

По выставочным залам, где размещены произведения известных художников страны: А. Герасимова, В. Мухиной, С. Герасимова, А. Дейнека, В. Ефанова, П. Кончаловского, П. Корина, Д. Шмаринова, Ф. Богородского, М. Дерегуса, М. Сарьяна, К. Юона, Г. Шегаля и других проходят многочисленные зрители, подолгу останавливаясь у полотен мастеров.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРЫ И ГРАФИКИ

ЛИЗА ДЗЕГУЗЕ (ЛАТВИЙСКАЯ ССР). ЖЕНЩИНА СО СНОПОМ. Дерево.

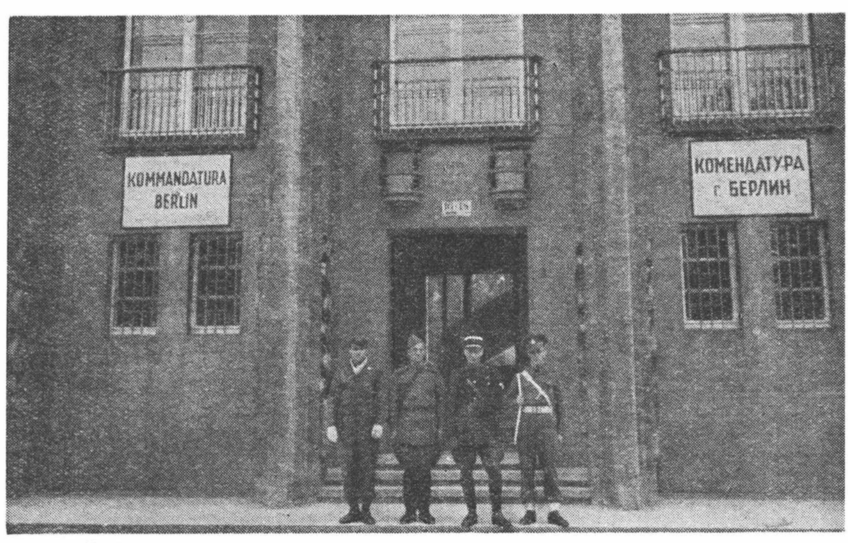
Н. Л. РАППОПОРТ (БССР). ПАРТИЗАНКА. Бронза.

БЕРЛИН

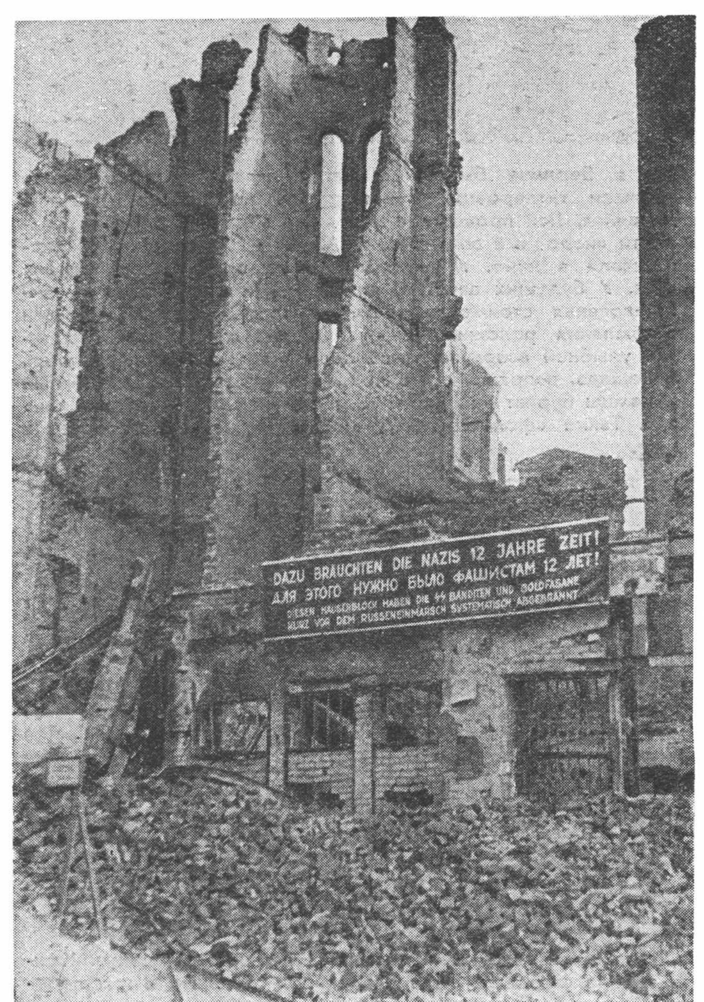
В. Барыкин

Пройдёмся по берлинским улицам. Посмотрим, как выглядит Берлин сегодня. Осмотр поверженной германской столицы начинаем с Клейст-парка. Здесь уцелело здание бывшего «Каммергерихт». В зале его в 1944 году Гитлер и те, кто сидит на скамье подсудимых в Нюрнберге, судили участников покушения на «фюрера». Теперь здание занимает Контрольный совет. Один раз в декаду — 10, 20 и 30-го числа каждого месяца — Совет собирается на своё заседание, чтобы решить очередные дела по управлению Германией. Наш осмотр Берлина совпал с одним из таких дней. Фотоаппарат запечатлел на плёнку приезд маршала Жукова на заседание Контрольного совета. →

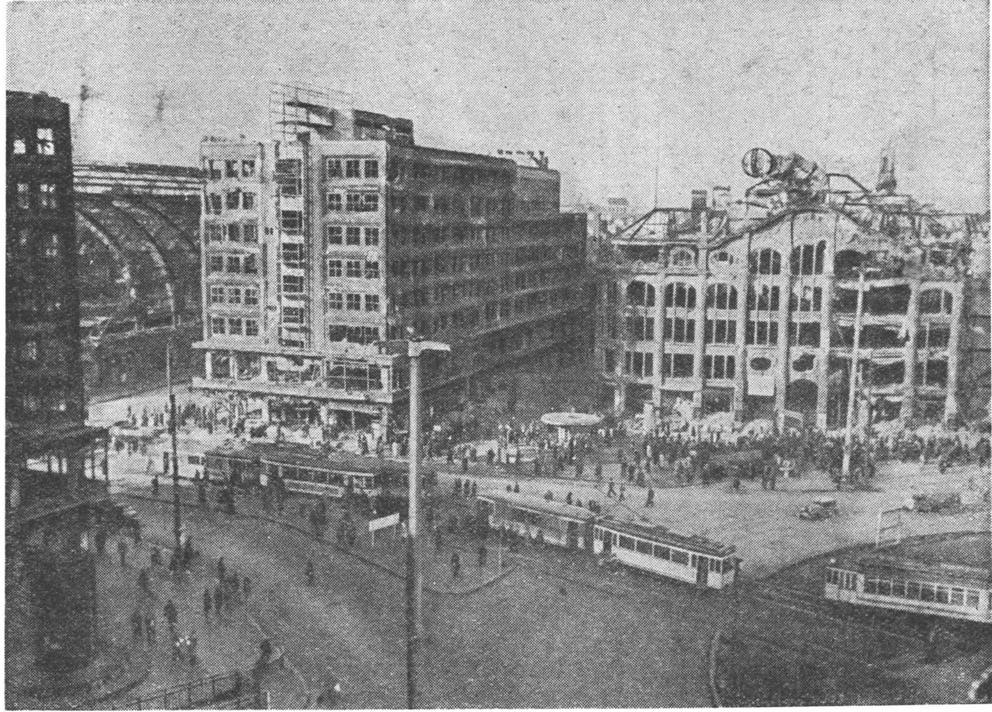

На Тиль-аллее, в Целендорфе, помещается Союзная комендатура. Она направляет жизнь Берлина, разделённого, как известно, на четыре зоны: советскую, американскую, английскую и французскую. Раз в неделю Межсоюзная комендатура обсуждает вопросы, связанные с управлением Берлином. Свои решения комендатура публикует; деятельность её берлинцы чувствуют ежедневно. На снимке: вход в комендатуру.

Картина, встречающаяся часто в сегодняшнем Берлине и понятная без пояснения.

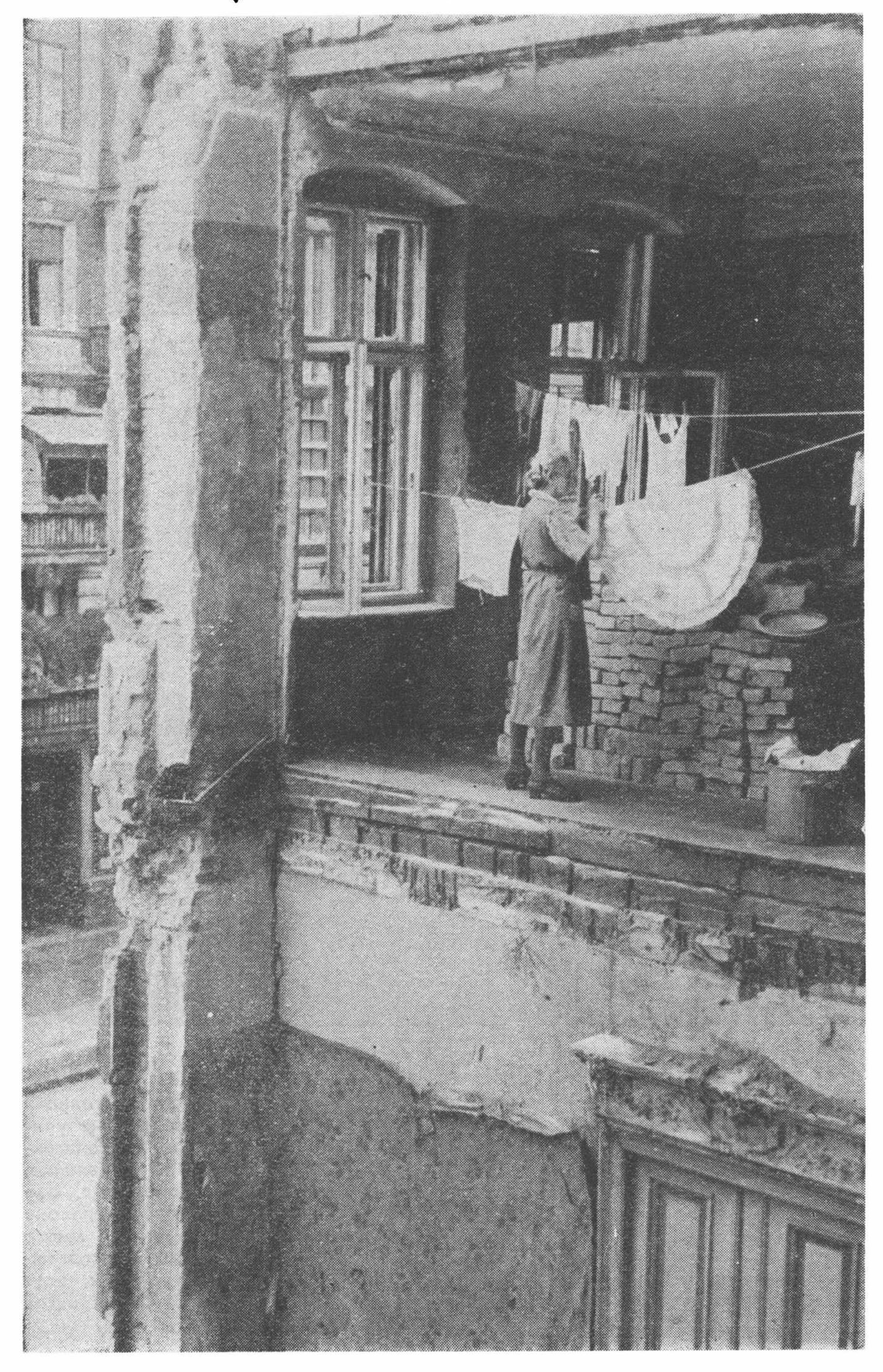
Выходим на Александер-плац. Это центральная площадь германской столицы. Отсюда в разные концы города лучами расходятся улицы. Ещё недавно на этих улицах было пустынно. Оглушённые и деморализованные боями, нашпигованные пропагандой Геббельса, берлинцы боялись выйти из подвалов. Каково же было их удивление, когда вместо пули и штыка, которые сулил им Гитлер от первого красноармейца, они получили кусок хлеба, а их дети — и миску супа. Сейчас в городе уже три миллиона жителей. И на Александер-плац, где нет ни одного сохранившегося дома, всегда много публики. Мимо разрушенных бомбами и снарядами домов, полуобгорелых многоэтажных зданий магазинов, от которых остались вывески, мимо банков и контор идут, едут на велосипедах и в трамваях берлинцы по своим делам. Слева на снимке виден остов разбитого вокзала железнодорожной станции «Александер-плац».

Мы на Унтер-ден-линден. Здесь, как и на многих других разрушенных улицах Берлина, проложена узкоколейка. По ней жители города толкают вагонетки с кирпичом, щебнем, мусором. Ежедневно тысячи берлинцев работают по очистке города, но работают, как правило, неспеша, вразвалку. Прежде Унтер-ден-линден — одна из самых красивых улиц германской столицы. Ныне здесь груды развалин. Кучи мусора остались от здания министерства иностранных дел и прочих гитлеровских канцелярий, разрабатывавших планы покорения мира.

Гитлер обещал немцам «жизненное пространство», одарял их имениями в захваченных странах. Вот что получили берлинцы в награду за свою алчность. На снимке: квартира, каких много сейчас в разрушенной германской столице.

↓

До войны в Берлине было 110 тысяч легковых автомобилей. «Мало!» — кричали гитлеровцы. Руководитель «трудового фронта», ныне повесившийся, Лей провозгласил лозунг: «Каждый рабочий должен приобрести «народный автомобиль». Цена — 990 марок. «Фольксваген» показывали в кино. Миллионы немцев попались на удочку «доктора» Лея. У будущих автомобилистов начали регулярно высчитывать из жалованья стоимость несуществующей машины. Деньги эти Лей и компания положили в свои карманы. Теперь берлинцы с горькой улыбкой вспоминают об этом «фольксвагене». И видя, как тащится лошадь, запряжённая в полуразвалившийся трёхколёсный автомобиль, немцы бурчат про себя: «Вот он, «народный автомобиль» доктора Лея». Такие «фольксвагены» можно видеть сейчас даже в центре города.

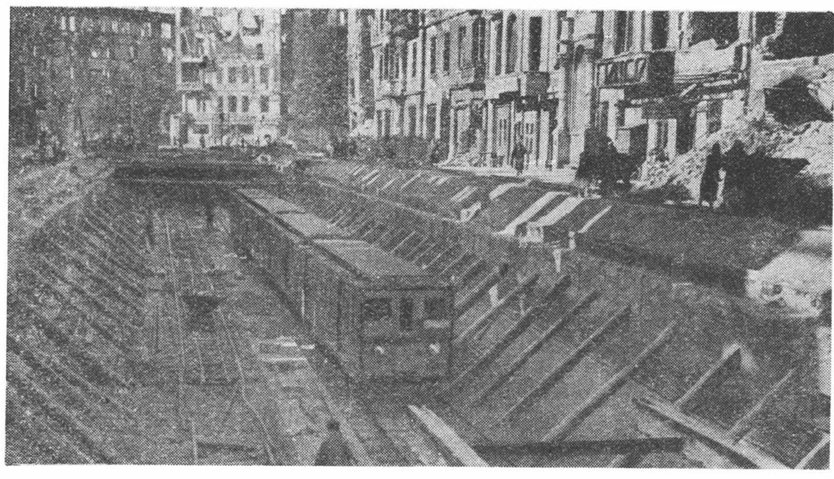
Тележки, тележки и тележки. Ими полны берлинские улицы. Каждый житель города старается стать владельцем тележки. В них перевозят всё. Сейчас в Берлине только 5400 грузовых немецких машин с отличительной жёлтой полосой на кузове. До войны их было более 200 тысяч. Сравните цифры, и будет понятна любовь сегодняшнего берлинца к тележке.

А вот движется велосипед-грузовик. На нём сидит мужчина, за спиной которого рюкзак с картошкой Два мешка и чемодан на багажнике. Ну чем не «фольксваген»!

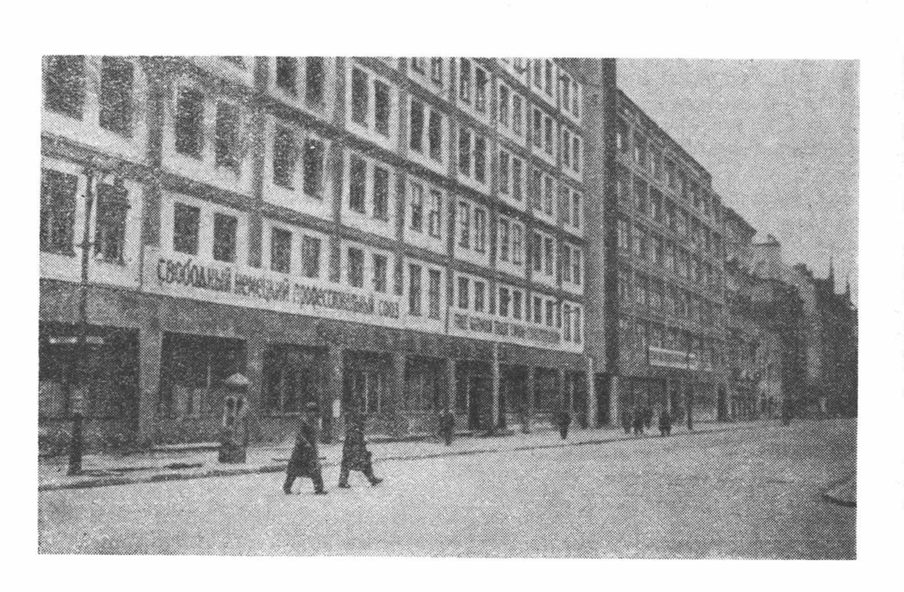
Крупнейшие магазины Берлина разрушены. О прежнем торговом величии германской столицы напоминают сохранившиеся кое-где клочья от вывесок. Сейчас немцы непрочь поплакать о своей горькой судьбе, о голодной и холодной жизни, о том, что они должны снимать с себя и тащить на рынок последние вещи. Но всё это не так. Многие подданные «третьей империи» и в том числе жители Берлина во время грабительских походов по Европе наворовали столько чужих вещей, что им ещё хватит надолго. Торговля с рук берлинцам разрешена на территории «Таушмаркта» (обменный рынок). Продают тут большей частью вещи с марками фирм разных стран и эрзацы, выпуск которых в Германии начался после провозглашения гитлеровцами лозунга «Пушки вместо масла». Но берлинцы не довольствуются «Таушмарктом». Они обмениваются вещами, не заглядывая на рынок. Вот на стене дома, а то и просто на дереве наклеены объявления. Читаем их подряд: «Мужское пальто обменяем на оконное стекло», «Швейную машину предлагаю за железную печь с трубами» и т. д. Рядом другая серия объявлений: «Очень красивая говорящая кукла меняется на хлеб или картофель», «Радиоаппарат отличного качества меняется на жир, сахар или уголь», «Меняю почти новую лисицу на кофе, муку и вообще продукты» и т. п. Человеку, желающему произвести обмен таким путём, предлагают оставить адрес здесь же, на объявлении. Читаем дальше: «Здоровый мужчина 34 лет ищет меблированную комнату с пансионом у одинокой, не старше 40 лет, которая может стать подругой». Надо думать, что 34-летний автор объявления быстро найдёт себе «подругу», тем более что он тут же оставил свой адрес. Да, времена меняются. А давно ли авторы объявлений плясали от радости, вскрывая посылки из Франции, Норвегии, Югославии. Теперь за кусок хлеба «здоровый 34-летний» немец готов продать себя первой попавшейся «покупательнице».

Проследуем за толпой спешащих берлинцев. Вместе с ней мы спускаемся под землю. Несколько ступенек — и мы на перроне станции «Унтер-грунд» (подземная железная дорога). Вполне понятно удивление москвича, попавшего впервые на станцию берлинской «подземки». Пожимая плечами, он спрашивает: «И это метро?» Ни красоты в отделке, ни удобств для пассажиров. Сейчас, после многочисленных разрушений, поезда ходят редко. Вот подходит поезд, тоже невзрачный на вид. Ожидающие, толкая друг друга, бросаются к дверям. Немцы всегда хвастались своей акуратностью и любовью к порядку. Сейчас все эти хвалёные качества берлинцы, очевидно, оставляют дома... Мы протиснулись в вагон. Поезд тронулся. Вдруг в окна ворвался дневной свет. Нам объяснили: верхние перекрытия в тоннеле во многих местах разбиты, и поезд метрополитена движется как бы по глубокой канаве.

В Берлине работает государственная опера. Раньше она помещалась на Унтер-ден-линден. Помещение её разбомбили. Больше года она не существовала Советские оккупационные власти, с помощью которых возвращается к жизни захиревшее при Гитлере искусство, предоставили опере помещение бывшего варьете, на Фридрихштрассе. Мы присутствуем на спектакле «Евгений Онегин» Чайковского. Среди зрителей — советские, американские, английские и французские офицеры и солдаты. Они занимают первые ряды партера. В антракте выходим в фойе. Немцы расступаются перед союзными офицерами. Кроме «Евгения Онегина» в репертуаре берлинского театра оперы «Риголетто», «Орфей» и др. Зал всегда переполнен.

В Берлине создано объединение немецких свободных профсоюзов. На уцелевших заводах и фабриках образованы производственные советы рабочих. Совет, по договору с дирекцией предприятия, принимает участие в производственной жизни завода или фабрики. На предприятиях и в союзах коммунисты и социал-демократы работают совместно, выступают с согласованной программой по вопросам промышленности и положения рабочих Активно действует в Берлине немецкий культурный союз. Председатель его — известный немецкий писатель, автор романов «Туннель», «9 ноября» и др. Бернгард Келлерман. Заместителем у него виднейший германский поэт Иоганнес Бехер. Вокруг союза группируется передовая берлинская интеллигенция, помогающая ликвидировать корни нацизма и германского милитаризма, создать новую, демократическую Германию. Деятели профсоюзов и Культурного союза выступают на собраниях и по радио Берлинцы слушают. Далеко не все они поняли до конца всё происшедшее и происходящее. И хотя на заводах, выпускавших вооружение для Гитлера, теперь делают детские коляски, мы знаем, что есть ещё в Берлине жители, мысленно выпускающие на этих заводах и «тигры», и «пантеры», и «фау-3», и «фау-4» для новой войны. Правда, мечты таких господ обрывают шагающие по берлинским улицам патрули союзных армий. Тогда поневоле они мысленно переносятся в Нюрнберг. Там перед судом народов сидят их провалившиеся хозяева. Близкое будущее этих хозяев — намыленная верёвка — бросает в дрожь замаскировавшегося фашиста не только в Берлине, но и по всей Германии.

СИНЕЕ ОКНО

Ф. Кнорре

Рассказ

Рисунки И. Гринштейна

По правде говоря, мало интересного можно увидеть в окнах, если вглядываться в них с шестого этажа соседнего дома.

Две пожилых женщины сидят друг против друга за столом, покачиваются, кивают и разводят руками. Наверное, разговаривают.

Вот это окно, на пятом этаже, замечательно своим громадным жёлтым абажуром над столом, но долго смотреть скучно: все только пьют чай и спать ложатся в половине десятого...

Но после того, как ты целые годы был лишён этого ставшего милым от долгой привычки зрелища — множества мирно светящихся в морозных сумерках окон, — какими-то новыми, более внимательными глазами начинаешь смотреть на всё это.

Любимым у Тани было угловое верхнее окно. Каждый вечер, вернувшись домой, она, не успев снять пальто, прямо шла к своему окошку, для того чтобы убедиться, что синее угловое окно светится.

Иногда оно было тёмное.

Тогда она усаживалась в кресло, раскрывала книгу и начинала читать со смутным чувством досады и беспокойства. Скоро ей начинало казаться, что прошло уже достаточно времени, она с облегчением откладывала книгу и вставала.

По тёмной стене соседнего дома было разбросано множество светлых квадратов. Много других окон светилось во всех этажах, но то, одно единственное окно, которое ей нужно, было всё ещё тёмное.

Она с досадой отворачивалась от окна, задёргивала штору и давала себе слово, что ляжет спать и даже не посмотрит в ту сторону.

Шумно начинала накрывать на стол, кипятить чай. Ела бутерброды и, прихлёбывая из чашки, скосив глаза, читала книгу.

Энергично начинала раздеваться, собираясь ложиться. Потом, откинув одеяло, пробегала босыми ногами по ковру, чтоб повернуть выключатель, который был в другом конце комнаты, и на обратном пути к постели, почти случайно, безразлично усмехнувшись, чтоб доказать себе, что просто смешно было бы чего-нибудь ждать, откидывала краешек занавески, зацепив её на ходу одним пальцем.

Одного взгляда было довольно, чтобы увидеть синее окно, светившее спокойно сквозь лёгкую, дымчатую занавеску, и в окне всё знакомое, изученное, почти как своё, что никто не имел права у неё отнимать даже на время: странный цветок, похожий на цветущий кактус, и край какой-то яркой ткани слева от окна, глядя на которую почему-то приходило на ум «цыновка», хоть цыновки бывают, кажется, просто из соломы или вроде того...

Справа и ниже светились другие, будничные, обыкновенные окна, а слева уходил обрывом вниз угол дома, и окно светило над пропастью дымного морозного воздуха, как синий маяк на скале.

Немного выше, над самым окном, нависала толстая от снега белая крыша, и дым, торопливо теснясь у выхода, клубился из трубы, утонувшей в снегу, как в пушистом, сонно поднятом выше глаз воротнике.

Таня отбрасывала тогда занавеску и долго стояла, прижимаясь лбом к стеклу, успокоенная, почти счастливая: за синим окном, неторопливо, как всегда, ходил из угла в угол человек. Он медленно приближался к окну, задерживался на мгновенье, как будто в раздумье ссутулив широкие плечи, и, повернувшись спиной, уходил и скрывался в глубине комнаты, где его уже не было видно. Потом, появляясь снова, всё ближе, ближе, опять мгновенье медлил и, снова повернувшись, уходил в глубину, не торопясь, слегка раскачиваясь на ходу, руки за спиной, и как-то особенно нагнув голову, задумчиво и вместе упрямо.

Она долго стояла босиком, вздрагивая от прохлады, придерживая рубашку на груди, а он всё ходил, неторопливо и неутомимо, и наконец, она отходила и забиралась под одеяло с таким чувством, что они помирились. Засыпая, она думала о том, что «он» сейчас не спит и задумчиво ходит из угла в угол, где-то тут, близко, всего через улицу, и от этого ей было спокойно на сердце, как будто кто-то её охраняет и думает о ней...

Современем она стала думать о нём почти постоянно. Какой он? Он был сильный, в этом она не сомневалась. Но он был не просто сильным, мало ли сильных мясников? Наедятся мясища, не думают ни о чём, вот и делаются «сильные». Кому это надо? А он сильный и всё-таки... печальный... Нет, печальный — это тоже не то. Мало ли их, печальных, сидят и хнычут по углам оттого, что не удались какие-нибудь мелкие их делишки! Или кто-нибудь прищемил дверью его пискливое самолюбие, а он и окрысился на целый свет, и сидит тоскливый, и дуется... Он не такой, — это ведь сразу видно. Он ничем не раздражён, не дёргается, не торопится, — просто ходит и ходит из угла в угол, упрямо нагнув свою широколобую голову.

Почему он такой суровый и одинокий? Вот, здравствуйте, уже и суровый! И откуда это она всё выдумывает? Ну, одинокий — это да. Раз всё один, — значит, и одинокий. А суровый? Нет, это, правда, видно. Трудно сказать, почему, а вот видно. Про всё интересное трудно сказать, почему оно бывает. Вот про чепуху всегда известно — почему: ноги промокли потому, что без калош пошла, пятно на скатерти потому, что вареньем капнули. А почему одного хорошего полюбишь без памяти, а на другого хорошего тебе и глядеть не хочется, — этого, в общем, никто понять не может...

А что если взять подстеречь, когда он потушит свет и выйдет на улицу, подбежать к нему и сказать:

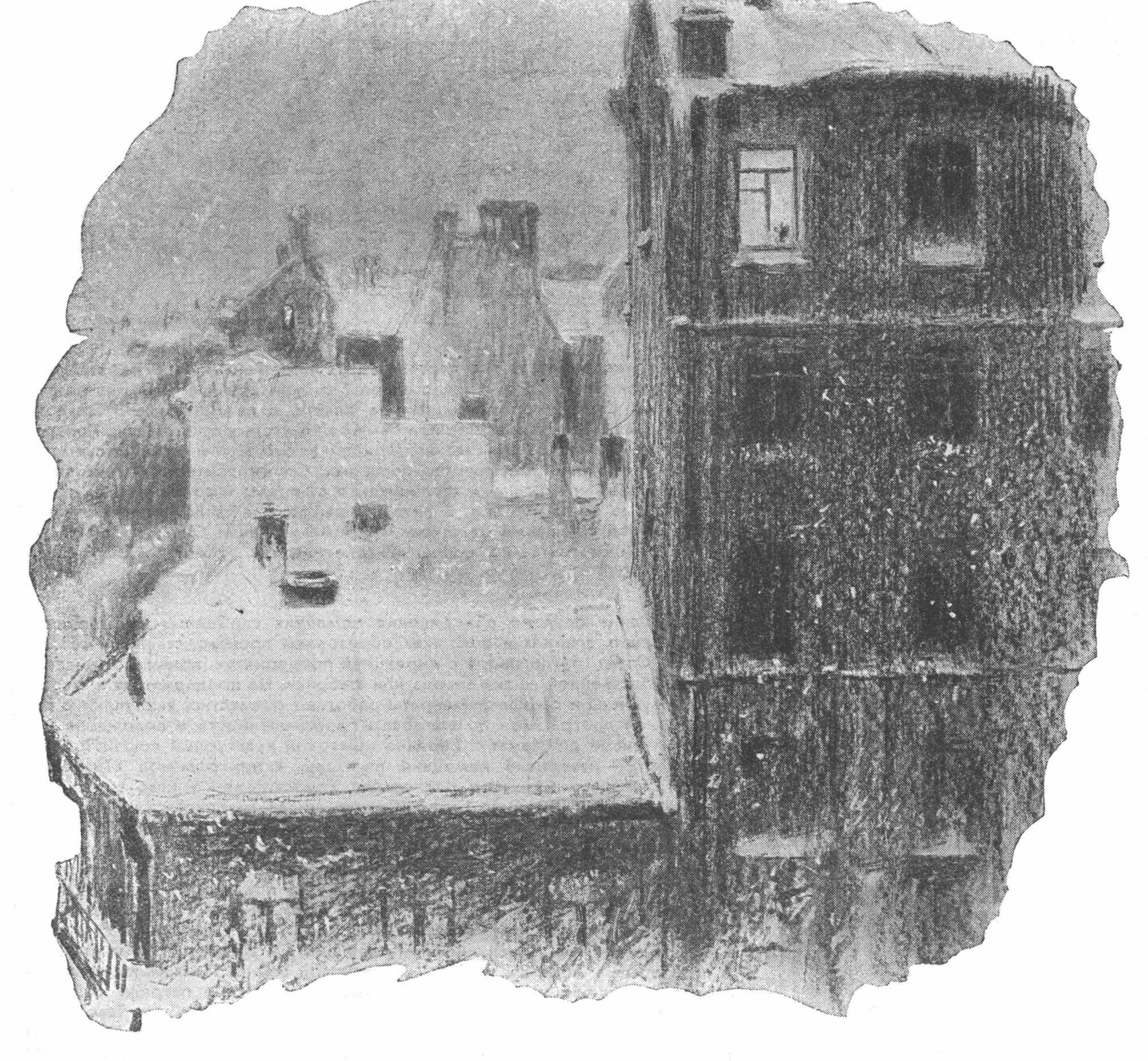
— А я знаю, что вы очень одинокий!

Он ужасно удивится и скажет:

— Да, правда, но откуда вы это знаете?

— О, я ещё много про вас знаю: вы печальный. Вы суровый и сильный, но печальный. Правда?

— Вы меня просто поражаете, —

Окно светило над пропастью дымного морозного воздуха, как синий маяк на скале.

скажет он, и посмотрит на неё с восхищеньем, и возьмёт за руку.

Нет, не возьмёт. Что это? Со второго слова — и сразу за руку? Просто посмотрит с восхищеньем, а она ещё скажет:

— Не будьте таким одиноким!..

А он тогда вдруг как посмотрит на неё так, исподлобья, да как скажет:

— А вы, я вижу, пренахальная девчонка!.. — и правильно сделает, если так скажет.

Положим, он не должен так говорить, а всё-таки вдруг скажет?.. Нет, конечно, она к нему никогда не подойдёт.

Напрасно она себе говорила, что синие лампочки продаются в магазинах Электросбыта, что это ничего не доказывает, что эту лампочку, может быть, забыли вывернуть с окончанием войны или, может быть, по ошибке...

Тогда она попыталась уверить себя, что у него руки пахнут луком, что на переносице у него багровая полоса от пенсне, что у него громко скрипят башмаки и ещё всякие другие глупости, в которые ей почти удалось поверить. Это продолжалось до тех пор, пока она не обнаружила, что ещё, немного — и она начнёт чувствовать симпатию ко всем людям со скрипучими ботинками и лук сделается её любимым запахом.

Тогда она бросалась мысленно просить у него прощения за все эти глупости, которые она навыдумывала против него. Теперь она не хотела больше, как это было в первые времена её знакомства с синим окном, чтобы он оказался знаменитым героем боёв или исследователем Арктики, потому что это так опасно. Пусть он окажется калькулятором... Нет, пусть лучше он всё-таки будет не калькулятором. Пускай он оказался бы исследователем или бесстрашным героем, который прошёл через тысячи опасностей, удивил весь мир своим суровым бесстрашием, но теперь он уже возвратился назад навсегда и уже никогда никуда ему не понадобится ехать. Нет, пускай он будет неудачник. С неё довольно того, что она одна знает, какой он на самом деле, знает, на что он способен...

И вот однажды вечером в окне не зажёгся свет. Он не зажигался и на другой и на третий вечер. Казалось, окно погасло навсегда. Днём было видно, что занавеска продолжает висеть и цветок стоит на своём месте на подоконнике. Цветок и занавеска — это была последняя тонкая нитка надежды. Он попал под автомобиль? Уехал в командировку (если он калькулятор)? Ушёл в арктическое плаванье (если он исследователь)? Ничего она не знала! Знала только, что окно стало тёмное.

Проходил вечер за вечером и день за днём, и она стала реже вспоминать об окне. И всё-таки однажды ночью она проснулась от переполнившего её ощущения радости. Она открыла глаза в темноте и вспомнила свой сон: окно снова светилось синим, спокойным светом среди ночи. С бьющимся сердцем она вскочила и отдёрнула занавеску. Снежное море крыш уходило в даль и расплывалось в морозной дымке Кошка пробиралась через перевал к слуховому окну, оставляя за собой длинную цепочку следов. Было очень раннее утро, и кое-где за окнами уже проснулись и зажгли свет. Было так тихо, что над городом слышалось гуденье работающих на окраине заводов, совсем неслышное днём. В этой слегка гудящей тишине беззвучно дымили над городом трубы и неслышно падал снег. Всё могло бы быть так хорошо, но угловое окно, одно среди всех, тускло отсвечивало, тёмное, безжизненное...

На другой день, ложась спать, она вспомнила, что сегодня впервые позабыла посмотреть в окно. Она вздохнула и осталась лежать.

Таня сошла с трамвая на своей остановке и неторопливо завернула за угол.

Она шла и думала о разных простых, хороших вещах и уж, конечно, не вспоминала больше ни о каких окнах. Она теперь и сама очень хорошо понимала, как это смешно и глупо, когда обыкновеннейшее окно начинает играть какую-то роль в жизни человека.

Она прошла мимо аптеки на углу, мимо газетного киоска и керосинной лавочки, мимо ярко освещённого подъезда маленького кино и подошла к воротам своего дома, по обе стороны которых сидели вразвалку две толстые каменные тумбы.

И вот в тот момент, когда она сворачивала под арку, случайно или по позабытой привычке она подняла голову и бросила вверх беглый, равнодушный взгляд и увидела в фиолетовых сумерках ясный, как во сне, наполненный синим светом изнутри квадрат заветного окна.

Несколько мгновений она жадно вглядывалась, ожидая, что вот-вот всё исчезнет. Но окно спокойно, как ни в чём не бывало, светилось, как будто никогда оно и не было тёмным. Снизу было видно, как к стеклу изнутри придвинулась какая-то тень, помедлила немного и исчезла...

Таня ахнула и опрометью бросилась через две ступеньки по лестнице вверх, ворвалась в комнату и кинулась к окну. Всё было на своём месте: окно, цветок, занавеска, угол «цыновки» и он, он сам, неторопливо и равномерно шагал из угла в угол, нагнув голову, сутулясь и раскачиваясь на ходу...

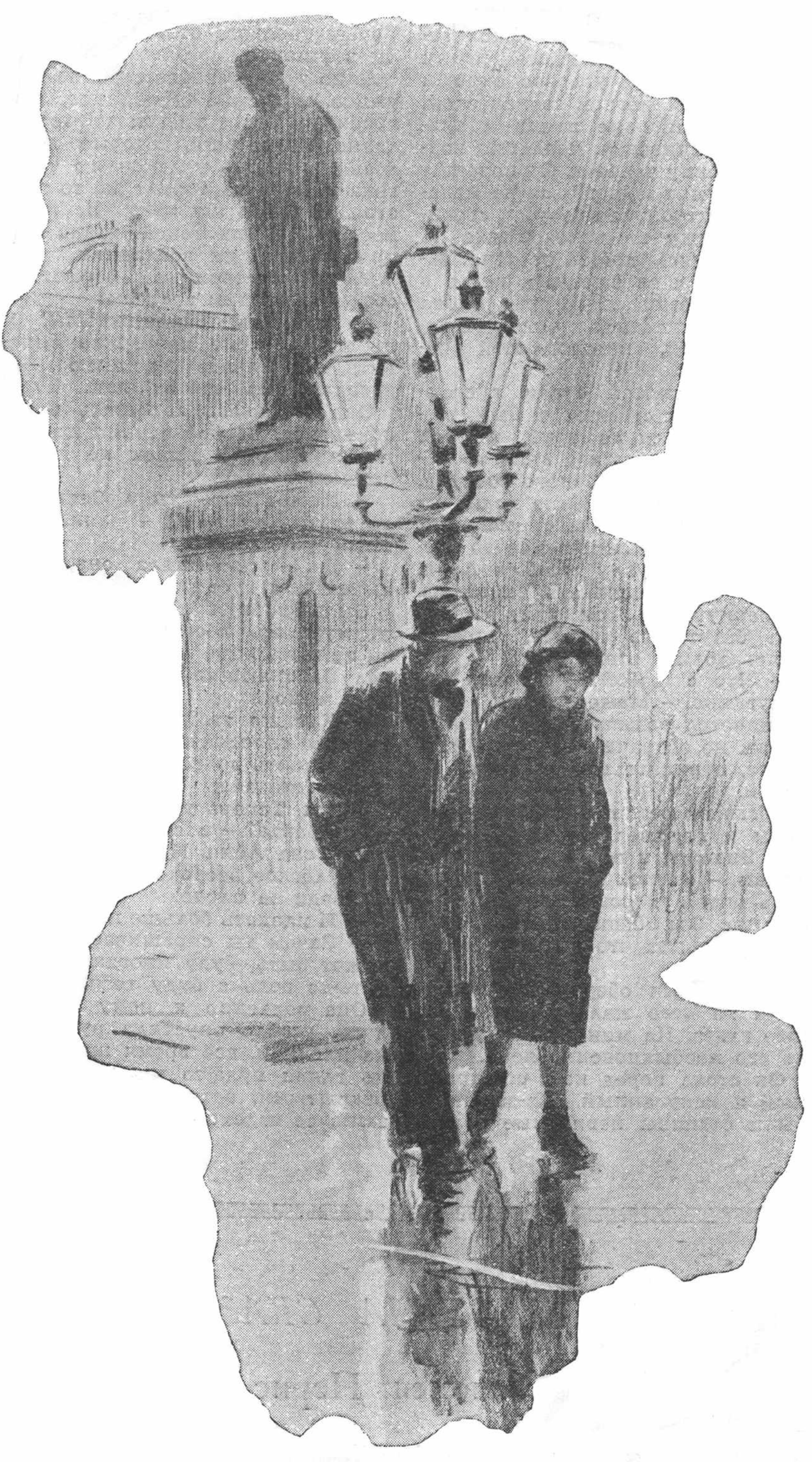
Прошло довольно много времени, прежде чем Таня заметила, что от долгого стояния у неё затекли ноги. Тогда она, не отрывая глаз от окна, наощупь протянула руку назад, пододвинула к себе стул и села на краешек, боком, опершись на подоконник, и расстегнула пальто.

В этот самый момент человек в окне ушёл в глубь комнаты и не появлялся что-то долго — и потом свет в окне погас.

«Вдруг он ушёл совсем?.. Не вернётся никогда? Ещё сейчас не поздно, ещё есть у меня две-три минуты, а я вот сижу... я теряю его... я его навсегда теряю вот сейчас, сию минуту. Он спускается с лестницы...»

Буря решимости охватила её. Она вскочила и бросилась бегом вниз, пробежала под воротами... Что она ему скажет? Поздно думать, только бы успеть... да, но что всё-таки сказать?.. Что сказать?.. Что сказать?.. Неважно, только скорее, скорее!..

Подъезд она знала, это было почти напротив. Она перебежала дорогу, поблизости на тротуаре не было никого... Неужели поздно?.. И почти налетела на человека, выходившего из подъезда.

Они задумчиво бродили по улицам...

Он остановился и посмотрел на неё. Таня стояла против него с шапкой в руке, задыхаясь от бега и волнения. Её решимости хватило как раз до этого места.

Человек, вышедший из подъезда, хотел было идти дальше, но вдруг замялся на месте, неожиданно для самого себя обернулся и ещё раз посмотрел Тане в лицо и уже не мог больше оторвать от него глаз.

Не часто приходится видеть такие глаза. Как будто человек думал, что он уже пропал, и вдруг неожиданно спасся.

Они стояли друг против друга и смотрели. Она — совершенно обессиленная своим порывом. Он — просто потому, что ему вдруг ужасно не захотелось отсюда уходить, и он не знал, что сказать.

И в этот вечер многие московские шоферы имели случай наблюдать двух людей, которые задумчиво бродили по улицам, не оглядываясь на плачущий скрежет тормозов: сворачивали на тихие, извилистые тропинки малолюдных переулков, ловили на ходу своё изображение, как в ручейках, в зеркальных витринах булочных и, улыбаясь друг другу, тихо разговаривая, брели дальше...

И вот наступил однажды день, когда они вместе вошли в её комнату. Это было в первый раз и должно было быть в последний, потому что в углу уже стояли наспех собранные к переезду танины вещи.

Лёня, сразу застеснявшись в её комнате, принялся преувеличенно деловито разбирать и прикидывать на вес чемоданы.

— А ты что там делаешь? — спросил он немного погодя.

— Я прощаюсь.

— Со стенками?

— Да. И с окнами. Ты ведь ещё ничего не знаешь. Когда-нибудь я тебе всё расскажу, — заворачивая пакет, она подошла в последний раз к своему окну, с которого уже была снята занавеска, и вдруг, разом задохнувшись, схватилась рукой за раму: на той сто-

роне улицы, в дымных фиолетовых сумерках, светилось синим светом знакомое угловое окно и за туманной лёгкой занавеской, ссутулив широкие плечи и знакомо раскачиваясь, медленно подходил к окну человек. Он подошёл и в раздумье задержался на мгновенье, притронулся рукой к странному цветку на подоконнике и, отвернувшись, пошёл от окна, заложив руки за спину, и исчез в глубине комнаты. И вот снова стал приближаться к окну той же размеренной, неторопливой походкой.

Окно светилось среди густеющих зимних сумерек, и дым, теснясь, клубился из труб, и угол дома уходил обрывом вниз, в пропасть, полную морозного воздуха, и человек в синем окне ходил из угла в угол. Всё было знакомое, как во сне, приснившемся во второй раз, а в углу возился Лёня, собираясь вытаскивать чемоданы.

Обернувшись, он увидел, что она безутешно плачет, прижимаясь лбом к стеклу.

— Что с тобой? — спросил он испуганно. — Может быть, тебе не хочется уезжать?

Она, не оборачиваясь и всё ещё плача, отрицательно покачала головой.

Тогда он оставил в покое чемоданы и подошёл к ней.

— Знаешь, я всё время об этом думаю, — сказал он, — всё случилось очень хорошо, но немного странно. Ты обещала мне сегодня рассказать, за что ты меня полюбила?

Она нехотя обернулась и подняла на него жалкие, заплаканные глаза. На минуту она увидела его необыкновенно ясно.

Он стоял перед ней, расстроенный и испуганный. Из-за двери были слышны невнятные голоса. Трубы парового отопления шипели в тишине.

Лицо у него скорее славное, чем умное, и скорее безобидное, чем красивое. Вот с ушами что-то неладно. Не те уши, которые хотелось бы видеть у любимого человека. Не то они торчат, не то просто... круглые какие-то. И, главное, вид у них такой, точно они просят, чтоб их погладили.

Таня растерянно бормотала совсем упавшим голосом.

— Зачем ты спрашиваешь? Я не знаю... — она повторила виновато, — я ничего не знаю... — и расплакалась ещё сильней.

Она старалась перестать и успокоиться, но всё всхлипывала и всхлипывала и никак не могла остановиться.

— Может быть, ты любишь кого-нибудь другого? — запинаясь, выговорил Лёня.

— Да, — прошептала она, едва шевельнув губами.

Он вздрогнул и, немного отодвинувшись, посмотрел, наконец, ей прямо в лицо и с испугом увидел её сияющие глаза, смотревшие мимо.

— Кто же это? — не очень находчиво спросил он.

Она опять долго молчала, прежде чем сказала:

— Ты. Теперь уж это ты.

— Правда? — с облегчением переспросил Лёня. И, чувствуя всётаки лёгкое беспокойство, тронул её сзади за плечо:

— И плакать больше не будешь?

— Зачем ты спрашиваешь? Ну, может быть, буду иногда. Но любить-то ведь я буду тебя.

Она медленно к нему обернулась, устало опустила руки ему на плечи и, всё время напряжённо глядя куда-то мимо широко открытыми, затуманенными глазами, со вздохом обняла его.

БАБУШКИНА СКАЗКА

Саломея Нерис

Зимы, индевея, дремлют,
Всё бело, бело кругом...
Длинной сказке тихо внемлют
Малыши за камельком.
О коротких косах солнца,
О пурге, что в дверь стучит,
О гусе, что за оконцем,
Желтолапый, вверх летит.
Об Иване, третьем братце,
Чей скакун быстрее птиц,
И о водах, что струятся
Из серебряных криниц.
О большом медведе буром,
О волках, о колдовстве
И об Егле, змее хмуром,
Проползающем в траве.
И о детях, что в деревья
Колдуном превращены,
И о соснах, что кочевья
Покидают в дни весны.
Подо льдом уснули рыбы,
А в сугробах гномы спят,
Ведьма мчится через глыбы.
Нет следа от жабьих пят.
У сиротки добронравной
Злая мачеха, отец...
Задремала бабка славно —
Волшебству пришёл конец.

Перевела с литовского Мария ЗАМАХОВСКАЯ

ЛЮДИ С БОЛЬШИМ СЕРДЦЕМ

А. Шаповалова

Фото Б. Цейтлина

Ольга Федосьевна и Алексей Александрович Гаврилины.

Своих детей у Гаврилиных не было. Единственный ребёнок прожил только две недели. Проходили годы и, вероятно, одиночество иссушило бы, зачерствило бы сердца Алексея Александровича и Ольги Федосьевны, если бы не любовь к детям. Ольга Федосьевна привязалась к ребятам своего дома. В детской комнате при домоуправлении сто пятьдесят детей было под её присмотром. Она стала «тётей Олей» и самым популярным человеком среди местной детворы. Её слушались, с ней считались. Потом Ольга Федосьевна пошла учиться, и вот она профессиональный культработник.

Алексей Александрович Гаврилин — по профессии бухгалтер, работает в Наркомате боеприпасов. Он старше своей жены на двенадцать лет, теперь ему шестьдесят. Но лучше всего он себя чувствует с молодёжью, с детьми, интересуется их воспитанием.

Сейчас у Гаврилиных пять человек детей. Все — приёмные. Ещё две девочки взяты на воспитание сёстрами Ольги Федосьевны — Верой Федосьевной Нехворошко и Анастасией Федосьевной Михайловой. Большая советская семья воспитывает шестерых детей. Они сироты воинов Отечественной войны. Седьмой воспитанник, Евгений, служит сейчас в Красной Армии. Он усыновлён Гаврилиными в 1937 году. Ольга Федосьевна познакомилась с ним в детской комнате домоуправления. Мальчик ей понравился. Это был не только способный, но по-настоящему талантливый ребёнок. Он обладал музыкальным слухом, прекрасным голосом, замечательно рисовал. Но мальчик отбился от рук, сдружился с плохой компанией. Родителей у него не было, они умерли. Воспитывался Женя у дедушки с бабушкой. Старики справиться с ним не могли. А когда умер и дедушка, то бабка совсем отказалась от внука. Мальчика приютили Гаврилины. Ему было тогда двенадцать лет.

— Сколько я с ним слёз пролила! — рассказывает Ольга Федосьевна. — Такой был трудный ребёнок! И товарищи его смущали. Бывало, идёшь с ним по улице, а ребята кричат: «Гаврилиным продался! Загордился!» Я, бывало, его одного никуда не пускала, можно сказать, за руку водила, пока он твёрдости характера не приобрёл.

Зато теперь Гаврилины на Женю не нарадуются. Красив, умён, талантлив. На стенах квартиры Гаврилиных висят его картины, писаные маслом. Это пейзажи, и, надо сказать, неплохие. А ведь Женя — самоучка. Перед призывом в армию он учился в музыкальной школе по классу пения. Сейчас Женя на Дальнем Востоке, возле города Дальнего. Вначале он служил в армии радистом, теперь его приняли в красноармейский ансамбль песни и пляски.

— Вернётся с действительной службы, поступит в Консерваторию. Голос у него, как... у Лемешева, — с гордостью говорит про своего питомца Ольга Федосьевна.

И сын платит своим приёмным родителям вниманием, заботой и уважением, которые рождаются искренней любовью, а не только благодарностью. Как ласковы его письма! Как тревожится он за здоровье Ольги Федосьевны и Алексея Александровича! И всегда, как родной старший брат, интересуется успехами младших детей.

Несколько лет назад, когда на заседании исполкома районного совета стоял вопрос об усыновлении Жени и его спросили, какую он хочет носить фамилию: свою или Гаврилиных, — Женя ответил:

— Конечно, Гаврилин. Эта семья сделала из меня человека. Без них я, наверное бы, погиб.

Опыт воспитания Жени оказался удачным. И поэтому, когда в семье появился Толя, Гаврилины не колебались: оставлять его или отказаться.

А Толя Анисимов, которому сейчас тринадцать лет, пришёл в семью Гаврилиных так. В 1942 году Ольга Федосьевна, как общественница, помогала районному отделу народного образования бороться с детской безнадзорностью и беспризорностью. То были первые годы войны. Тысячи советских детей потеряли родителей. Если родители оставались живы, они находили своих детей. Ольга Федосьевна по поручению отдела народного образования несколько раз возила из детских домов Москвы детей к их найденным родителям. И вот однажды, возвращаясь из такой поездки, она вечером на Казанском вокзале увидела Толю. Понять, как он очутился в Москве, было трудно. Милиционер, к которому Ольга Федосьевна подвела Толю, сказал:

— Куда же я его на ночь дену? Всё закрыто, время позднее. Возьмите его к себе переночевать, а

завтра утром отведёте в приёмник.

Милиционер по работе не раз встречался с Ольгой Федосьевной и знал её неравнодушное к детям сердце. Толя был грязен, оборван, покрыт чесоткой и вшами. Но Ольга Федосьевна повела ребёнка с собой.

Дома, муж и сын встретили нового пришельца, как «заблудившуюся овцу». Алексей Александрович принялся его мыть и чистить. А на другой день Женя сказал:

— Тётя Оля, оставим Тольку у нас. Хороший парень...

Так «хороший парень» и остался у Гаврилиных. Они уж собирались и его усыновить, но отыскалась толина мать. Больше года мальчик прожил у Гаврилиных, жалко было с ним расставаться. Но закон есть закон, и Ольга Федосьевна повезла Толю к матери в Днепропетровск. Прошло немного времени и Гаврилины получили от Толи письмо. Он просил взять его обратно. Да и мать жаловалась на Толю, писала, что с таким озорником она справиться не может. По обоюдному согласию и с разрешения отдела народного образования Гаврилина привезла его к себе. Отношения между приёмными родителями и матерью Толи остались дружескими.

Инна помогает Ольге Федосьевне по хозяйству.

Ольга Федосьевна и Алексей Александрович хвалят Толю. Он сейчас старательно учится, хочет быть отличником. Школьник много помогает по хозяйству. Между прочим, увлекается стряпнёй, и Ольга Федосьевна доверяет ему готовить многие блюда совершенно самостоятельно. Алексей Александрович поставил мальчику условие: к приезду Жени выучиться играть на баяне.

Лиду, а ей теперь шесть лет, взяли Гаврилины в 1942 году из детского дома. Она круглая сирота, отец её погиб на Белорусском фронте, мать умерла во время войны. Лида—девочка тихая, ласковая. Гаврилиным хотелось иметь дочку. На Лиду их выбор пал потому, что у неё хорошие музыкальные способности. Гаврилины же неравнодушны к музыке.

А вот Инну и Колю Кашковых предложил взять Гаврилиным отдел народного образования. Инне двенадцать лет, Коле пять. Отец их — майор, лётчик-орденоносец. Он погиб геройской смертью при исполнении служебного задания. Мать пропала без вести. Дети жили у дальних родственников в очень плохих условиях, хотя опекуны получали после смерти майора Кашкова пенсию на воспитание детей. Сейчас пенсию выдают Ольге Федосьевне. И по праву, ибо она действительно заменила родную мать детям геройски погибшего майора Кашкова.

Алексей Александрович Гаврилин, с виду человек скромный, но обладает твёрдым характером и крепкой волей. С ребятами он поставил себя прекрасно, они его беспрекословно слушаются и относятся к нему с большим доверием. Чувствуется, что вся его жизнь в детях, о них его помыслы, его заботы. Да он и сам говорит:

— Отними у меня детей—жизнь станет пустая. Идёшь с работы и радуешься: встретят тебя, обо всём расскажут, маленький Коленька на колени заберётся, песенку споёт. Знаю, как нужен я моим ребятам, и не угасает во мне интерес к работе, к будущему. Когда я с детишками, то забываю про свои шестьдесят лет. Молодею с ними...

У Алексея Александровича часто спрашивают, как им живётся материально. Обычно он отвечает:

— Не хуже других живём. Другие-то воспитывают родных детей! А мне и наркомат и отдел народного образования немного помогают.

Но самое главное, что Гаврилины разумно организовали свою семью: старшие дети сами себя обслуживают, помогают в работах по хозяйству, ухаживают за маленькими, приучаются бережно относиться к вещам. Инне взяли платного репетитора. Пока девочка не жила у Гаврилиных, она отстала в учёбе. И ей нужно помочь догнать своих сверстниц.

Маленькая Лидочка любит музыку.

По субботам и по праздникам у Гаврилиных вошло в традицию устраивать вечера самодеятельности. Приходит Анастасия Федосьевна с мужем, недавно вернувшимся с фронта, и приёмной дочкой Наташей, приходит Вера Федосьевна с приёмной девочкой Олечкой, приходит бабушка всех детей—мать трёх сестер. Олечка и Наташа (обеим по шести лет) забегают к Гаврилиным часто и в будни: они ведь «двоюродные сёстры».

Организатор, «душа» самодеятельности в семье Гаврилиных — Инна. Все ребята, даже маленький Коля, поют, танцуют, декламируют. И делают они всё это легко и просто, веселятся сами, радуя взрослых. Когда же садятся за стол, его приходится раздвигать доотказа — такая большая стала семья.

Если бы кто-нибудь сюда заглянул невзначай, то никогда не подумал бы, что дети здесь приёмные. К ним относятся, как к родным, радуются их радостям и печалятся их огорчениями. Да и сами дети относятся друг к другу, как братья и сёстры. И такое чувствуется здесь взаимное понимание, такая спокойная радость жизни, что по-настоящему отдыхаешь душой в этой прекрасной советской семье.

За вечерним чаем собрались все шестеро ребят: Коля, Оля, Наташа, Лида, Толя, Инна (слева направо).

ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

Новые переводы

Возвращение солдата

Когда прошла гроза войны
И мир вернулся кроткий,
Когда заплакала вдова
Над люлькою сиротки, —
Взвалив котомку на плечо —
Убогий скарб солдата, —
Покинул поле битвы я,
Где кровь лилась когда-то.

Я грабежом не промышлял,
Я не был мародёром,
И с лёгким сердцем шёл домой
К родным шотландским горам.
Я пел об отмелях речных,
Я пел о Нэнси милой,
Я пел о том, как с давних пор
Она меня пленила.

В долине юности моей
Мой длинный путь кончался.
Вот и боярышник, где я
С любимою встречался.
Вот и сама она стоит,
И я прибавил шагу,
Но отвернулся, чтобы скрыть
Предательскую влагу.

Сказал я, голос изменив:
— Ты словно май в расцвете.
О, счастлив тот, кто для тебя
Милее всех на свете!
Карман мой пуст, мой путь далёк,
Уж близок час заката.
Я долго родине служил, —
Так приюти солдата.

— Когда-то, — молвила она
С печалью бесконечной,—
Меня солдат любил... Его
Я буду помнить вечно.
Блестит кокарда на тебе,
Знак доблести суровой,
Желанным гостем будешь ты
Под нашим скромным кровом.

А взгляд её, казалось, жёг
Сквозь слой дорожной пыли...
И вдруг воскликнула она,
Раскрыв объятья: — Вилли?!
— Клянусь Хранителем любви,
Творцом земли и тверди, —
Я тот, кого ты так ждала
С полей кровавых смерти!

Ты мне попрежнему верна.
Пусть мы бедны, так что же!
Любовь, прошедшая войну,
Сокровищ всех дороже.
Она ответила: — Смелей
Входи, мой честный воин!
Мне дед усадьбу завещал,
Ты ей владеть достоин.

Для денег фермер спину гнёт,
Купец по свету кружит,—
Богатство же солдата — честь,
Наградой слава служит!
И вы на нищих храбрецов
С презреньем не смотрите:
Настанет день — придётся вам
Прибегнуть к их защите.

1793 г.

Красивый парень, что ушёл далёко

Как я могу весёлой быть,
Ласкать красой чужое око, —
Красивый парень, милый мой,
За цепь холмов ушёл далёко?!

То не морозный ветр зимы,
Не блеск снежинки одинокой, —
Слеза бежит, как весть о том,
Кто от меня ушёл далёко.

Отец из дома гонит прочь,
Друзья покинули жестоко,
Но я живу одной мечтой,
Я с тем, кто от меня далёко.

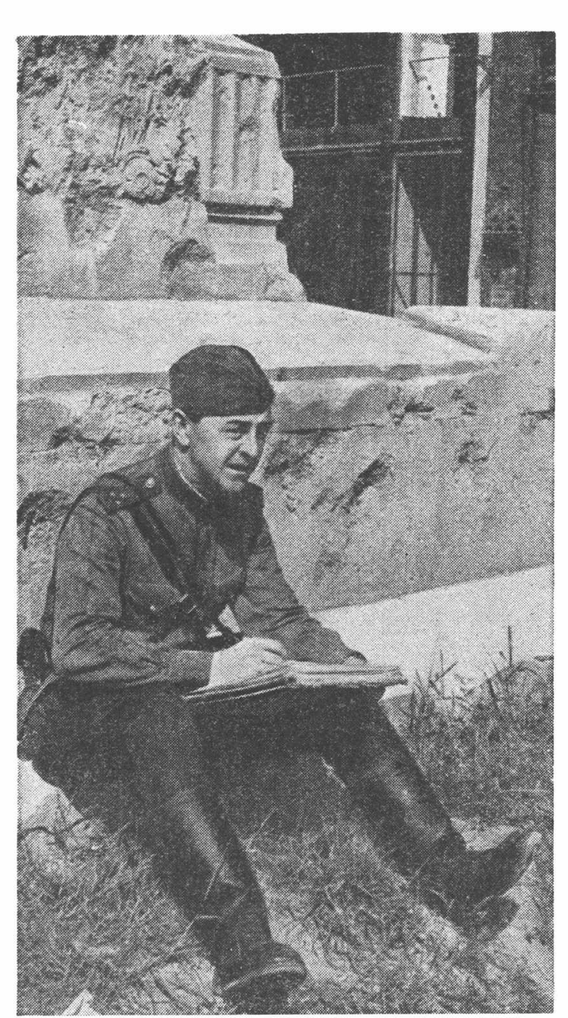
Он мне перчатки подарил
И ленты розового шёлка —
Я их надену для того,
Кто от меня ушёл далёко.

Зима постылая пройдёт,
Нальётся роща вешним соком —
И сын родится у меня,
И друг вернётся издалёка.

1788 г.

Перевёл с английского
Р. МОРАН

ЗАПИСИ ХУДОЖНИКА

Художник А. В. Кокорин в Будапеште.

Художник предполагал посвятить лето 1941 года созданию полотен, воспевающих красоту и счастье мирных будней страны победившего социализма.

Но время рассудило иначе.

Загремели пушки Отечественной войны. Художник Кокорин, известный преимущественно своими городскими и сельскими пейзажами, целиком отдался необычной для него теме войны. Мечтая создать в будущем монументальные художественные произведения, Кокорин пока что выступает перед зрителем как умный и острый летописец эпизодов войны.

И во времена тяжёлых боёв с немецкими захватчиками и в период победного шествия советских войск за рубежами нашей Родины художник, пристально следя за каждодневными событиями, заносил в свой графический дневник всё, что волновало сердце и мысль.

Публикуемые в этом номере журнала рисунки из военного дневника Кокорина, запечатлённые карандашом или пером,—записи художника, прошедшего вместе с Красной Армией большой, трудный путь от полей Белоруссии до столиц Европы.

Он далёк от бесстрастной регистрации происходящего. Разработав до филигранной виртуозности технику беглого наброска, художник прекрасно овладел мастерством. Это мастерство помогло Кокорину создать большую серию рисунков, являющихся одновременно и ценными историческими документами и незаурядными художественными произведениями.

Вот бывалые солдаты — герои многих сражений, люди большого боевого опыта. Они воевали с первых дней войны, они познали и горечь отступления и радость побед. Художник метко уловил главные свойства их характера: мудрую уверенность в себе, настороженность, постоянную готовность к новым и новым битвам.

Перелистывая дневник, встречаешься со множеством портретов участников Отечественной войны: «Партизан-белорусс», «Девушка-боец», «Автоматчик» и другие. В этих рисунках интересны не столько индивидуальные облики портретированных, несмотря на их большое разнообразие, сколько присущие всем им типические черты: замечательное человеческое обаяние и мужественная стойкость. «Вот кто делал войну, вот кто победил!» — думаешь, глядя на эти рисунки.

Очень живо набросаны и картинки быта войны: «В землянке бреется», «Танкист моется в воронке от снаряда», «Походный портной». Здесь тёплый юмор сочетается с гордостью за людей, которые в тяжелейших условиях боевых походов проявили редкостное жизнеупорство и не забыли о своих мирных привычках.

Немалый интерес представляют и страницы дневника, отображающие внутреннюю жизнь Румынии и Венгрии в 1944—1945 годах. Они разнообразны по своему содержанию. Многие из них посвящены своеобразной экзотике быта и нравов придунайских стран. «Монашка», «Румынские лошадки», «Румынская крестьянка с гусями на велосипеде» — это очень острые, иронические, подчас просто язвительные зарисовки. Но ещё более удачны графические рассказы Кокорина о важных общественных событиях в освобождённых от фашистского ига странах. Рисунок «Первомайская демонстрация в Румынии» повествует о торжестве народной демократии, долгие годы скованной тёмными силами реакции. Кокорин умеет, нанеся на лист несколько образов, фигур и предметов, соединить их в законченный рисунок. И это не случайные зарисовки, а художественное целое.

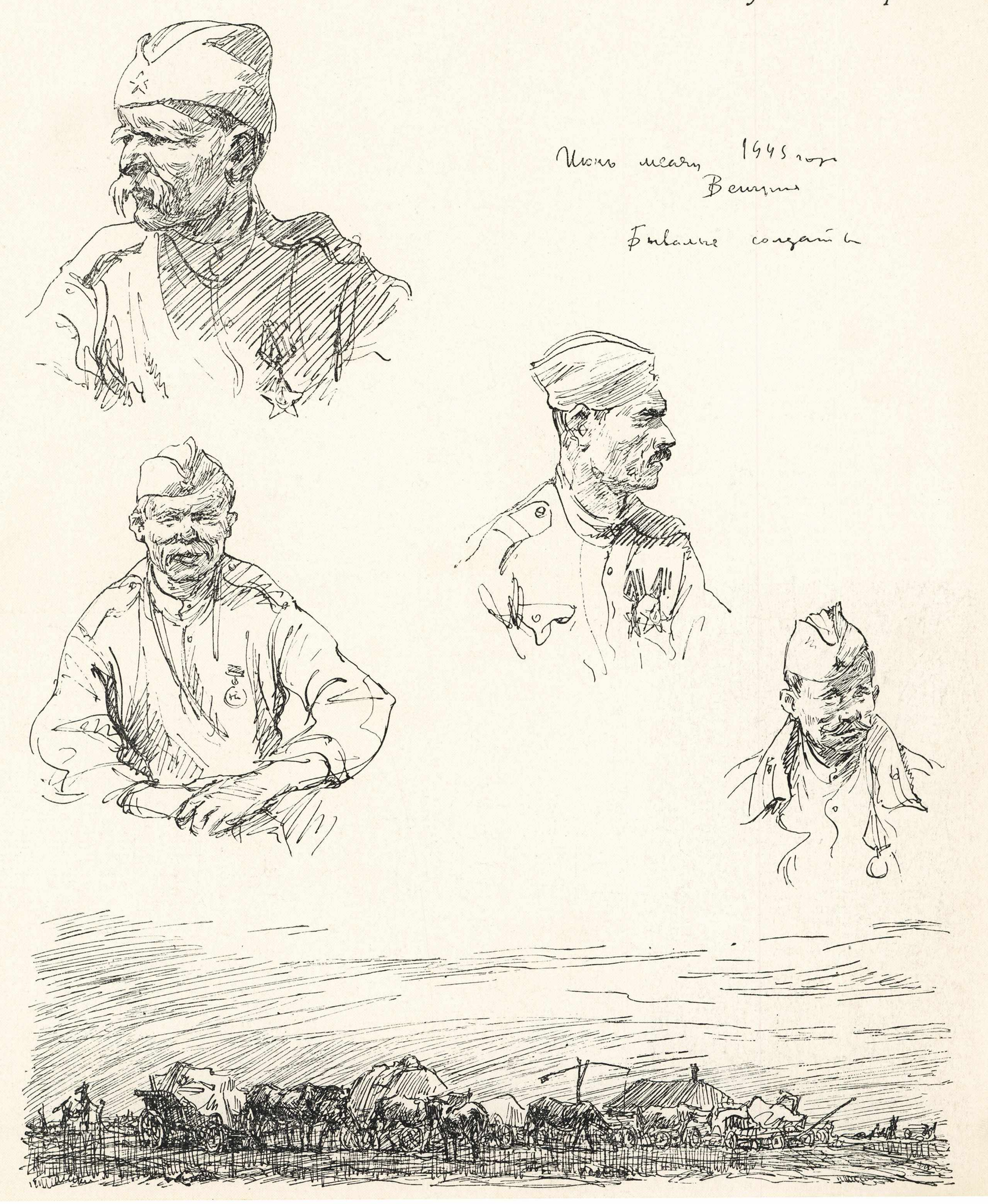
Вернувшись по окончании войны в Москву, Кокорин предполагал использовать материалы своих военных зарисовок для создания больших, скомпонованных в мастерской графических листов и живописных полотен. Но было бы ошибочно считать дневник лишь сырьём для будущих работ. Публикация отдельных рисунков из него в том виде, в каком они были сделаны «находу», вполне оправдана. Острота видения и свежесть восприятия — прекрасные качества военного дневника Анатолия Кокорина.

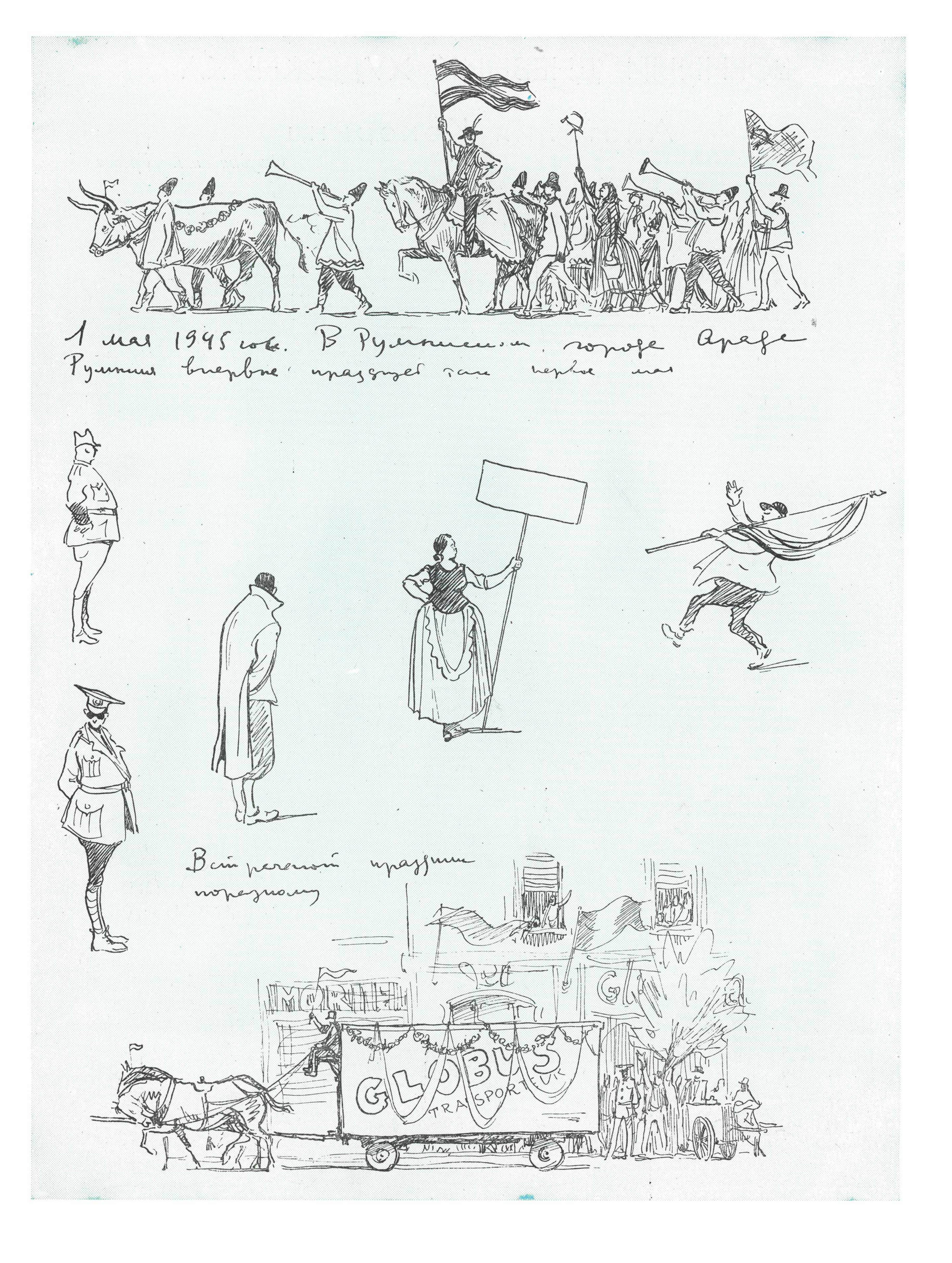
А. КАМЕНСКИЙ

ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА

Анатолия Кокорина

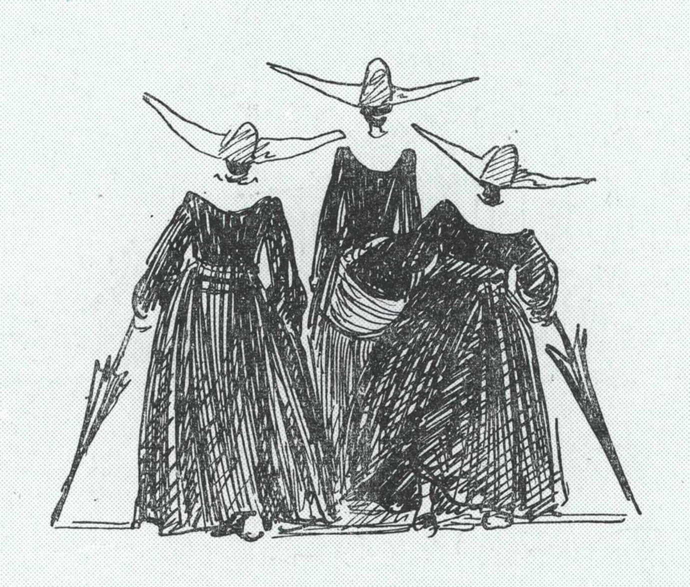
Студия им. Грекова

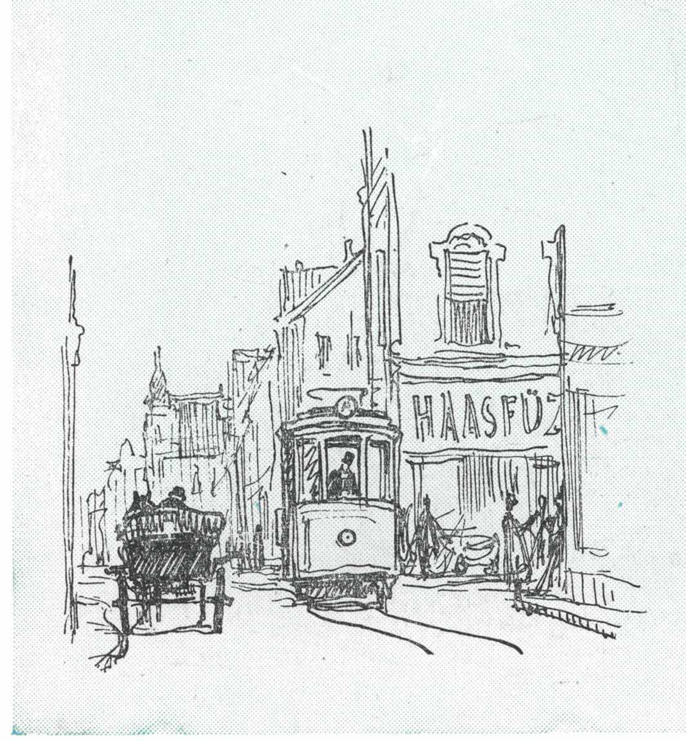

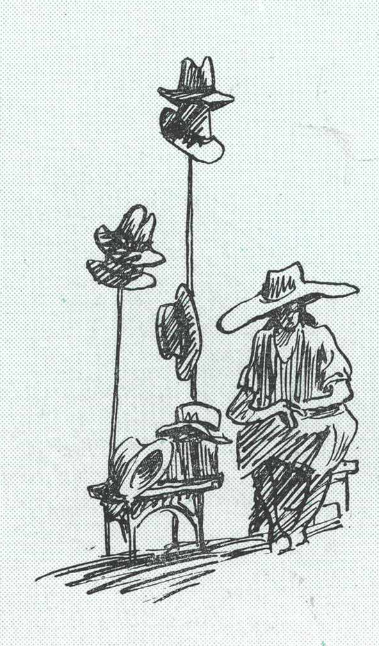

1 мая 1945 год. В Румынском городе Араде
Румыния впервые празднует свое первое мая
Встреченный праздник
поразному
GLOBUS
TRASPORT

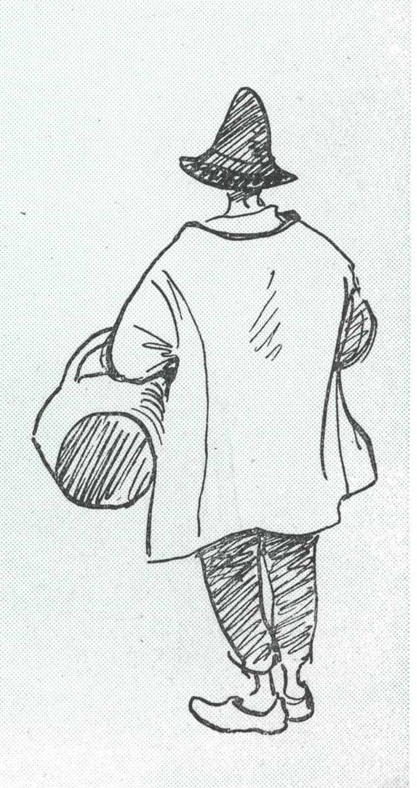

Июль месяц 1945 г.
Венгерский городок в транслитерации „Nagyvárad"
Теперь румынская — Орадеа-Мара

НАШЕ ДЕЛ
Венгрия июль месяц 1945 год

Есть ли органы чувств внутри тела?

Профессор К. Х. Кекчеев

Изумительная согласованность, которая существует в деятельности сердца, кровеносных сосудов и дыхательного аппарата (в спокойном состоянии и при мышечной работе), давно уже наводила учёных на мысль, что внутри кровеносной и дыхательной систем должны быть мельчайшие органы чувств.

Начались поиски, и в стенке сонной артерии, на шее, обнаружили какие-то странные образования, назначение которых не было известно. Оказалось, что здесь, на пути крови в мозг, находятся многочисленные мельчайшие органы чувств, которые немедленно сигнализируют мозгу о малейших колебаниях давления крови в сонной артерии и изменении её химического состава. В ответ на эту сигнализацию нервная система выравнивает давление крови, не позволяя ему сделаться очень большим или очень малым.

Советские учёные в результате большой исследовательской работы открыли много видимых только в микроскоп органов чувств во всех артериях, в селезёнке, в печени, в почке и во многих других внутренних органах.

Нелегко далось это открытие: ведь о деятельности глаза или уха мы судим по зрительным и слуховым ощущениям, о деятельности же указанных выше органов чувств мы не можем судить по ощущениям, потому что они не сопровождаются ими. Эту трудную задачу разрешили советские учёные: действительный член Академии медицинских наук профессор К. М. Быков и его сотрудники В. Н. Черниговский, Э. Ш. Айрапетянц и другие.

Что же они сделали? Им было известно, что раздражение любого внешнего органа чувств вызывает изменения в деятельности сердца и дыхания. Вспомним, к примеру, как замирает на мгновение сердце и останавливается дыхание от действия холодной воды на кожу и как затем сердце бьётся быстрее и сильнее, а дыхание делается глубже. Вот этим-то обстоятельством очень остроумно воспользовались учёные Быков и Черниговский. Усыпив кошку, они вскрыли ей брюшную полость. Затем в двух местах перерезали тонкую кишку, не затрагивая нервов. Через кровеносные сосуды изолированного отрезка кишки пропускали солевой раствор. Когда повышали или понижали давление в сосудах кишки, изменялись деятельность сердца и величина общего кровяного давления. Это означало, что в стенках кровеносных сосудов кишки имеются воспринимающие приборы — органы чувств, — которые по нервам сигнализируют в мозг об изменениях давления, а мозг уже путём рефлекса изменяет деятельность сердца. Таким образом было доказано существование в кровеносных сосудах кишки, а затем и в других органах, невидимых глазу мельчайших органов, воспринимающих изменение давления, — баррорецепторов, как их называют учёные.

Вскоре подобным же образом было доказано существование других микроскопических органов чувств, так называемых хеморецепторов, воспринимающих изменения в химическом составе крови, протекающей в кровеносных сосудах. Достаточно было прибавить в кровь некоторые химические вещества, как сердце и дыхательный аппарат изменяли свою деятельность. Такие хеморецепторы, «пробующие», по выражению одного учёного, кровь «на вкус», были обнаружены в селезёнке, в печени, кишечнике, в надпочечнике и во многих других внутренних органах.

Однако таким путём нельзя было обнаружить все внутренние органы чувств. Чтобы полностью разрешить эту задачу, профессор Быков прибег к методу условных рефлексов, открытых его великим учителем И. П. Павловым.

В изолированный участок тонкой кишки собаки, где сохранились все нервы, он вводил резиновый балончик, который наполнялся через трубку холодной водой; затем каждый раз во время введения в балончик холодной воды раздражали заднюю лапу собаки электрическим током. После нескольких таких комбинированных опытов перестали раздражать лапу собаки током, раздражение же холодом не прекращалось. Однако собака продолжала подтягивать заднюю лапу, как будто в неё по-прежнему посылался электрический ток. Это означало, что образовался условный рефлекс. Собака холода не чувствовала, но то, что она подсознательно отдёргивала лапу, показывало, что в кишке имеются органы чувств, воспринимающие холод. Постепенно советские учёные обнаружили в желудке, кишечнике, мочевом пузыре и во многих других органах изменения в температуре, давлении, химическом составе окружающей их внутренней среды.

Таким образом, советские учёные произвели полный переворот в наших взглядах на органы чувств внутри тела. Если мы раньше думали, что у человека и животных органы чувств обращены только к внешнему миру (органы зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания), то теперь мы уже знаем, что миллионы невидимых глазу внутренних органов чувств расположены и в сердце, и в кровеносных сосудах, и в дыхательном аппарате, в желудке и кишечнике, в печени и почках. До сознания их деятельность не доходит. Но незаметно для человека они каждую минуту, каждую секунду регулируют сложнейшие процессы в человеческом организме. Достаточно было бы на несколько минут прервать их деятельность, как в теле человека всё бы нарушилось и наступила бы смерть.

Мы сказали, что органы чувств внутри тела работают подсознательно, но у учёных имеются весьма веские основания думать, что настроение и самочувствие человека, то бодрое, то подавленное, работоспособность умственная и физическая не в малой степени зависят от работы миллионов внутренних органов чувств. Они играют в жизни человека гораздо бóльшую роль, чем мы об этом думаем. Но уже сейчас мировая физиология и медицина обязаны советским учёным открытием многих свойств органов чувств внутри тела.

Открытие профессора Лукомского

Зубная болезнь подкрадывается незаметно. На зубе появляется едва заметная точка. Постепенно разрастаясь, она превращается в дырочку, а затем и в дупло. Заболевание это называется зубной костоедой, или кариесом.

В своём последующем развитии кариес осложняется воспалением зубной мякоти, местным распадом её или гангреной, а затем воспалением надкостницы.

Причины, вызывающие кариес, до сих пор неизвестны. Во всяком случае, среди специалистов по этому вопросу нет единого мнения. Одно лишь известно: появление и развитие кариеса обычно связано с разрушением эмали зуба.

Советский учёный, видный стоматолог профессор Илья Генрихович Лукомский предложил замечательное средство, предупреждающее порчу зубов.

* * *

25 лет назад И. Г. Лукомский в своём докладе на собрании московских стоматологов высказал мысль, что кариес—результат нарушения минерального, в частности известкового, обмена в организме, в том числе и в самой эмали.

Заявление молодого врача вызвало ряд возражений.

— Как можно утверждать,— говорили его оппоненты,— что эмаль — живая ткань, когда известно, что она содержит 95—97 процентов минеральных веществ, главным образом солей извести и отчасти магния, и только 3—5 процентов органических веществ?

— Нет, — заявляли «морталисты» (сторонники взгляда, что эмаль не обладает жизненными свойствами),— кариес — не болезнь, а лишь следствие нарушения целости твёрдых тканей зуба. Микробы, выделяющие кислоты, и кислоты, возникающие в результате брожения пищевых остатков, растворяют известь эмали зуба, что и приводит к кариесу.

Так «морталисты» в одонтологии (наука о зубных болезнях) обосновали свою химико-бактериальную теорию происхождения кариеса.

Молодой учёный отстаивал свою точку зрения.

Чтобы утвердиться в своём мнении, И. Г. Лукомский долгими месяцами изучал в антропологическом музее Московского университета тысячи черепов с сохранившимися зубами. Значительная часть их относилась к курганным черепам IX—XI веков. Оказалось, что в районах нынешней Центральной полосы СССР количество кариозных зубов составляло тогда 3,3 процента; в Минской и Могилёвской областях—3,1 процента, в Поволжье—1,4 процента. С течением времени болезнь прогрессировала. Современная статистика показывает, что в культурных странах процент заболеваний кариесом увеличился в несколько десятков раз.

Если бы кариес являлся лишь следствием химико-бактериальных факторов (слюны, остатков пищи, микробов), разрушение зубов было бы примерно одинаковым. Но этого нет. Следовательно, дело не в «химии».

И. Г. Лукомскому надо было далее доказать, что эмаль — не инертная окаменелость, пласт неорганических солей, а живая ткань. Рядом экспериментов он подтвердил, что эмаль непроницаема для пищи и слюны и является замечательным барьером, защищающим зубные ткани от вредных веществ и микробов. Но стоит эмали заболеть, как нарушаются её барьерные свойства, увеличивается её проницаемость и начинается кариес.

Теперь надо было найти регуляторы, управляющие жизненными функциями эмали. Они были найдены в клетках зубной мякоти — одонтобластях (клетки, способствующие росту зуба); на одонтобласть в свою очередь влияют центры, находящиеся вне сферы зуба (в мозгу). Так восторжествовала биологическая теория происхождения кариеса. Профессор Лукомский и его сотрудники сконцентрировали своё внимание на поисках вещества, способного предупредить разрушение зуба. Таким оказалось химическое вещество фтор (по-латыни — флюор). Достаточно обработать зубы пастой фтора, как через несколько минут резко повышаются функции эмалевого барьера.

25-летние искания профессора Лукомского увенчались успехом: он доказал, что флюоризацией (обработка зуба пастой фтора) можно легко предупредить кариес.

Два года профессор Лукомский и его сотрудники по стоматологической клинике 1-го Московского ордена Ленина медицинского института, которую он возглавляет, тщательно наблюдали за школьниками Ленинградского района столицы. Зубы у детей после обработки их пастой фтора не имели признаков кариеса.

Флюоризация сохраняет своё действие в течение полугода. Простота, доступность, абсолютная безвредность при соблюдении соответствующих правил и безболезненность обработки зубов пастой фтора открывают широкие перспективы: фтористая паста Лукомского надёжно предохраняет зубы от разрушения.

И. ГЕЙЗЕР

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН В ПЕРЕПИСКЕ И ВЫСКАЗЫВАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

И. Федоров

М. Е. Салтыков-Щедрин. Фото конца 60-х годов.

При имени Салтыкова-Щедрина невольно мысль обращается к материалам, которые касаются великого писателя-сатирика в последние годы его жизни, — его переписке и многочисленным высказываниям о нём, хранящимся в различных архивных фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Несомненный интерес представляет переписка Салтыкова с Николаем Андреевичем Белоголовым, известным врачом и общественным деятелем 70—80—90-х годов, который интересовался литературой и журналистикой, лично был знаком с виднейшими писателями, считался своим человеком в редакции «Отечественных записок» времени Некрасова, Салтыкова, Елисеева. Помимо того и сам выступал в газетах и журналах, сотрудничал в «Колоколе» Герцена, посылал туда обличительные статьи-корреспонденции, состоял негласным издателем и редактором зарубежной нелегальной газеты «Общее дело» (1877—1890 годы), на страницах которой помещал свои статьи, широко используя в них информацию Салтыкова.

Переписка Салтыкова с Белоголовым, начатая в 1875 году и продолжавшаяся до самой смерти писателя (1889 год), полна самого живого и жгучего интереса. Она ценна как «задушевные излияния» Салтыкова в последние годы жизни перед человеком, которого он считал в числе близких ему людей, и как живое, правдивое свидетельство современника обо всём интересном в общественно-политическом и литературном отношениях, что совершалось тогда вокруг. Изложение последних лет горькой жизни знаменитого сатирика с непрерывными воплями и дзнью своей «мучительной восприимчивости к современности» — главная тематика этой исключительно интересной переписки.

Просто и откровенно Салтыков сообщал Белоголовому, как врачу и другу, о тяжёлой стороне своей жизни последних лет. Перед читателем проходит личная исповедь умирающего писателя, не выпускавшего пера из рук до самой смерти и «благодарного за то, что дали тридцать шесть лет говорить... заикаясь», — скорбная повесть о печальной участи литературного труженика, не думавшего дожить до такого срама, когда «литература без особенных насильственных усилий» изгонит его из своих рядов.

«Престранная моя судьба, — писал Салтыков за год до смерти Белоголовому, — десятками лет наживал себе репутацию, считался **будителем общественного сознания** (подчёркнуто нами. — И. Ф.) — и вдруг в один — два года всё потерял. Принадлежу к числу тех забытых писателей, о которых иные совсем не печатают, а другие поминают из учтивости и никогда не говорят по существу... Боюсь, что сойду с ума — истинно не преувеличиваю».

Скорбная повесть Салтыкова полна жалоб на болезнь и утомление («...утомил меня «демон писания»), на невыносимые страдания и полную заброшенность, на потерю вкуса к жизни, на оскудение творческих сил и полное равнодушие публики.

«Скажу Вам откровенно: я глубоко несчастен. Не одна болезнь, но и вся обстановка до такой степени поддерживает во мне раздражительность, что я ни одной минуты льготной не знаю. Хотел бы куда-нибудь скрыться, пропасть, погрузиться в полное одиночество, но не знаю, как это сделать... Ниоткуда никакой помощи, ни в ком ни малейшего сострадания к человеку, который погибает на службе обществу. Деревянные времена, деревянные люди» (из архивных материалов Н. А. Белоголового).

Последнее письмо Салтыкова ввиде небольшой записки, набросанной карандашом за шесть дней до смерти, говорит о полной уверенности писателя в неизбежности рокового конца. «Хотя Боткин и утверждает, что я избежал опасности, но я честью Вас заверяю, что испытываю жестокие страдания. Целый день задыхаюсь, сплю и потею. Ослабел до того, что не только ходить, но стоять не могу. Кажется довольно. Прощайте» (22 апреля 1889 года).

Помимо личной исповеди, в письмах к Белоголовому немало внимания уделяется Салтыковым и тогдашней журналистике, в частности «Отечественным запискам», прекратившим своё существование в 1884 году «не за содержание, а за то, что некоторые из сотрудников его арестованы».

«Но и в департаментах, — писал Салтыков по этому поводу, — арестуют чиновников, а департаменты не закрывают... Скажите, есть ли в мире государство, где бы положение литературы было бы столь постыдно?..» — возмущался писатель.

Закрытие журнала, редактором которого Салтыков состоял пятнадцать лет, отдавая ему свои силы, свой талант и энергию, было очень тяжёлым ударом для него.

«Это был единственный журнал, имевший физиономию журнала, на сколько это в Пошехонье возможно... Наиболее талантливые люди шли в «Отечественные записки», как в свой дом, несмотря на мою нелюдимость и отсутствие обворожительных манер. Мне доверяли, моему такту и смыслу, и никто не роптал, ежели я изменял и исправлял. В «Отечественных записках» бывали слабые вещи, но глупых — не бывало... Большинство новых литературных деятелей, участвовавших в других журналах, только и думало, чтобы в «Отечественные записки» попасть. Вот Вам характеристика журнала, и позволяю себе думать, что в этой характеристике я занимаю своё место», — писал Салтыков к П. В. Анненкову.

Подлинные причины ликвидации журнала заключались, однако, не в том, что «будто «Отечественные записки» служили чем-то вроде конспиративной квартиры», не в том, что «просто живое слово не нравилось», но, как убедительно доказал это С. Борщевский на основании документальных данных, — в установлении факта несомненного сотрудничества Салтыкова, как ответственного редактора журнала, в революционной печати, в ярком выражении «злой воли» сатирика печатать в «революционном журнале» такие произведения, которые, по словам цензора Феоктистова, «он сам... не решался печатать в России».

Закрытие журнала со всей остротой сказалось на личном положении и дальнейшей судьбе Салтыкова. «Что касается до моего социального положения, — сообщал он Белоголовому, — то теперь я всё равно, что генерал без звезды... Никак не могу выяснить себе, какого я пола, заниматься ничем не могу, ибо, направивши свою деятельность известным образом, очень трудно ломать».

О закрытии журнала он, ответственный редактор, не был даже извещён официально и случайно узнал об этом от одного из приятелей, прочитавшего известное «сообщение правительственного вестника» и забежавшего выразить редактору своё соболезнование.

Не меньшим ударом для писателя было и отношение к нему — в связи с закрытием «Отечественных записок» — тогдашней литературы и тогдашнего общества. Ни от кого не получил он даже простых признаков сочувствия, если не считать «несколько соболезновательных писем от добровольцев, да и то под псевдонимами».

«...прежде бывало, живот у меня заболит, — с разных сторон телеграммы шлют: — Живите на радость нам! — а нынче вон с божьей помощью — какой поворот! — и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие! Даже из литераторов — ни один не отозвался... Обидно следующее: человека со связанными руками бьют, а пошехонцы, разиня рот, смотрят и думают: однако как же его не бить! Ведь он — вон какой!» (из архивных материалов Белоголового).

Такое равнодушие литераторов к тому, кто вчера ещё внимательно и серьёзно просматривал их произведения, угнетающим образом должно было действовать на Салтыкова.

Не лучшим оказалось для него и отношение тогдашнего общества. Особенно отличилась некогда либеральная Тверь, где два года когда-то (1860—1862) служил Салтыков, ведя ожесточённую борьбу с произволом, лихоимством, головотяпами, «господами ташкенцами», «угрюм-бурчеевыми», которыми кишели в то время все губернские и уездные учреждения и где он затем вынужден был оставить службу «по домашним обстоятельствам и расстроенному здоровью». Как же почтила Тверь заслуги своего земляка?

«С 1880 года в Тверском музее был поставлен мой бюст, как тверского уроженца. Стоял он таким образом беспрепятственно до закрытия «Отечественных записок», после чего Жизневский (директор — основатель Тверского музея. — И. Ф.) приказал его вынести. Вероятно, он думает на этот счёт устроить себе карьеру. Замечательно, что г. Жизневский в прежние времена заявлял мне о своём сочувствии и даже спешил

БОЯРЫШНИК

Пьер Ронсар

Мой боярышник лесной,
Ты весной
У реки расцвёл студёной,
Будто сотней цепких рук
Весь вокруг
Виноградом оплетённый.
Корни полюбив твои,
Муравьи
Здесь живут гнездом весёлым.
Твой обглодан ствол, но всё ж
Ты даёшь
В нём приют шумливым пчёлам.
И в тени твоих ветвей
Соловей,
Чуть пригреет солнце мая,
Вместе с милой каждый год
Домик вьёт,
Громко песни распевая.
Устлан мягко шерстью, мхом
Тёплый дом,
Свитый парою прилежной.
Новый в нём растёт певец,
Их птенец
Рук моих питомец нежный.
Так живи, не увядай,
Расцветай,—
Да вовек ни гром небесный,
Ни гроза, ни дождь, ни град
Не сразят
Мой боярышник прелестный!

Перевёл с французского В. ЛЕВИК

приобретать мои сочинения, опасаясь, что они будут запрещены» (из архивных материалов К. А. Буха).

Гонением на бюст Салтыкова, как изображение «неблагонадёжного», дело не ограничилось: начались гонения и на сочинения Салтыкова в связи с закрытием журнала. В Киеве из городской библиотеки его сочинения выбросили, хотя они, по словам самого Михаила Евграфовича, даже в индексе не значатся.

«Я как будто разом окунулся в воды забвения. Даже объявления о моих сочинениях сомневаются печатать. Буду ли печататься и где именно, не знаю» (из письма к П. В. Анненкову 26 мая 1884 года).

«Я человек оконченный. Меня и теперь наполовину забыли» (из письма к Н. К. Михайловскому, июнь 1884 года).

Но что особенно удручало Салтыкова,— это потеря связи с демократическим читателем: «лишение ежемесячной беседы» с ним.

«Читатель — единственное существо, которое я любил. И вот на склоне моих дней у меня это существо отняли. Мудрено в пятьдесят лет изыскивать новые пути общения и придумывать новые формы».

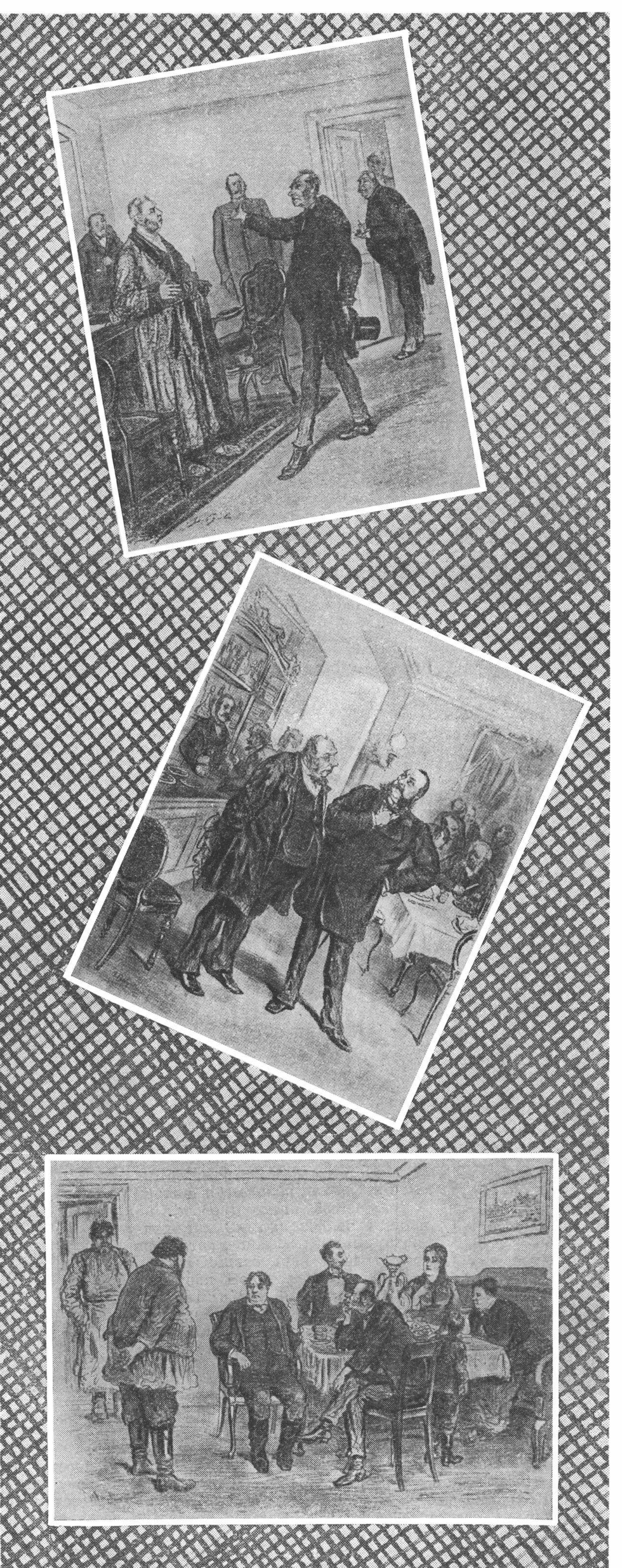
«Душу запечатали: нет ни охоты, ни повода работать. Вся суть заключалась в непрерывном общении с читателем», — с невыразимой болью заявлял он Н. К. Михайловскому.

И всё же, несмотря на удручающие обстоятельства, в обстановке жестоких репрессий, Салтыков не изменил до конца жизни высокому званию литератора, завещая и сыну своему «паче всего любить родную литературу и звание литератора предпочитать всякому другому». До конца дней своих он не выпускал пера из рук. «Работа для него,— по словам С. Н. Кривенко,— превратилась не только в обычные занятия, но в какую-то непреодолимую потребность. Он не мог не писать: ни какие-нибудь дела, ни усталость, ни желание отдохнуть, ни знакомства, ни даже болезнь не могли удержать его от этого».

При первой же возможности он снова возобновил свою литературную деятельность, правда, в качестве сотрудника уже чужих изданий; вместе с тем усилил своё участие в нелегальной зарубежной прессе: в конце 1884 года произведения Салтыкова всё чаще и чаще стали появляться на страницах «Общего дела», редактировавшегося Белоголовым, а после публикации там выпускались затем отдельными брошюрами женевского издательства. Последним из напечатанных в «Общем деле» произведением Салтыкова была сказка «Орёл-меценат».

Многочисленные высказывания о Салтыкове, разбросанные по различным архивам: Баркова, Л. Толстого, Мамина-Сибиряка, Черткова, Чехова, Эртеля, Общества любителей российской словесности, дают всестороннюю оценку Салтыкова как писателя-сатирика, который страстно хотел правды на свете и стремился ради этой правды протащить сквозь тиски царской цензуры свою выстраданную мысль.

Небезынтересен отзыв о Салтыкове одного из рядовых вдумчивых читателей 80-х годов, находившего, что Салтыков был «один из тех, которые без страха освещают точно электрической искрой все закоулки общественного разврата. От него не уходит никакая общественная гадина, которой он не послал бы вслед хорошего пинка или ядовитого удара сатирическим бичом».

Иллюстрации художника А. Лебедева к произведениям Салтыкова-Щедрина. Сверху вниз: «Неприятное посещение» — рисунок к «Губернским очеркам»; щедринские типы: «Помпадуры и помпадурши», «Хрептюгин и его семейство».

«Он стоит хорошего памятника. Мне кажется, что если ему будет памятник, его изобразят с кнутом в руке и разбегающимися от него разными исполосованными гадами. Но это дело будущего» (из архивных материалов Эртеля).

Нельзя не вспомнить также среди многочисленных читательских откликов на смерть Салтыкова адрес группы тифлисских рабочих. Вот что писали они вдове Салтыкова:

«...Смерть Михаила Евграфовича опечалила всех искренно желающих добра и счастья своей родине. В лице его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он своим сильным умом разил в самом корне. И мы, рабочие, присоединяемся к общей скорби о великом человеке...»

Неподдельной скорбью отозвалась смерть Салтыкова и в душе Антона Павловича Чехова, тогда ещё молодого писателя. Внимательный и серьёзный читатель произведений Салтыкова с их беспощадной борьбой против обывательщины, законный продолжатель его, Чехов писал Плещееву 14 мая 1889 года:

«Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочной дух, который живёт в мелком, измошенничавшемся духовно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нём своего упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения».

В настоящее время, когда исполнилось 120 лет со дня рождения великого сатирика, имя Салтыкова становится особенно близким и дорогим для советского читателя как имя писателя, который «всю мощь своего высокого дарования, как художника, и всю свою энергию, как журналист, отдал интересам родины. Ему чаще приходилось болеть её болями, чем радоваться её радостями,— писал Н. К. Михайловский,— но скорбь его была глубока и поскольку обстоятельства позволили ей высказаться, оставили навсегда незабвенный след в русской литературе».

Недаром Карл Маркс с таким вниманием и интересом читал его произведения. Недаром В. И. Ленин так высоко ценил Салтыкова, так заботился о продвижении его сочинений в массы.

Сатира Салтыкова, благодаря её широким обобщениям, не утратила своей жизненности и значения до наших дней. Об этом говорит неоднократное использование щедринских образов в нашей журналистике, в речах и докладах наших вождей товарищей Ленина и Сталина, а также издание полного собрания сочинений Салтыкова и отдельных брошюр для широких читательских масс.

Так достойным образом чтит советская общественность память великого сатирика, писателя-патриота.

ИСКУССТВО

ИЗ ТЫСЯЧИ — ДВЕНАДЦАТЬ

Фото А. Гаранина

Несколько месяцев длился Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей, выявивший талантливых молодых мастеров.

Последний Всесоюзный конкурс был в 1939 году. С тех пор никому не присуждалось почётное звание лауреата.

В конкурсе приняло участие более тысячи молодых исполнителей. Первый тур проходил по всем городам Советского Союза. На местах комиссия отбирала участников второго тура, который проводился в Москве.

Ко второму туру было допущено 170 человек. В течение 12 дней такие выдающиеся деятели музыкального искусства, как Нежданова, Шостакович, Ойстрах, Оборин и другие (в составе жюри было 43 человека), знакомились с мастерством молодого поколения.

Третий тур проходил в Большом зале Московской государственной консерватории имени Чайковского.

Эти концерты явились праздником исполнительского искусства и привлекли большое внимание музыкальной общественности столицы.

12 участников конкурса получили почётные звания лауреатов и премии четырёх степеней.

* * *

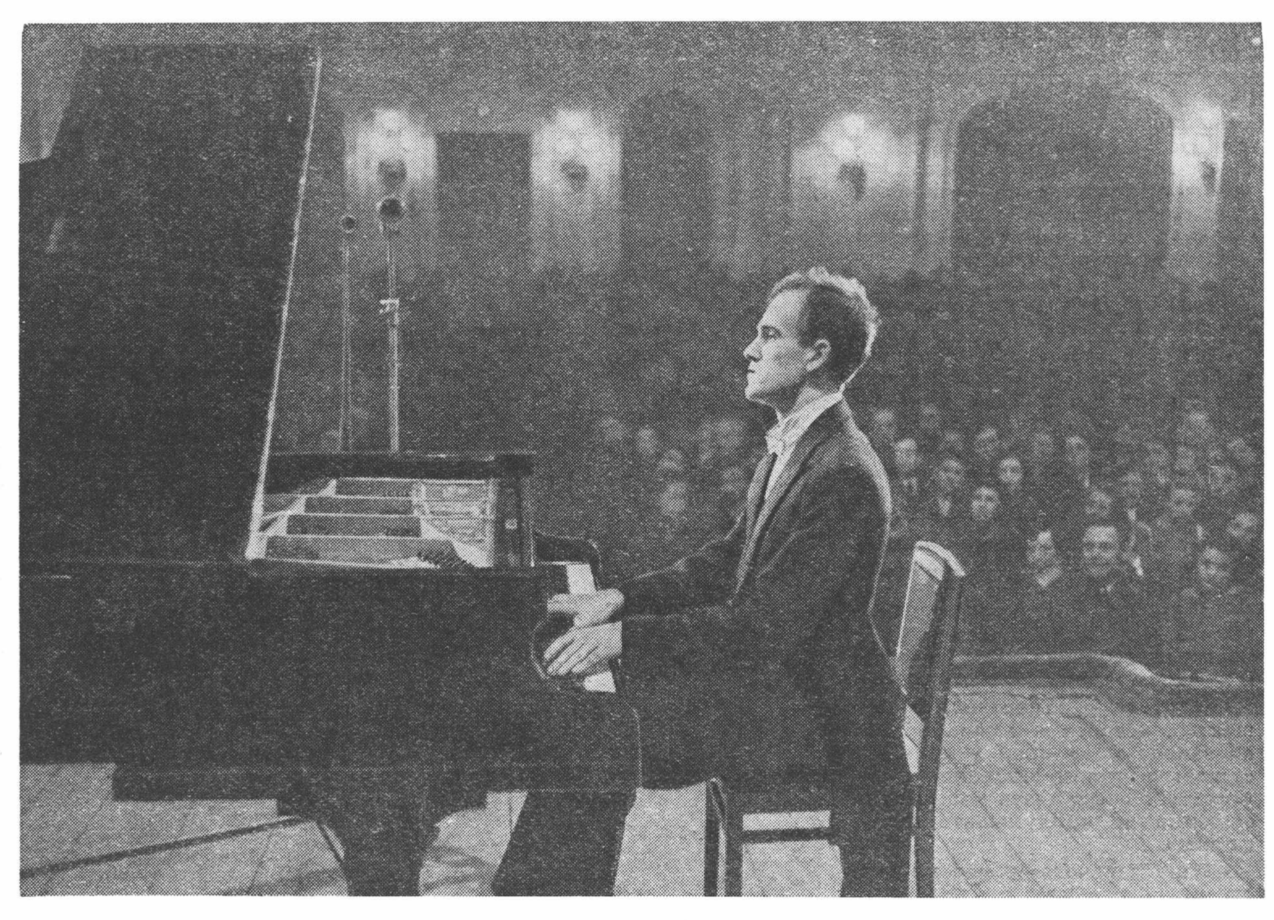
Первые премии присуждены пианистам: Виктору Мержанову, Святославу Рихтеру и виолончелисту Мстиславу Ростроповичу.

Вот на сцене появляется Святослав Рихтер. Москва хорошо знает этого талантливого пианиста. Уже несколько лет он выступает в открытых концертах. Всем ясно, что он достойный претендент на звание лауреата. Но всё же в этот день от него ждут особенного подъёма. Блестящим исполнением 1-го концерта для фортепиано с оркестром — Чайковского — Рихтер вызывает бурные аплодисменты зала. К ним присоединяется весь состав Государственного симфонического оркестра Союза ССР, в ансамбле с которым выступает пианист. Техника Рихтера настолько высока, что для него не существует трудностей. Весь свой дар он отдаёт не тому «как», а тому «что» сказано Чайковским. Игра Рихтера предельно чиста и эмоциональна.

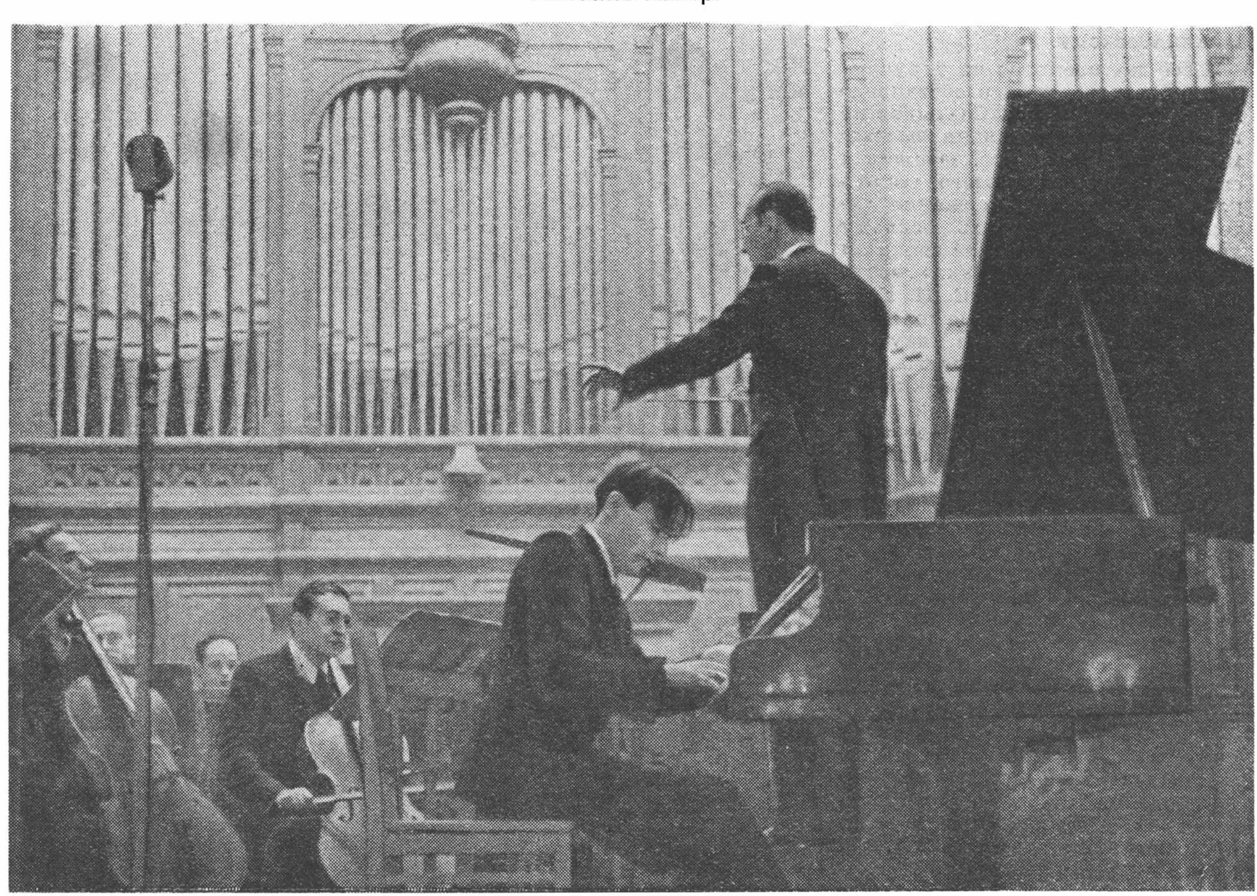
Столь же блестящим пианистом показал себя Виктор Мержанов. Он исполнил 3-й концерт для фортепиано с оркестром — Рахманинова. Известно, каким великолепным пианистом был сам автор концерта, и у многих на устах звучали лестные для молодого исполнителя сравнения. Несмотря на то что Мержанов длительный период не занимался — он служил в Красной Армии и лишь три месяца тому назад демобилизовался,— техника его безукоризненна.

* * *

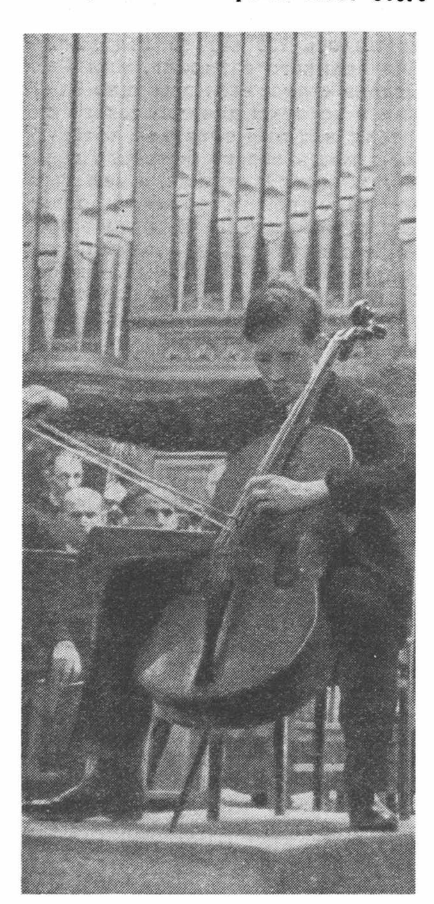
В трудном, требующем большого проникновения и мастерства, концерте для виолончели Мясковского, выступил студент Московской консерватории Мстислав Ростропович. Он занимается одновременно по классу композиции и виолончели. Может быть, занятия на этих двух факультетах

Святослав Рихтер.

Виктор Мержанов.

Мстислав Ростропович.

дали ему возможность так глубоко понять замысел композитора. Что же касается техники исполнения, то достаточно сказать, что Ростропович недавно переведён со 2-го курса на... 5-й.

* * *

С большим успехом выступила молодая ленинградская арфистка (3-й курс Консерватории) Надежда Толстая, уже год работающая в таком первоклассном коллективе, как оркестр Театра оперы и балета имени Кирова.

И в сольном выступлении (фантазия Вальтера Кюнэ на темы «Риголетто») и в ансамбле с оркестром (концерт для арфы с оркестром—Глиэра) Толстая показала себя зрелым мастером, способным извлекать из арфы тончайшие нюансы.

Толстой присуждена 3-я премия.

Подлинным «открытием» оказался самый юный участник конкурса — студент 2-го курса Свердловской консерватории Юрий Муравлёв. Этот восемнадцатилетний одарённый пианист (он исполнял концерт для фортепиано с оркестром — Грига) отличается подлинной артистичностью. Муравлёв выдержал серьёзный суд жюри и сильное соперничество других талантливых пианистов. Ему присуждена 3-я премия.

* * *

Третьи премии получили также участники конкурса: концертмейстер Большого театра Союза ССР — Фёдор Лузанов, исполнивший концерт для

Надежда Толстая.

виолончели с оркестром — Сен-Санса. Лузанов окончил Консерваторию в 1943 году и занесён на мраморную доску отличников; представительница Украины Вероника Борисенко (Киевский театр оперы и балета) обладает звучным меццо-сопрано и широким диапазоном; с одинаковым мастерством она исполнила сложные партии Массне и задушевные песни Украины; два скрипача — Юлиан Ситковецкий (солист Московской филармонии) и Борис Морибель (аспирант Консерватории)— получили 2 и 3-ю премии. Первый — киевлянин, второй — бакинец. Морибель, подобно многим другим способным молодым музыкантам, был направлен в Москву учиться после смотра юных дарований в Баку. Год назад он окончил Консерваторию и перешёл в аспирантуру. Если бакинцы слушали трансляцию 3-го тура, то могли убедиться, что они не зря послали своего питомца в столицу: исполнением концерта для скрипки с оркестром—Глазунова—Морибель показал большие успехи. Ему присуждена 3-я премия.

Получивший вторую премию Ситковецкий также может порадовать своих земляков. Выступив с произведением Глазунова, молодой музыкант прекрасно передал замечательное творение русской классики.

* * *

Ряд участников конкурса, удостоенных званий лауреатов, отмечены четвёртыми премиями. Молодая пианистка Тамара Гусева (3-й курс Московской консерватории), исполнявшая е-мольный концерт Шопена, бережно и тонко передала всю сложную палитру красок композитора. У Гусевой хорошая школа и незаурядное дарование.

Концертмейстер Большого театра Союза ССР виолончелист Борис Реентович — питомец Московской консерватории. Играя в оркестре, он продолжает учиться в аспирантуре. В годы войны Реентович выезжал в Действующую армию с концертными бригадами. Он выступил на фронте более 600 раз.

Четвёртая премия присуждена также солистке Николаевской филармонии Надежде Суховициной (лирическое сопрано).

* * *

28 участникам конкурса присуждены почётные дипломы первой и второй степени. Это солист Эстонской оперы Георгий Талеш (баритон), студентка Московской консерватории Вера Фирсова (сопрано), таллинская пианистка Зельма Тамаркина, артистка Пензенской оперы Ираида Любимова (меццо-сопрано), солистка Молотовского оперного театра Надежда Сильвестрова (сопрано) и другие.

Ир. БРАЗУЛЬ

ЗАБЫТАЯ ПЬЕСА

«Девичий переполох» в Ленинградском театре музыкальной комедии

Ленинградский театр музыкальной комедии в дни блокады не покидал своего героического города. Под артиллерийским обстрелом, во время бомбардировок с воздуха, он не прекращал своей работы. Больше того, он создавал новые спектакли.

Заслуженный артист РСФСР Е. Михайлов в роли Юрия Токмакова.

Сейчас в возрождённом Ленинграде театр с огромным увлечением продолжает работу над новыми постановками. Недавно театр осуществил постановку оперетты талантливого композитора Соловьёва-Седова «Верный друг».

К сожалению, плохое либретто испортило Соловьёву-Седову в буквальном смысле «всю музыку».

Весёлое, праздничное искусство оперетты на самом деле сложно и трудно. Не может быть оперетты без мелодичной, напевной музыки. Но самая лучшая опереточная музыка живёт только в сочетании с занимательным и остроумным либретто.

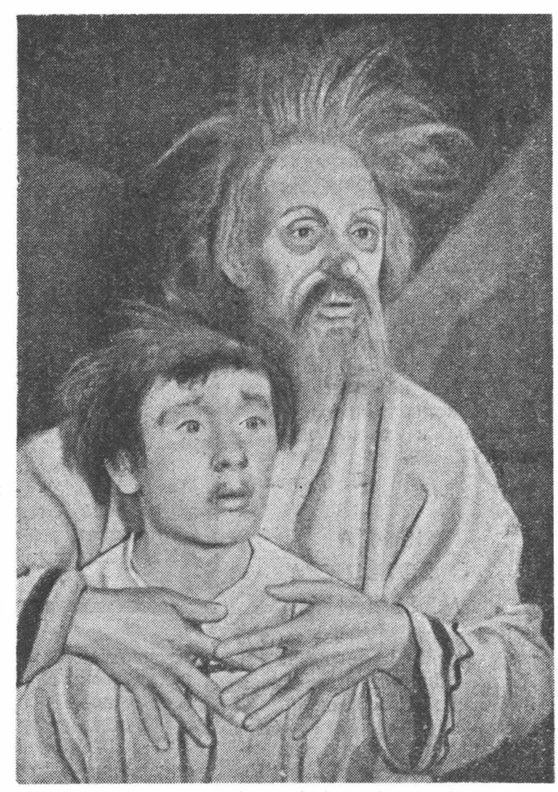
Такой безусловной творческой удачей явилась поставленная Ленинградским театром музыкальной комедии оперетта Юрия Милютина «Девичий переполох».

Композитору пришла счастливая мысль использовать в качестве либретто старую, полузабытую комедию Виктора Крылова (авторы либретто — М. Гальперин и В. Типот).

В «Девичьем переполохе» музыка и либретто составляют единое целое. Одно дополняет другое.

Талантливые артисты (Л. Колесникова, А. Таганская, Е. Михайлов, В. Свидерский, А. Королькевич) вдохновенно и весело разыграли смешную и трогательную повесть о том, как старый Сапун Тюфякин, боярин из Москвы, устроив смотрины для выбора царской невесты, переполошил всех девушек захолустного воеводства.

Но в «Девичьем переполохе» хорошо играют не только исполнители главных ролей. Хорошо играет весь ансамбль исполнителей. А это — редкое достоинство опереточного спектакля. В этом заслуга режиссёра А. П. Тутышкина, которого мы

Артист А. Королькевич в роли мельника.

знаем по его постановкам в театре имени Евгения Вахтангова.

В изящной иронии, которой пронизаны отдельные образы спектакля, в шуточно-театральном разрешении многих сцен легко узнать стиль, присущий вахтанговскому театру.

Вл. МАСС

НОВЫЕ КНИГИ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ М. БАЖАНА

С большой любовью и знанием творчества поэта составил Павел Антокольский книгу избранных стихов Миколы Бажана, недавно вышедшую в Гослитиздате.

Центральное место в книге занимают стихи о Сталине: «Первый депутат», «Клич вождя» и большая поэма «Бессмертье», состоящая из трёх повестей о Кирове, — одна из удачнейших в нашей поэзии попыток дать образ героя-большевика.

Военным стихам Миколы Бажана («Сталинградская тетрадь», «Дни войны») принадлежит большая роль в мобилизации украинского народа на борьбу с фашизмом. «Клятва», написанная поэтом в первые дни войны, стала боевой песней, листовкой, пламенной речью:

«Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ».

В «Сталинградской тетради» даны образы героев Отечественной войны, творцов победы. В лучшей вещи этого цикла, в «Прорыве», со свойственной Миколе Бажану стремительностью в развитии сюжета и поэтической мысли, передано напряжение боя, наступательный пафос советских войск.

Микола Бажан любит изображать людей воли и мысли, воинов и мечтателей, стратегов и творцов. Поэт видит их и среди современников, находит их и в прошлом своего народа («Данила Галицкий», «Бориславские рассказы»). Между первыми и последними осуществляется перекличка. Живая мысль поэта заставляет нас кочевать из века в век и понимать происходящее.

Переводчики (П. Антокольский, В. Державин, М. Зенкевич, Б. Турганов, Н. Ушаков) много сделали для того, чтобы и на русском языке поэтическое слово Миколы Бажана прозвучало в свою полную силу.

Л. Озеров

МАРИЯ ФЕДОРОВНА

М. Ф. Желябужская-Андреева в опере Тома «Миньон».

Когда академики, доктора наук, профессора и доценты упоминают в разговорах имя «Мария Фёдоровна», никто не спросит, как её фамилия, ибо каждому из них известно, что речь идёт о директоре Московского дома учёных, любимой и уважаемой всем учёным миром Москвы Марии Фёдоровне Андреевой.

Яркую и красочную жизнь прожила М. Ф. Андреева: отличная оперная певица, выдающаяся драматическая актриса, в течение восьми лет бывшая украшением Московского Художественного театра, ближайшая помощница и подруга жизни А. М. Горького, добрая знакомая В. И. Ленина.

Дочь известного режиссёра Петербургского Александринского театра Ф. Юрковского, Мария Фёдоровна с ранних лет стала обнаруживать незаурядные музыкальные способности и редкий по красоте тембра голос и потому решила посвятить себя оперному искусству.

Первый её дебют в опере «Миньон» сопровождался огромным успехом.

Однако, выйдя замуж за крупного железнодорожного деятеля А. А. Желябужского и переехав в Москву, Мария Фёдоровна глубоко заинтересовалась и крайне увлеклась первыми сценическими постановками и новаторскими опытами гениального мастера сцены К. С. Станиславского в «Московском обществе искусства и литературы» и перешла на драматическую сцену.

Выступив под фамилией «Андреева», Мария Фёдоровна стала неизменной партнёршей Станиславского во всех его постановках.

Как известно, на спектаклях этого самодеятельного артистического кружка зародился знаменитый Московский Художественный театр. С блестящим успехом артистка исполняла в «Шейлоке» Порцию, в «Потонувшем колоколе» — Раутенделейн, в «Одиноких» — Кэте, в «Снегурочке»—Леля, главные роли почти во всех пьесах А. П. Чехова и А. М. Горького: в «Трёх сёстрах», в «Вишнёвом саде», в «Мещанах», в «На дне» и др. Участвуя в этих лучших произведениях русской драматургии, М. Ф. Андреева впервые создала замечательные образы русских женщин, послужившие прообразами для последующих исполнительниц тех же ролей.

М. Ф. Желябужская-Андреева в пьесе М. Горького «На дне».

Когда в 1906 году А. М. Горький, по совету В. И. Ленина, предпринял поездку в Соединённые Штаты Америки для пропаганды идей русской революции и сбора путём агитации денежных средств в кассу большевистской партии, М. Ф. Андреева поехала вместе с ним и была его деятельной помощницей во всё время пребывания там писателя.

После агитационной поездки в Америку А. М. Горький, естественно, не мог уже вернуться в царскую Россию и вынужден был поселиться в Италии, на острове Капри, как политический эмигрант. Весь каприйский период деятельности Алексея Максимовича М. Ф. Андреева провела с ним в Италии, являясь ближайшей, активнейшей помощницей в его литературных делах.

Мария Фёдоровна Андреева.

Свободно владея многими языками, Мария Фёдоровна переводит для писателя письма и документы, ведёт переписку, подбирает необходимые материалы.

В эти годы М. Ф. Андреева собрала и перевела книгу «Итальянских сказок», отредактированных и изданных А. М. Горьким.

В бытность свою заграницей М. Ф. Андреева неоднократно встречалась с великим другом А. М Горького В. И. Лениным, относившимся к ней с неизменным сочувствием и глубоким уважением. Почти в каждом своём письме к А. М. Горькому В. И. Ленин не упускает случая сказать несколько ласковых слов по адресу М. Ф. Андреевой.

После Великой Октябрьской революции Мария Фёдоровна приняла активное участие в культурном строительстве страны. Вместе с А. М. Горьким она явилась одним из организаторов Ленинградского Драматического театра.

Последние годы М. Ф. Андреева состоит директором Московского дома учёных, где сумела создать исключительную атмосферу необычайного уюта и тёплого гостеприимства для московских деятелей науки.

Недавно, в связи с юбилейными торжествами Академии наук Союза ССР, М. Ф. Андреева была награждена орденом Ленина.

С. Кара-Мурза

КНИГА О БОЛЬШОМ МУЗЫКАНТЕ

В издании Музгиза вышла популярная монография о А. К. Лядове, написанная В. Васиной-Гроссман.

Это первый критико-биографический очерк о замечательном русском композиторе, вышедший к 90-летию со дня его рождения. Лядов и Глазунов были любимыми учениками Римского-Корсакова и наиболее близкими к нему людьми. Они участвовали во многих начинаниях своего великого учителя, помогали ему руководить беляевским издательством, редактировать и издавать многочисленные произведения русских композиторов.

От Римского-Корсакова воспринял Лядов пламенную любовь к русской народной песне и эпосу, в особенности — к сказочному, с его увлекательной фантастикой и глубокой мудростью, воплощённой в яркой символике причудливых образов, знакомых каждому русскому человеку с детства.

В девяностых годах прошлого столетия Балакирев обратился к Лядову с просьбой принять участие в обработке русских народных песен, собранных экспедициями Русского географического общества. Эта работа, писал Балакирев, должна служить «к возвеличению нашей народной музыкальной чести».

Этот призыв послужил толчком для создания чудесных сольных, хоровых и оркестровых обработок (общим числом около двухсот) русских народных песен, работа над которыми помогла Лядову ещё глубже проникнуть в поэтические богатства песенного творчества русского народа.

Об этом проникновении свидетельствуют и ранняя баллада «Про старину» и более поздние симфонические произведения «Баба-яга», «Кикимора» и другие.

Необычайно поэтичны многочисленные фортепианные пьесы Лядова, отличающиеся чеканной завершённостью стиля.

В книжке В. Васиной-Гроссман читатель найдёт изложение биографии Лядова, полный список его произведений и тонкий, увлекательный разбор многих из них, впервые появляющийся в нашей музыковедческой литературе.

Игорь Бэлза

РОВНО В ПОЛНОЧЬ

Б. Райтонов

Повесть

Рисунки Г. Балашова.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

В штаб немецкого заградительного отряда прибыл агент немецкой разведки Лауниц для работы в оккупированном Нефтеграде, где атмосфера крайне напряжённая: убиты два его предшественника. Одновременно в штаб отряда доставляют пленного партизана, но ему удаётся бежать. Лауниц в Нефтеграде приступает к исполнению обязанностей коменданта города. Чтобы завоевать популярность у населения, он приказывает начальнику гестапо Гейнцу освободить некоторых арестованных. Гейнцу поведение Лауница начинает казаться подозрительным, о чём он сообщает своей помощнице, следователю гестапо Луизе Миллер. В Нефтеград должны приехать некто Краузе, друг детства Лауница, и полковник Паули. На окраине города их убивают партизаны. На допросе в гестапо Гейнц требует, чтобы один из арестованных, профессор Кузнецов, дал ему карты нефтеносных участков. Кузнецов отказывается. Лауниц приказывает Гейнцу освободить профессора. В разговоре с особоуполномоченным Гиммлера оберштурмбаннфюрером фон Руммелем Гейнц сообщает ему о странном поведении Лауница. В этот момент входит Лауниц и преподносит Руммелю карты нефтеносных участков, полученных им от профессора Кузнецова. Гейнцу доставляют портфель полковника Паули, найденный у места катастрофы. В портфеле Гейнц обнаруживает личное дело Лауница с фотографией человека, совершенно непохожего на нового коменданта.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Руммель упорно защищался. Но силы были неравны. Лауниц стремительно наступал, и вскоре фронт был прорван.

— Однако вы отлично играете, — проговорил Руммель и после паузы добавил: — В данном случае я говорю о шахматах.

Лауниц безмятежно взглянул на Руммеля:

— Разве вам известно, что в шашки я играю лучше?

— О нет! Я имею в виду вашу удачную игру в гуманизм. Карты нефтеносных участков, возвращение мастеров и рабочих на промысла!.. Прежние коменданты и мечтать не могли о таких успехах!

— Счастлив, что мои скромные усилия заслужили ваше одобрение, господин оберштурмбаннфюрер. Ровно через неделю промысла 2, 3 и 5-бис начнут давать нефть.

— Прекрасно, мой дорогой. Надеюсь, это — только начало. Нефть нужна Германии, как воздух. Нет, больше чем воздух! Положение серьёзное, мой друг! Румынская нефть потеряна, синтетической не хватает. Что же остаётся?.. Остаётся надежда. Надежда на прикарпатскую нефть. На нас с вами, Лауниц. Нефть — символ веры Германии. Добывайте её всеми возможными и невозможными способами. Если нужно, целуйтесь с населением Нефтеграда, если нужно, расстреляйте всех подряд. Бурите новые скважины, добывайте нефть всеми мерами!

Лауниц передвинул ладью, Руммель искоса взглянул на него:

— Что за ход? А, ловушка! Не надейтесь, мой дорогой. Я дальновиднее, чем вы думаете.

Руммель снял с доски своего коня и проговорил, опуская его на новый квадрат:

— Вы можете работать спокойно, Лауниц. Фронт стабилизируется. Дальше мы отступать не будем. Большевики никогда не увидят своего Нефтеграда. Простите, я ошибся!..

— Что-о? — удивился Лауниц.

— С вашего разрешения, я поставлю коня обратно и пойду слоном.

— Боюсь, что и это вам не поможет. Шах королю!

— Опять просчёт! — горестно воскликнул Руммель. — Что ж, пустим в бой последние резервы, — и добавил, делая ход пешкой: — Сегодня мы сможем доложить имперской нефтяной комиссии о нашей плодотворной деятельности. И это наша заслуга, Лауниц! Вы передали моё приказание Гейнцу?

— Да, господин оберштурмбаннфюрер. Он принесёт карты нефтеносных участков сюда. И опять я вынужден огорчить вас. Шах.

Руммель сделал ход, Лауниц передвинул пешку и заставил противника сдаться.

— Увы! Я давно предвидел поражение и, хотя отлично знал, что чудес на свете не бывает, надеялся на ничью. Что ж, буду думать о реванше, — Руммель поднял рюмку. — За вашу победу!

Руммель искоса взглянул на Лауница: — Что за ход?

— Вы очень великодушны, — улыбаясь, сказал Лауниц.

— Победа! Какое пленительное слово! А вы верите в победу? — неожиданно спросил он.

— Простите, не понимаю вас? — после паузы проговорил Лауниц и посмотрел на своего собеседника.

— Вера в победу — это сила нации. Но победа — не только выигрыш последнего сражения на поле битвы. Нет, Лауниц, не только это. Судьба Германии не может зависеть от такой случайности.

Лауниц встал:

— Я всё же не понимаю, о чём вы говорите, господин оберштурмбаннфюрер.

Руммель властным жестом показал на кресло:

— Садитесь, Лауниц, и слушайте. Три дня назад я впервые встретился с вами, вы мне понравились. Я знал вашего отца, да и генерал Шервиц очень тепло говорил о вас. Я запросил от господина Лемке все интересующие меня сведения и понял, что вам можно доверять. Такие люди, как вы, нужны не только в дни войны, но и в дни мира. Около месяца назад меня в числе других доверенных лиц вызвали в Берлин, где мы получили новые указания. И о них я хочу информировать вас.

Руммель допил кофе, закурил сигару и продолжал:

— Проиграв прошлую войну, мы потеряли почти всё, но сохранили самое ценное — наш прусский дух, наше чувство расового превосходства над другими народами. В недрах нашей нации мы затаили те живительные соки, которые позволили взрастить на германской земле национал-социализм! В этом была наша победа! И вот через двадцать лет мы вновь смогли занести над миром наш тяжёлый меч!.. Разумеется, Лауниц, наш долг — отдать все силы для нашего торжества. Но если... предположим худшее, фортуна отвернётся от нас, если и на этот раз мы проиграем последнее сражение, — что тогда? Тогда... Слушайте внимательно, Лауниц. Тогда вместо мундиров мы наденем пиджаки гуманистов, нацепим на нос золотые пенсне и со слезами на глазах будем клясться, что мы народ мирных и трудолюбивых ремесленников, что наша бедная Германия всегда была страной философов и музыкантов... И если будет нужно, мы сами, да, мы сами, Лауниц, вздёрнем на виселицу таких, как вы и я! Только бы нам поверили и на этот раз!.. Только бы поверили!.. А потом, сохранив свой верховный штаб, промышленность, людей, мы через десять, двадцать, пусть даже через пятьдесят лет, вновь посадим Германию на боевого коня и, начертав на знамёнах огненные слова борьбы против большевизма или же борьбы за вегетарианство, — это совершенно безразлично, Лауниц, — мы вновь обнажим наш германский меч, и тогда... О, трепещите тогда, народы!

Он замолчал и после долгой паузы в раздумье проговорил:

— Только бы нам удалось сыграть чувствительную мелодию на арфе гуманизма и нам поверили бы.

Руммель опять заговорил мужественно и энергично.

— Вы должны хорошо понять, Лауниц, всё, что я вам сказал, и, когда наступит время, вспомнить!

Глаза у Лауница заблестели. Он поднялся и торжественно сказал:

— Я хорошо понял всё, что вы мне сказали, господин оберштурмбаннфюрер, и, когда будет нужно, вспомню!

— Отлично! — кивнул головой Руммель. — А теперь перейдём к практической части нашей беседы. В Берлине было решено на случай военного поражения уже сейчас создавать армию реванша, армию без мундиров и пушек...

В коридоре послышались шаги. Руммель насторожился:

— Послушайте, Лауниц, кто-то идёт!

— Нам не помешают, господин фон Руммель, — торопливо проговорил Лауниц. — Я приказал никого не пускать. Я слушаю вас...

В дверь постучали.

— Это, наверное, Гейнц, — догадался Руммель. — Отложим нашу беседу на завтра, дорогой Лауниц.

Но это была Луиза Миллер.

— Разрешите обратиться с просьбой, господин оберштурмбаннфюрер, — ещё в дверях сказала она.

— Я взял на себя смелость разрешить Миллер зайти ко мне. У неё большое горе. Ей срочно необходим отпуск, — вмешался Лауниц.

Луиза поднесла к глазам платок. Она считала, что это — самое сильное оружие, которым располагает женщина.

— Успокойтесь, фрейлен. Когда красивая женщина портит глаза, она совершает преступление, — произнёс Руммель, разглядывая её. — Но почему, фрейлен, сам Гейнц не может предоставить вам отпуск?

— Я бы сказала, господин фон Руммель, что Гейнц вообще ведёт себя довольно странно, особенно в последние дни...

Она не договорила: в комнату вошёл Гейнц. Он был неузнаваем: он заранее предвкушал сладость мести. Сутулая спина его выпрямилась, а лицо выражало крайнюю степень самодовольства и гордости.

— Вы принесли карты нефтеносных участков? — спросил Руммель.

— Так точно, господин оберштурмбаннфюрер, — и Гейнц положил на стол портфель.

— Отлично. Теперь мы можем идти, Лауниц, и доложить комиссии о ваших успехах.

Гейнц торжественно поднял руку:

— Простите, господин фон Руммель, я тоже хотел вам доложить об успехах Иогана Лауница. С вашего разрешения, сперва приглашу необходимых свидетелей.

И, не дожидаясь согласия, он распахнул дверь. В кабинет вошли два рослых эсэсовца с автоматами в руках.

— С вашего разрешения, господин фон Руммель, я сперва задам один вопрос капитану немецкой армии, коменданту Особого района, господину Иогану фон Лауницу.

Лауниц недоумевающим взглядом обвёл присутствующих:

— Что за комедия?..

— Где профессор Кузнецов? — прервал Гейнц коменданта и, не дожидаясь ответа, обратился к Руммелю: — Господин оберштурмбаннфюрер, профессор Кузнецов бежал из Нефтеграда. И Кузнецову помог бежать... — Гейнц ткнул указательным пальцем в сторону Лауница, — он!

— Бедный Гейнц! — вздохнул Лауниц.

— Не пьяны ли вы, Гейнц? — одновременно спросил Руммель.

Но Гейнц не обратил внимания ни на насмешку Лауница, ни на замечание Руммеля.

— Господин оберштурмбаннфюрер! — торжественно проговорил Гейнц. — Сегодня, в шесть часов одиннадцать минут, профессор Кузнецов явился на контрольно-заградительный пункт и предъявил пропуск за номером 0913, на основании чего был выпущен за пределы Особого района. Пропуск

— Господин фон Руммель, прошу посмотреть. Пропуск подделан: Фамилия «Кох» стёрта и потом уже проставлена фамилия Кузнецова.

Руммель взял увеличительное стекло и убедился в правоте слов Лауница.

— Я знал, что гестапо в Нефте-

Лауниц снял повязку и бросил её в лицо своему врагу.

Кузнецова, а также и контрольный талон, оставшийся на пункте, подписаны Лауницем. Прошу убедиться.

Руммель с некоторым недоумением посмотрел на коменданта и приказал ему дать объяснение. Лауниц попросил у него талон, подошёл к настольной лампе и стал его разглядывать.

— Подпись моя, — удивлённо сказал он, — но Кузнецову я пропуск не подписывал.

— Может быть, вы лунатик? — ехидно спросил Гейнц. — Подписали во сне?

Но Лауниц уже был у телефона и, вызвав дежурного по комендатуре, приказал узнать, на чьё имя выписан пропуск за номером 0913. Лауниц выслушал ответ, повесил трубку и подошёл к Руммелю.

— Господин оберштурмбаннфюрер, — сказал он. — Пропуск, о котором говорит господин Гейнц, был выписан по его просьбе владельцу комиссионного магазина Фридриху Коху.

Гейнц презрительно улыбнулся.

— Пропуск вы выписали Кузнецову, а на корешке поставили — Кох?! Старый номер! — воскликнул он.

— Помолчите вы, глупый человек! — и Лауниц махнул рукой, как бы отгоняя надоевшую муху.

— Разрешите доложить, — вмешалась Луиза. — Мне известно, что Фридрих Кох сегодня прислал телеграмму с дороги...

— Значит, Кох существует. Он проходил через заградительный пункт? В чём дело, Гейнц? Говорите! — приказал Руммель.

— Какая гнусность! — воскликнул Лауниц, разглядывая талон через увеличительное стекло.

граде славится своей «безупречной» работой, но это уже переходит всякие границы! — и Руммель развёл руками.

— Может быть, вы, Гейнц, объясните господину оберштурмбаннфюреру, как пропуск вашего приятеля Коха попал к профессору Кузнецову? — сказал Лауниц.

— Не беспокойтесь, господин... Лауниц. Всё будет выяснено! А теперь снимите повязку! — повелительно крикнул Гейнц. — Покажите ваше ухо!

— Показать ухо? Может быть, вы ещё что-нибудь придумаете?

— Он не хочет, — обрадовался Гейнц. — Господин оберштурмбаннфюрер, у настоящего Лауница кусок левого уха отстрелян!

— Вы дурак, Гейнц! — воскликнул Лауниц.

Лауниц снял повязку и бросил её в лицо своему врагу.

Левое ухо Лауница было действительно отстреляно.

— О, вы ещё хитрее, чем я думал! — процедил Гейнц. — Вы пожертвовали даже ухом. Но и это не поможет!..

Руммель понимал, что обычно сдержанный и дисциплинированный Гейнц без серьёзных на то оснований не посмел бы так разговаривать с Лауницем. Но Руммелю надоело быть зрителем этой непонятной игры.

— Господин начальник гестапо, расскажите всё, что вы знаете, или убирайтесь ко всем чертям! — закричал он.

— К великому моему сожалению, — начал он, — я должен доложить, господин оберштурмбаннфюрер, что вас обманули.

— Этот человек, — продолжал Гейнц, — самозванец! И вот неоспоримое доказательство! — торжествующе закончил он, доставая контрольную карточку Лауница.

Руммель вырвал контрольную карточку из рук Гейнца:

— Иоган фон Лауниц... Год рождения — 1917... рост — 175 сантиметров, глаза серые... особых примет нет... Что вы нашли тут подозрительного?

— На следующей странице фотография настоящего Лауница, — звенящим голосом проговорил Гейнц.

— Да, это не он!

— Совсем непохож! — подтвердила Луиза, через плечо Руммеля взглянув на карточку.

— Но какое знакомое лицо! — прошептал Руммель, продолжая рассматривать фотографию.

Гейнц попросил у Руммеля карточку и показал её Лауницу:

— Что вы теперь скажете, господин неизвестный?

К удивлению всех присутствующих, Лауниц взглянул на фотографию и громко рассмеялся.

— Простите за смех, господин оберштурмбаннфюрер! — сказал он. — Я, правда, играю в шахматы, но всё же путать меня с покойным чемпионом мира...

— Святые небеса! — хватаясь за голову, воскликнул Руммель. — Да ведь это же фотография Капабланки!.. Ну, знаете, Гейнц, действительно, в Нефтеграде творятся странные дела. Но кто же виновник этой гнусной мистификации?

Взгляд Руммеля остановился на эсэсовцах:

— Вон отсюда! — закричал он, срывая на них раздражение.

Эсэсовцы мгновенно исчезли. Руммель дружески взял коменданта под руку.

— Не сердитесь, дорогой Лауниц, — сказал он, — что я не остановил этого... Гейнца. Не я его назначил, но я его сниму!.. Вы слышите, бывший начальник гестапо?

— Да ведь это же фотография Капабланки!..

Гейнц сгорбился и заплетающейся походкой вышел из комнаты. И тут же до него донёсся истошный крик Руммеля.

Гейнц вбежал обратно в гостиную. Руммель держал в руках пустой портфель, на полу валялись газеты. Карт нефтеносных участков не было.

— Где карты? Я вас спрашиваю, где карты? — грозно надвигаясь на Гейнца, кричал Руммель.

Пятясь, поднимая трясущиеся руки, начальник гестапо с трудом прохрипел:

— Не я... нет, не я...

II

По брезентовой крыше автомобиля уныло стучал осенний дождь, пронизывающий ветер врывался в кабину. Гейнц прижался лицом к холодному стеклу и, казалось, не замечал Луизы.

— Кто мог взять карты? — шептал он. — Лауниц?.. Нет, Лауниц стоял у окна, он не притрагивался к портфелю. Руммель? Да, Руммель держал в руках карты.. Положил ли он их обратно?

Луиза брезгливо поморщилась. Она успела привыкнуть к болезненной подозрительности Гейнца, но недоверие к Руммелю поразило даже её.

«Кто же виновник загадочного происшествия?» — задавала она вопрос. И так же, как и Гейнц, перебирала имена окружающих её людей. Тут она вспомнила: Гейнц доказывал ей, что из всех возможных комендантов он был бы самым лучшим. Гейнц неоднократно возвращался к этой теме. «Он честолюбив, — размышляла Луиза. — Честолюбие, пожалуй, — главная черта его характера...» Луиза взглянула на Гейнца и, словно боясь, что он услышит её мысли, прижала перчатку к своим губам и забилась в угол автомобиля...

III

Заседание затягивалось. Командующий отдельным корпусом генерал фон Шервиц сидел, облокотившись о колено, положив квадратный подбородок на ладонь. Его глаза были полузакрыты, но по напряжённому лицу было ясно, что Шервиц внимательно следит за всем, происходящим на заседании.

— Полагаю, господа, больше говорить не о чем! — произнёс он, обведя всех тяжёлым, воспалённым взглядом. — В вашем распоряжении 72 часа. Дополнительных инструкций не будет. Прошу помнить, что выполнению приказа 04222 Верховная ставка уделяет особое внимание. Всё, господа!

Шервиц, возвращаясь в свой кабинет, спускался по широкой мраморной лестнице. Его сопровождали Руммель и большая группа офицеров. В воздухе чёрными хлопьями носился пепел — сотрудники штаба жгли бумаги. Штаб готовился к эвакуации в Нефтеград.

— Вы вызвали ко мне Лауница? — спросил Шервиц.

— Он должен быть уже здесь, — ответил Руммель. — Я предупредил его еще вчера.

В углу вестибюля сидела женщина. Увидев Шервица, она порывисто встала. Адъютант командующего преградил ей дорогу, но Руммель жестом отстранил его.

— Почему вы одна, Миллер? Где фон Лауниц? — спросил оберштурмбаннфюрер.

Луиза заметно нервничала.

— Господин фон Лауниц лежит в постели. У него перелом ноги. Вчера на него совершено покушение, — возбуждённо докладывала она. — Преступники и на этот раз скрылись! Если бы господин Лауниц растерялся, в Нефтеграде в четвёртый раз должность коменданта оказалась бы вакантной.

— Бедный Лауниц! — вздохнул Шервиц. — Я сам заеду к нему.

Луиза радостно вспыхнула, точно Шервиц оказывал честь не коменданту, а ей самой.

(Продолжение следует.)

А. А. ШОВКУНЕНКО (УССР). ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА С. А. КОВПАКА. Акварель.

Г. Б. БЕРКОВИЧ (УССР). РОЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ. Масло.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРЫ И ГРАФИКИ

ЭВАЛЬД ОКАС (ЭСТОНСКАЯ ССР). ВСТРЕЧА ЭСТОНСКОГО ГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА 22 СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА В ГОРОДЕ ТАЛЛИНЕ. Масло.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРЫ И ГРАФИКИ

П. П. БЕНЬКОВ (УЗБЕКСКАЯ ССР). ДВОРИК. Масло.

А ДЖАПАРИДЗЕ (ГРУЗИНСКАЯ ССР). ИМЕРЕТИН в БАШЛЫКЕ. Масло.

Н. Б. НИКОГАСЯН (АРМЯНСКАЯ ССР). ЖЕНЩИНА ЗА ВЯЗАНЬЕМ. Гипс.

Светящаяся живопись

ИЗ МИРА РЕАЛЬНОГО — В ЦАРСТВО СКАЗКИ

По стенам большой залитой солнцем комнаты — лаборатории светящейся живописи художника Мандельберга — развешаны эскизы, портреты, натюрморты, пейзажи, рисунки архитектурных деталей — плафонов, фризов. Каждая из этих вещей представляет собой законченное произведение искусства.

Вот макеты готовящейся в Театре имени Ленинского комсомола постановки прелестной романтической пьесы-сказки Леси Украинки «Лесная песня».

Перед нами густой лес, по сочной, зелёной траве бежит извилистая тропинка, которая ведёт в глубину леса, к сверкающему озеру. Всё освещено ярким украинским солнцем, от которого приятно укрыться под раскинутой, как шатёр, сочной листвой деревьев. Другой макет закрыт занавесом, представляющим народное украинское кружево с незатейливыми узорами ослепительной белизны.

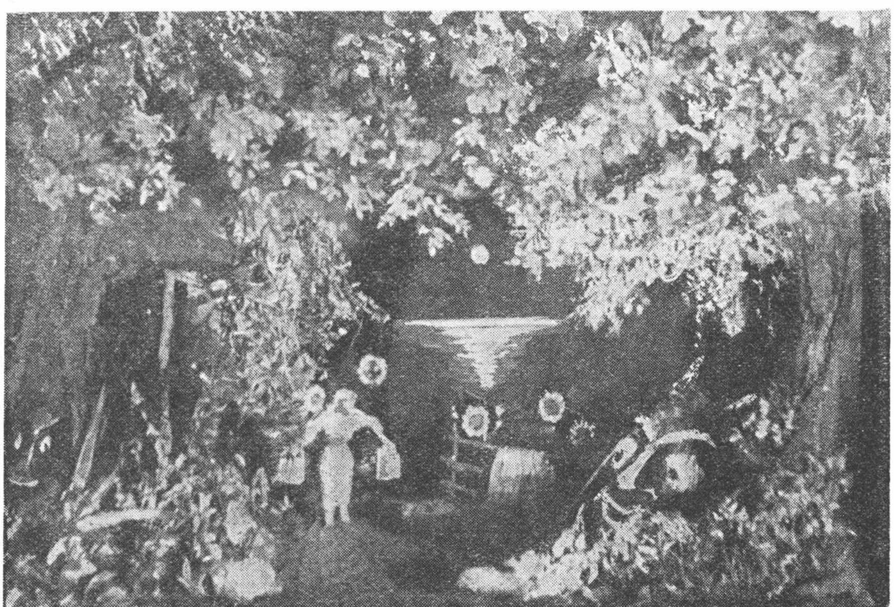
Но вот художник направил на макет источник ультрафиолетовых лучей — и весь занавес засверкал цветами радуги, как будто всемогущий Джин волшебной лампой Алладина рассыпал на нём все драгоценные камни мира. А когда эту же лампу перевели на другой макет, то лучи её преобразили виденный нами только что макет летнего леса. Свежая зелень засияла ещё ярче, кругом зацвели кусты каких-то невиданных, сказочных растений, дорожку точно усыпали драгоценными каменьями, и цветы, словно золотые, засверкали на солнце. Озеро в глубине озарилось нежными голубыми огнями, которые поднимались к небу столбами голубого пламени. Всё это светилось, горело, блестело и сияло.

Это интересное искусство скромно именуется «светящейся живописью». Цель этого искусства — не самопоказ, не демонстрация оригинального зрелища, а создание обстановки, соответствующей тексту пьесы и замыслу режиссёра, создание образа спектакля. Соединение обычной декоративной живописи со светящейся расширяет возможности декоративного оформления, умножает палитру художника. Благодаря такому сочетанию светящаяся живопись может употребляться не только для театральных декораций: пользуясь её методами, можно оформлять дома, дворцы, заводы и другие архитектурные сооружения.

Архитектурные детали, абсолютно изменяемые под влиянием ультрафиолетовых лучей, зимние пейзажи, которые под лучами становятся летними, ткани, принимающие новую окраску,— всё это говорит о неисчерпаемых возможностях, открывающихся перед светящейся живописью.

ИРИНА ВЕРШИНИНА

Сверху: макет декорации «Лесной песни» — не люминесцированный. Внизу: макет декорации «Лесной песни», освещённый ультрафиолетовыми лучами.

Художник Е. Мандельберг в своей мастерской.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ...

Достижения передовой науки и техники оказывают весьма сильное влияние на поиски новых средств выражения в области искусств. Стремясь использовать новаторские достижения современной научно-технической мысли, мы обращаем своё внимание к таким явлениям, как люминесценция, наиболее близкая по своей природе к изобразительному искусству (люминесценцией называют явления холодного свечения).

У нас в СССР явление люминесценции изучают в лабораториях, руководимых президентом Академии наук СССР академиком С. И. Вавиловым.

В природе мы наблюдаем явления люминесценции ввиде полярного сияния, свечения морской воды и пр. В живописи мы пользуемся искусственными светящимися составами, красками, свечение которых мы возбуждаем через специальные ультрафиолетовые источники (флуоресценция).

Комитетом по делам искусств при СНК СССР создана специальная экспериментально-исследовательская лаборатория, где все усилия светотехников и химиков полностью подчинены требованиям художника. Задачей этой лаборатории является создание и усовершенствование нового жанра декоративного искусства, именуемого «люминесцентной живописью».

В результате большой работы мы создали в этой лаборатории ряд живописно-декоративных образцов, начиная от театральных макетов и эскизов, разрешённых на принципах трансформации, кончая сложными декоративными панно, пейзажем и даже люминесцентным портретом.

Мы разрабатываем метод сочетания ультрафиолета с белым светом, когда люминесцентная живопись будет возникать не в темноте или в полутьме, а при ярком свете.

Уже можно демонстрировать это новое качество люминесцентной живописи, при котором совершенно исчезает неприятная резкость свечения и возникает гамма необыкновенно тонких живописных и нежных цветовых нюансов.

Сейчас в Театре имени Ленинского комсомола готовится постановка пьесы Леси Украинки «Лесная песня». Это чудесная сказка, полная поэзии и глубокого философского содержания, в которой реальный мир переплетается с фантастикой.

Этот спектакль явится первой большой работой в области люминесцентной живописи, которая, несомненно, найдёт широкое применение в жизни и искусстве.

Художник **Е. МАНДЕЛЬБЕРГ.**

ПУШКИН-ХУДОЖНИК

Пушкин оставил нам девятьсот своих рисунков — верных спутников его труда. Они сотнями покрывают его рукописи, сопутствуя тексту, и очень редки вне его. Это интимные наброски, они отображают внутреннее развитие его писательской

работы, ревниво им охранявшейся от постороннего взора.

Эти рисунки — преимущественно портреты. Зрительная память Пушкина была замечательна, и он схватывал наиболее резкие, типические черты своих современников. Среди набросков следует указать на «портре-

ты» жены поэта, Рылеева, Чаадаева, Грибоедова, Пестеля и других.

За шестнадцать лет (с 1820 по 1836) он сделал более шестидесяти автопортретов. Они выражают разные состояния его духа, са-

мочувствия. Этого мы не находим в официальных портретах. Ценность набросков Пушкина в их непосредственности. Каждой своей подробностью они свидетельствуют, что именно так выглядел Пушкин, или так обряжал себя, или таким хотел себя видеть.

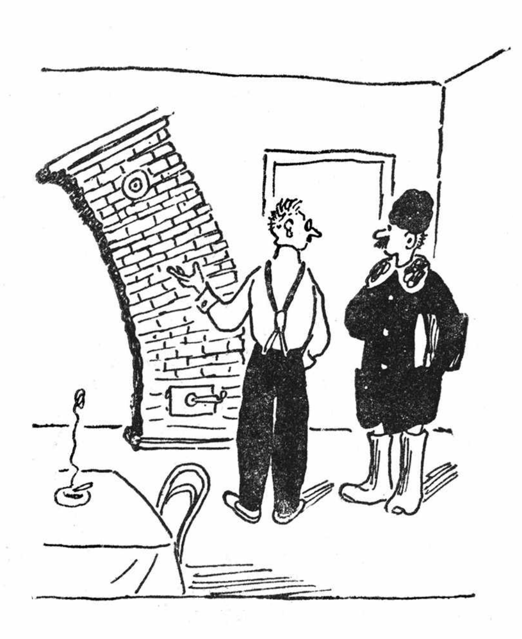
Об этих зарисовках поэта и говорит хорошо изданная Гослитмузеем книга А. Эфроса «Автопортреты Пушкина».

А. Б.

Зарисовки на ходу

МЕЛКИЙ РЕМОНТ ПРОИЗВОДИТСЯ В ПРИСУТСТВИИ ЗАКАЗЧИКА

— ...а вы, гражданин, можете доказать, что на вас были брюки и пиджак?..

БЕСПЕЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ

— Ну, что — вам печь переложили?

— Переложили. Она, как видите, теперь лежит на правом боку.

— Караул, раздевают!!!

Рисунки Е. Ведана и И. Семёнова

ПОЕЗДКА В ПРОШЛОЕ

Г. Рыклин

Рисунки А. Каневского

В первых строках нашего письма разрешите познакомить вас со следующими персонами:

Бурышкин А. В. (мануфактурные товары).
Гучков Н. И. (чайная торговля).
Дербенев Н. И. (мануфактурные товары).
Катуар Л. Л. (вина, шёлк, краски).
Максимов А. П. (бакалейная торговля).
Пуговкин И. А. (торговля шляпами и картузами).
Привалов Е. Е. (верёвки, пакля и рогожи).
И так далее. И тому подобное.

Эти фамилии взяты нами не из старого торгового справочника, а из алфавитного списка гласных Московской городской думы. Причём один «депутат» от другого отличался не умом, талантом или честностью, а только вывеской на своём торговом заведении. Тут было представлено, как на базаре, «всех родов оружие» — ленты, кружева, ботинки, пакля, чай и колбаса.

Члены Думы почему-то назывались гласными. Но, по сути дела, гласные в большинстве своём были безгласные Тит Титычи, раболепно выполнявшие все предначертания градоначальника и волю крупных финансовых тузов.

Для пущей важности они говорили о себе как об «избранниках народа», но народ имел такое же отношение к Думе, как... Дума к народу.

Достаточно привести один пример: в выборах 1904 года в Городскую думу участвовало всего 1838 человек. Это в городе с населением свыше миллиона!

Не веселее обстояло с этим делом и в последующие годы. Хотя порою самые выборы носили весьма весёлый характер.

Московский старожил литератор Н. Найдёнов в своих воспоминаниях рассказывает:

«Выборы по замоскворецкому участку особенно отличались весёлым настроением избирателей, из которых многие с чрезмерным усердием занимались около буфета. Так, рассказывалось, что одного тамошнего столпа, С., пользовавшегося большим почётом в среде купечества, водили под руки для баллотирования. Можно судить, насколько сознательным могло быть такое производство выборов».

Недалеко откатывается яблоко от яблони. Каковы избиратели — таковы и избранники.

Как эти «избранники» управляли Москвой? Совершим небольшое путешествие в прошлое. Перелистаем комплекты старых московских газет. Заглянем на несколько минут в старую, досоветскую Москву.

...Центр города. Кузнецкий Мост.

На тротуаре некий важный господин. По всему видно, щёголь первой гильдии. Он в котелке, в узких полосатых брючках со штрипками, в ярко сверкающих штиблетах.

Щёголь чем-то озабочен. Озирается вокруг. Ищет кого-то.

Так проходит несколько минут.

Но вот, наконец, он нашёл того, кого искал. А искал он извозчика:

— Эй, Ванька!

К нему подкатывает пролётка. Щёголь садится на извозчика и... переезжает на противоположный тротуар.

Вот и всё путешествие. С одного тротуара на другой. А как же иначе? На московских улицах того времени — даже в центре! — такая непролазная грязь, что легко было потерять посередь мостовой не только калоши, не только штиблеты, но и ногу.

Пройдёмся по некоторым улицам и площадям старой Москвы.

Вот Красная площадь:

«...На Красной площади напротив грандиозного здания рядов, с момента наступления снежного времени происходит нечто невообразимое.

На середину площади из разных мест города свозятся сотни возов снега.

Для уничтожения его возведены две громадные снеготаялки. И вот с утра до позднего вечера Красная площадь положительно окутана смрадным дымом от тающего снега и горящих дров в топках снеготаялок» («Московский листок», 8 февраля 1913 года).

Заглянем на Малую Дмитровку, ныне улицу Чехова:

«Вчера на Малой Дмитровке, при проезде колымаги городского ассенизатора Хомякова с мусором, произошёл провал мостовой. В образовавшуюся яму вместе с колымагой провалилась лошадь и возчик...» («Русское слово», 8 июня 1910 года).

Яма оказалась немаленькой.

«...несчастная лошадь оказалась вниз головой. Сверху виден был только её круп и хвост» («Голос Москвы», 8 июня 1910 года).

Сейчас нам кажется странным сочетание двух слов — Москва и бездорожье. Когда мы говорим о бездорожье, нам представляется этакая глухомань, где-то далеко-далеко от столицы и больших городов.

«...В образовавшуюся яму вместе с колымагой провалилась лошадь и возчик...»

Но вот послушаем московских извозчиков.

Как сообщает «Утро России», московские извозчики подали в 1913 году следующую петицию на имя московского градоначальника:

«Создавшееся в центре Москвы исключительное бездорожье приносит московскому ломовому извозу большие ежедневные убытки, почему убедительно просим распоряжения вашего превосходительства о немедленной засыпке оголённой мостовой достаточным количеством снега со дворов и крыш, а также о тщательной уборке тротуарных очисток и сколок во дворы или же в кучи».

Мы уже с вами, читатель, побывали на Кузнецком Мосту, на Красной площади, на Малой Дмитровке. А сейчас посмотрим, как ещё сравнительно недавно выглядела 1-я Мещанская — теперь одна из благоустроенных магистралей Москвы:

«...В этом уголке города, на сравнительно небольшой территории, население живёт ужасно густо в невозможных гигиенических условиях.

Канализации нет. Очистка нечистот производится примитивным способом. День и ночь по большой проезжей многолюдной улице тянутся обозы, распространяя невозможный смрад.

Водопровод есть только на магистральной улице. И какая ирония: рядом, в двух шагах, Крестовские башни с их водопроводом.

Нет освещения...» («Московский листок», 1912 год).

Всё это — дела давно минувших дней. Но отнюдь не преданья старины глубокой. Обратите внимание на даты приведённых газетных выдержек: 1910, 1912, 1913 годы. Семь, пять лет, четыре года до революции.

Но пойдём дальше по старой Москве. Отойдём от центра.

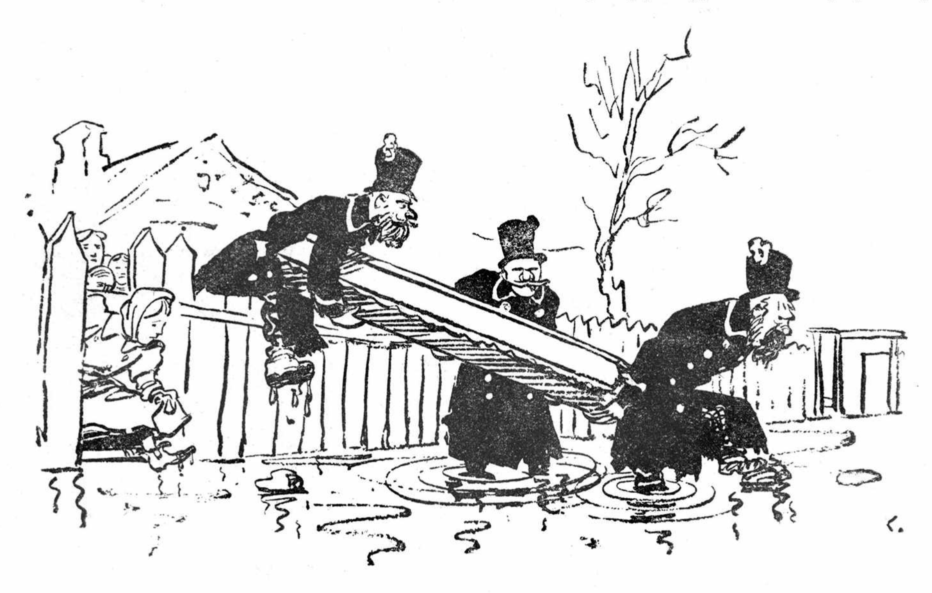
И вот мы с вами очутились на окраине. Да, тогда это была глухая окраина Москвы, что-то похожее на тёмную, заброшенную деревушку.

Мы имеем в виду Ямское поле. То есть нынешнюю улицу «Правды». Слушайте:

«Тротуаров нет. Кое-где положены узкие дощеч-

ки. Улица широкая, но совершенно немощёная» («Московский листок», 1912 года).

Бутырская застава, Нижняя и Верхняя Масловки походили друг на друга. Здесь здорово доставалось не только живым, но и покойникам.

«...Покойников приходится переносить через заборы, минуя улицу...»

«На окраине Москвы, у Бутырской заставы, есть обширная и густо населённая местность — Бутырский проезд... В дождливую осень и ранней весной грязь в этом проезде настолько велика, что покойников приходится переносить через заборы, минуя улицу.

Управа, наконец, вняла воплям обывателей этой местности и, прежде всего, переименовала Бутырский проезд в Нижнюю и Верхнюю Масловки.

Вместо прежних, полустёртых дощечек появились новые, эмалированные, с названием улиц, и... дальше этого «благоустройство» проезда не пошло» («Русское слово», 25 июня 1909 года).

Но было бы ошибкой считать, что и Дума и управа не обращали никакого внимания на этот район. А внимание это заключалось в том, что почти все ассенизационные обозы города были сосредоточены в посёлке Ямское поле:

«Городские санитарные врачи обратили внимание на крайне антисанитарное состояние посёлка Ямское поле, за Тверской заставой, населённого бедным людом... Врачи требуют немедленного удаления из посёлка ассенизационных обозов, влияющих весьма вредно на здоровье жителей» («Русский голос», 1907 год).

А чем же занимались безгласные гласные? Думали ли они о санитарном состоянии города?

Думали. И очень даже:

«7 октября 1899 г. думой было поручено управе срочно (обратите внимание — срочно! — **Г. Р.**) разработать вопрос об очистке всех городских проездов. Осенью 1903 года (т. е. через четыре года! — **Г. Р.**) дума постановила просить управу поспешить (обратите внимание — поспешить! — **Г. Р.**) с представлением доклада по этому вопросу. Текущей осенью (!) городская управа разрабатывает порученный ей думой вопрос» («Раннее утро», 1908 года).

Та же газета через два года сообщает своим читателям о том, что Городская дума потрудилась и в поте лица своего приняла такое решение:

«Из сметы выкинуть все новые строительные работы, все необходимые расходы по благоустройству города».

Накануне новых выборов подводились итоги кипучей деятельности Московской городской думы:

«Под влиянием холерной эпидемии начаты серьёзные разговоры об оздоровлении Хитрова рынка... Издано правило, чтобы дамы, садясь в трамвай, надевали безопасные наконечники на свои шляпные булавки» («Раннее утро», 1912 год).

Со шляпными булавками «отцы города» кое-как справились. А вот насчёт Хитрова рынка «серьёзные разговоры» ничем не кончились.

Вопрос о постройке двух ночлежных домов и о ликвидации частных ночлежек на Хитровом рынке обсуждался Думой с 1864 до 1914 года, но так и не был разрешён,— чтобы, боже упаси, не обидеть домовладельцев.

Достаточно взглянуть на тот алфавитный список, который мы привели в первых строках настоящей статьи, чтоб понять Московская дума не могла обидеть крупного домовладельца. Не трогал Бубышкин (мануфактурные товары) Пугеекина (шляпы и картузы), зато шляпы и картузы не трогали мануфактурные товары.

Был одно время проект расширить Кузнецкий

Мост. Но для этого понадобилось срезать угол одной усадьбы. Владелец не пожелал и затребовал 100 тысяч рублей за 54 квадратных сажени земли. Он огородил этот клочок земли железной решёткой, засадив его чахлой растительностью и... Дума ничего не могла сделать. Точнее — не хотела.

Но зато имели место такие факты. Однажды городская управа обнаружила, что кто-то украл целый переулок. Был переулок на Красносельской улице и за ночь исчез.

Начали искать пропажу. Оказалось, что домовладелец Мозжухин прикарманил переулок. Просто, никого не спросясь, присоединил его к своим владениям, огородил забором и объявил его своей собственностью.

И опять-таки Дума, не пожелав обидеть своего человека, оставила дело без последствий.

Так называемые либеральные газеты изредка тешили себя и своих читателей лёгонькой и робкой критикой Городской думы. А фельетонист «Раннего утра» успокаивал москвичей таким образом:

«Вообще должен вам сказать, что не позднее чем через 500 (пятьсот) лет Москва будет по внешнему виду вполне столичным городом, который сможет выдержать сравнение со своими нынешними зарубежными товарищами...» («Раннее утро», 22 апреля 1911 года).

Недальновиден был буржуазный фельетонист. Потребовался гораздо меньший срок, чтобы Москва — советская Москва — стала не только «вполне столичным городом», но и культурнейшей столицей мира.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

СДАЛ ЭКЗАМЕН

Фермер, прослышав, что на одноколейную железную дорогу требуется смотритель, решил наняться на это место.

— Вам придётся пройти строгий экзамен, — сказал человек в управлении железной дороги.

— Спрашивайте, что угодно!

— Ладно, — сказал экзаминатор. — Предположим, вы находитесь на посту и вдруг видите, что два поезда идут друг другу навстречу. Что бы вы сделали?

— Я бы дал свисток.

— Предположим, что свисток испортился.

— Я бы поднял красный флажок.

— Вы забыли его в будке.

— Я всегда носил бы красную рубашку, снял бы её и попытался ею остановить поезд.

— Тогда скажем что это происходит ночью.

— Тогда я зажёг бы красный фонарь.

— Но у вас вышел весь керосин.

— В этом случае я кликнул бы свою сестру.

— Сестру? Причём тут сестра?

— Я бы сказал ей: «Иди скорей, сестричка! Погляди на самое крупное крушение, которое ты когда-либо видела!»

«ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ»

Некий англичанин, путешествуя по Франции, остановился однажды у дверей провинциального отеля, надпись над которым привлекла его внимание: «Здесь говорят на всех языках».

Путешественник решил здесь переночевать. Войдя в отель, он тотчас же обратился к хозяину на родном языке, но ответа не последовало. Тогда путешественник попробовал заговорить по-немецки, потом по-итальянски. Хозяин безмолвствовал. Наконец, он в раздражении спросил уже по-французски:

— Кто же говорит здесь на всех языках?

Хозяин невозмутимо ответил:

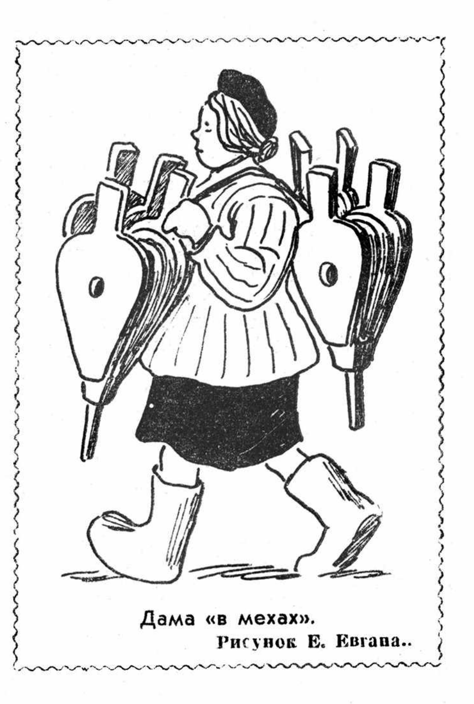
— Разумеется, путешественники, мсье.

В АНТРАКТЕ

Муж: — Ну, милочка, я пойду пока в буфет, выпью рюмочки две—три.

Жена: — Друг мой, ведь ты уже обещал мне не пить в течение года!

Муж: — Да, голубка моя, но ты разве не прочла в афише, что между первым и вторым актом проходит два года?

Дама «в мехах».
Рисунок Е. Евгана.

ЗАНЯТЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Вы знаете, я работаю двадцать пять часов в сутки.

— А как вам это удаётся?

— Я встаю на час раньше.

ОБМАНУЛСЯ В РАСЧЕТАХ

— Жена моя пропадала от скуки и целыми днями играла на пианино. Меня это нервировало, и я ей посоветовал взять компаньонку для развлечения.

— Ну, и что же?

— Теперь они играют в четыре руки.

ИНТЕРЕСНАЯ ИГРА

Мать: — Боже мой, деточка, что это с тобой случилось? Всё платье в круглых дырках!

Вилли: — А мы, мамочка, играли в лавку, и я был швейцарским сыром.

ЛЕДОВЫЕ МНОГОБОРЦЫ

ПО ПРИГЛАШЕНИЮ НОРВЕЖСКИХ КОНЬКОБЕЖЦЕВ КОМАНДА СОВЕТСКИХ СКОРОХОДОВ ПОБЫВАЛА В НОРВЕГИИ — СТРАНЕ, КОТОРАЯ СЧИТАЕТСЯ РОДИНОЙ КОНЬКОБЕЖНОГО СПОРТА.

В ЖЕНСКИХ СОРЕВНОВАНИЯХ ОБЩЕЕ ПЕРВЕНСТВО ЗАВОЕВАЛА СОВЕТСКАЯ СКОРОХОДКА МАРИАНА ВАЛОВОВА. НА ВТОРОМ МЕСТЕ ОСТАЛАСЬ ИСАКОВА, НА ТРЕТЬЕМ — КАРЕЛИНА.

СОРЕВНУЯСЬ С НОРВЕЖСКИМИ, ШВЕДСКИМИ И ФИНСКИМИ КОНЬКОБЕЖЦАМИ ПО 4 КЛАССИЧЕСКИМ ДИСТАНЦИЯМ, АБСОЛЮТНЫЙ ЧЕМПИОН СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПРОШИН ЗАНЯЛ ПЯТОЕ МЕСТО.

Фото М. и Н. Волковых

Сильнейшие конькобежцы страны. Справа налево: И. Ипполитов, А. Люскин, абсолютный чемпион СССР В. Прошин, государственный тренер по конькам Я. Мельников. Снимок сделан перед отъездом в Норвегию.

Видали ли вы, как проносится по ледяной дорожке самый быстроногий скороход страны — Константин Кудрявцев? Этот конькобежец — олицетворение скорости. Всего 42 секунды требуется ему, чтобы пробежать 500 метров. Кудрявцев — спринтер: его стихия—короткая дистанция.

Неизменно все последние годы Кудрявцев добивался звания чемпиона страны, но ещё ни разу не удалось ему завоевать титул абсолютного чемпиона. Для того чтобы стать абсолютным чемпионом конькобежного спорта, надо обладать способностями многоборца: уметь побеждать не только на короткой дистанции, но и быть одним из первых в беге на 1500 метров, 5 тысяч и 10 тысяч метров. Многоборец должен проявлять в беге не только быстроту, но и исключительную выносливость, большую силу.

Абсолютный чемпион по конькам — это победитель по сумме четырёх дистанций, причём в одной из них он обязан оказаться на финише первым. Немногие скороходы способны на это. Вот почему в ряду блестящих советских конькобежцев, которые смело могут соревноваться с сильнейшими скороходами мира, первые места по праву принадлежат двум: Ивану Аниканову и Владимиру Прошину.

Любители конькобежного спорта впервые заметили Аниканова — широкоплечего, не очень высокого крепыша на соревнованиях 1934 года. Тогда в беге на 1500 метров Аниканов занял тринадцатое место. Эта дистанция считается одной из самых трудных. Она требует от скорохода стремительности и вместе с тем выносливости. Скороход, хорошо пробегающий 1500 метров, имеет шансы стать многоборцем. Недаром эта дистанция была коронной у одиннадцатикратного абсолютного чемпиона страны — Якова Мельникова. И вот в следующем спортивном сезоне Иван Аниканов победил Мельникова на этой самой трудной и ответственной дистанции. Мельников выиграл звание абсолютного чемпиона, но в беге на 1500 метров он проиграл Аниканову две десятых секунды.

Этой дольки времени может хватить человеку ровно на столько, чтобы закрыть и открыть глаза. Мельников после бега широко открытыми глазами посмотрел на своего молодого противника. Он почувствовал тогда, что вот он, пришедший ему на смену...

Так это и было. На первенстве страны по конькам 1936 года, когда последняя пара пробежала 10 тысяч метров и были подсчитаны результаты,— Мельников поздравлял Аниканова с победой. Молодой конькобежец завоевал звание абсолютного чемпиона.

Секрет победы Аниканова таился в его удивительной зрительной памяти. Посмотрев раз на человека, Аниканов может точно скопировать его жесты, походку. Достаточно ему было увидеть на ледяной дорожке норвежцев — чемпионов мира,— чтобы он на всю жизнь запомнил их стелющийся шаг, бесшумные толчки их коньков. Аниканов поэтому смог перенять у норвежцев их движения, их посадку, и он упрямо отрабатывал свой стиль.

Прошёл ещё год, и Аниканов снова завоевал первенство страны. Он умудрился также улучшить три всесоюзных рекорда и на самой короткой дистанции, и на средней, и на длинной, причём его результат на 1500 метров был совершенно исключителен — 2 минуты 22,2 секунды. Такое время в последний раз было показано в 1913 году Василием Ипполитовым в Норвегии во время его борьбы с чемпионом мира Оскаром Матиссеном.

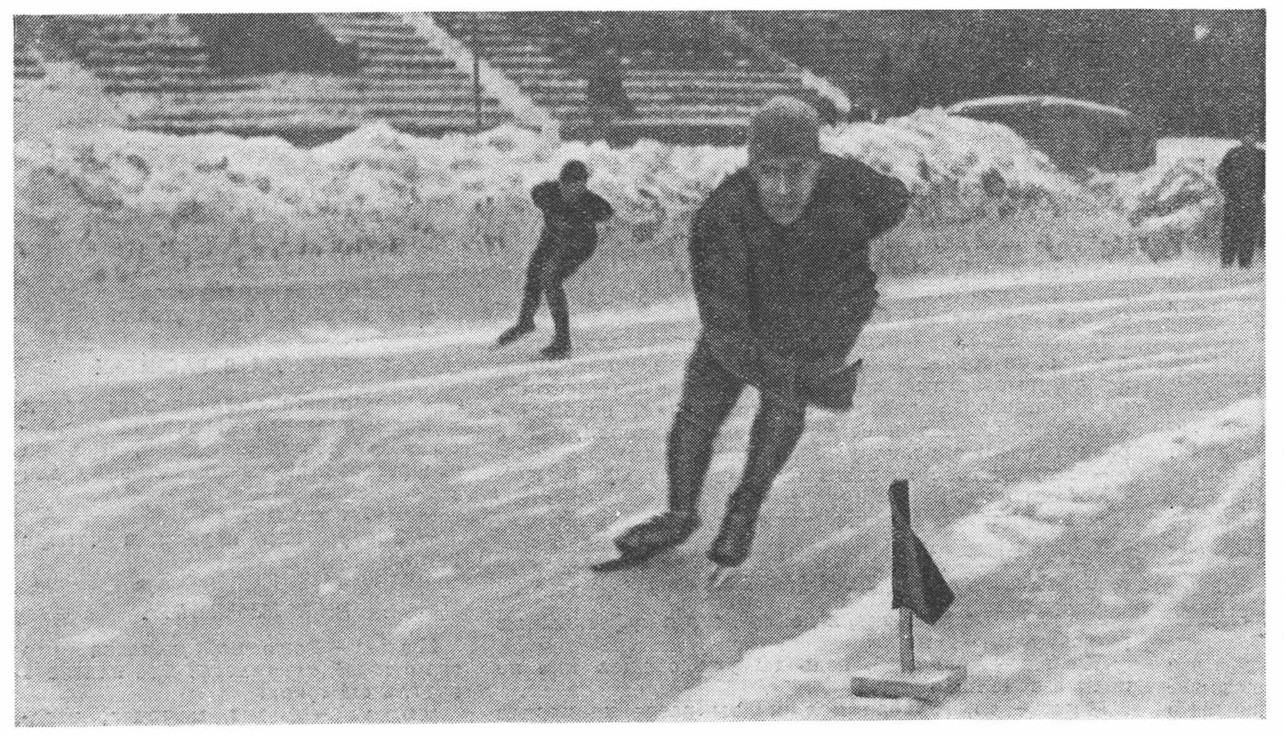
Аниканов четырежды добивался звания абсолютного чемпиона. Имя его хорошо известно в Норвегии, где он побывал ещё в 1936 году на первенстве Европы в Осло. На соревнованиях в Тронхейме советский многоборец из четырёх дистанций выиграл три. Такова фигура одного из лучших наших многоборцев.

Не менее интересен и второй скороход — нынешний абсолютный чемпион Владимир Прошин. За несколько лет до войны на московском катке «Буревестник» можно было встретить худенького юношу. Он выделялся среди своих сверстников исключительной подвижностью и ловкостью.

В 1943 году Прошин вернулся из армии и снова появился на ледяной дорожке. Те, кто помнил его раньше, сразу заметили перемену: он уверенно держался на ногах и эластичностью своих движений напоминал Аниканова. Следующей зимой Прошин вступил в борьбу с Иваном Аникановым на первенстве Москвы и оказался победителем по сумме четырёх дистанций, но звания чемпиона не получил, потому что не занял ни одного первого места. Зато минувшей зимой все крупные конькобежные соревнования закончились полной победой Владимира Прошина. Он начал с того, что выиграл приз открытия сезона, оставив на втором месте Аниканова. Затем он оказался победителем матча четырёх городов и, наконец, завоевал звание абсолютного чемпиона СССР.

Владимир Прошин нынешней зимой впервые принимал участие в международных соревнованиях. Его противниками оказались очень сильные скороходы, и нет сомнения, что встречи с ними многое дали нашему молодому чемпиону.

Вл. ЗВЕРЕВ

Один из лучших многоборцев, Иван Аниканов, на дистанции.

100 МЕТРОВ ДО ФИНИША

Лыжная гонка, так же как и любое спортивное состязание, требует от участников мобилизации всех сил. Даже тренированные и сильные гонщики испытывают на дистанции так называемое состояние «мёртвой точки». В этот момент их мускулы деревенеют, учащённо бьётся сердце, не хватает дыхания. Именно теперь от спортсмена требуется большое психическое напряжение, чтобы заставить себя продолжать борьбу. Но лыжник знает: если ему удастся перевалить через «мёртвую точку»,— тогда откроется «второе дыхание», всё войдёт в норму, и снова гибкими станут мышцы, мощно и ровно заработает сердце. И там, где малодушный или плохо тренированный сойдёт с дистанции, мужественный и хорошо подготовленный будет продолжать борьбу и добьётся победы.

Вот уже несколько лет, как я занимаюсь изучением предельных напряжений спортсмена. Физиологическая лаборатория Научно-исследовательского института физкультуры, которую я возглавляю, исследовала во время тренировок и соревнований ряд наших крупнейших спортсменов. Материалы, собранные нами, говорят о том, что для хорошо подготовленного человека большая нагрузка не только не вредна, а просто полезна. Она закаляет тело и дух спортсмена, увеличивает его выносливость и силу.

Моя лаборатория исследовала также и гонщика, снятого на этой фотографии. Мы изучили организм лыжника Добрышина. Добрышин—исключительно здоровый, гармонически развитый человек, с безукоризненно мощным сердцем и могучими лёгкими. Не умеренная работа сделала его таким, а максимальное напряжение, которое он не боится давать своему организму.

Спортивный репортёр Н. Волков снял Добрышина в тот момент, когда гонщик заканчивал дистанцию. Тело Добрышина работало в полную силу все 20 километров трудного пути, и всё же перед самым финишем гонщик сохранил необходимый резерв, чтобы на последних метрах «выложиться», как говорят спортсмены, без остатка. Плох тот спортсмен, который приходит к финишу с неиспользованным запасом сил.

В последние минуты перед концом гонки трудно приходится лыжнику. На последних метрах лыжной дистанции, сердце Добрышина делало в одну минуту 200 ударов (вместо 40 в спокойном состоянии). Это большое, мощное сердце перегоняло в одну минуту до 60 литров крови (вместо 6—8 в спокойном состоянии).

Достаточно взглянуть на лицо гонщика, чтобы увидеть, какого большого усилия стоит ему каждый шаг. Но вот промелькнула финишная черта—и быстро возвращаются силы.

Посмотрите на вторую фотографию, сделанную через полчаса после конца этой гонки, и вы увидите, как улыбается человек, который заслуженно добился трудной и славной победы.

Доктор биологических наук
В. С. ФАРФЕЛЬ

ВОЗРОЖДЕНИЕ НОРВЕЖСКОГО СПОРТА

16 ноября 1940 года, вскоре после оккупации Норвегии немецкой армией, 300 тысяч норвежских спортсменов объявили стачку. Эта невиданная в истории спортивная стачка продолжалась пять лет. Немцы и квислинговцы не раз пытались сломить сопротивление спортсменов. Не раз видные лыжники, конькобежцы, прыгуны вызывались на соревнование под угрозой ареста, но даже в том случае, если они вынуждены были являться на стадион, участники стачки путали номера, неправильно регистрировали время—всё шло вкривь и вкось, и немцы должны были вскоре отказаться от своей затеи.

Тогда оккупанты дисквалифицировали семь известнейших норвежских спортсменов: лыжников Ларса Бергендаля и Биргера Рууда, конькобежца Гарри Харальдена и борцов Карла Кристиансена, Эгиля Сольевика, Бьерна Кука и Ивара Стокке. Много норвежских спортсменов попало в концентрационные лагери, и всё же норвежские спортсмены не склонили головы перед оккупантами и квислинговцами.

В прославленных окрестностях Хольменколлена, вблизи Осло, где до войны проходили международные лыжные гонки, лыжники Норвегии умудрялись устраивать соревнования. Непосвящённый никак не мог бы предположить, что воскресная толпа, усеявшая снежные склоны, занимается чем-нибудь другим, а не обычной прогулкой. Но эта толпа разделялась на участников соревнования и судей. Многие из лыжников проходили определённую дистанцию, некоторые зрители незаметно засекали время. Вечером в укромном месте судьи собирались, чтобы установить победителя этих конспиративных гонок.

Таким же образом организовывали свои соревнования прыгуны на лыжах с трамплина. Иногда трамплин строился где-нибудь в горах, иногда для прыжков использовались естественные возвышенности. Однажды немцы пронюхали об одном из таких соревнований, оцепили местность и захватили двух известных прыгунов—чемпиона мира Биргера Рууда и его брата Асбьерна. Братья просидели в концентрационном лагере целый год.

Вот во что обходилось в Норвегии участие в спортивных соревнованиях, и всё же ни немцам, ни квислинговцам не удалось разгромить норвежский спорт. Когда через три недели после освобождения страны временное правление норвежского спортивного союза объявило, что сопротивление закончено, снова ожили стадионы.

Маленькая северная страна издавна славится своими лыжниками и конькобежцами. Норвежские конькобежцы не раз завоёвывали звание чемпионов мира. Три лучших норвежских скорохода побывали и на ледяных дорожках Москвы и Ленинграда. Теперь из этих трёх конькобежцев остался только один — Ивар Балангруд. Микаэль Стаксруд утонул при таинственных обстоятельствах в декабре 1940 года, а Ганс Енгнестанген оказался квислинговцем, инспектором войск СС и арестован сразу же после освобождения Норвегии.

Но за годы оккупации на подпольных соревнованиях выдвинулся ряд молодых и сильных спортсменов, имена которых сейчас мало кому известны.

«Спорт есть проявление бьющей через край радости»,— так говорят норвежцы. И сейчас, когда их страна снова свободна и невиданная в истории пятилетняя стачка закончена, норвежские спортсмены с исключительным воодушевлением стремятся наверстать утерянное.

СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Григорий Новак, следуя своему обычаю, начал новый год новым мировым рекордом. На спортивном вечере в цирке он толкнул двумя руками 163 килограмма, побив официальный мировой рекорд француза Феррари.

* * *

Так уж повелось, что о спортивном событии принято говорить в момент его свершения. А вместе с тем событие это готовится исподволь, и можно проследить, как оно зарождается и зреет, ещё неведомое никому.

26 января в Московском цирке, на спортивном празднике, посвящённом выборам в Верховный Совет СССР, замечательный тяжелоатлет Григорий Новак установил свой восьмой мировой рекорд, побив результат Феррари.

Около года тому назад француз Феррари установил мировой рекорд для атлетов полутяжёлого веса, толкнув двумя руками штангу весом в 160 килограммов. На глазах многотысячной аудитории, собравшейся в цирке, Григорий Новак толкнул штангу весом в 163 килограмма. Это был 27-й мировой рекорд из 35 завоёванных нашими тяжелоатлетами.

Истоки этого большого спортивного события надо было искать за месяц до этого в одном из тренировочных зал московского стадиона «Динамо». В этом зале старый атлет Ян Спарре, выигравший в своё время 17 раз первенство России, собрал всех лучших гиревиков страны на тренировочный сбор.

Человек, впервые попавший на тренировку гиревиков, может подумать, что он находится в каком-нибудь цехе металлургического завода. На помост летят, резко звеня, металлические «блины». Спортсмены в своих синих тренировочных брюках и свитерах похожи на рабочих, и каждый из них занят своим делом.

Вот перед большим зеркалом абсолютный чемпион Союза Яков Куценко выполняет гимнастические упражнения. Как легки и грациозны движения этого огромного человека, весящего свыше 100 килограммов! Вот бегает по залу, пританцовывая, обладатель нескольких мировых рекордов Григорий Попов. Это его отдых. Он расслабляет свои мускулы, готовя их к новому напряжению. Внезапно Попов останавливается перед штангой, поднимает голову к потолку и голосом настоящего жреца возвещает: «О, боги!» Этот шутливый возглас заставляет весь зал насторожиться.

Тяжелоатлеты замирают, наблюдая за тем, как могучие руки Попова вздымают кверху тяжёлую штангу. А ещё через полминуты Попов снова пританцовывает по залу.

Молчаливо, сосредоточенно ходит вокруг штанги Николай Шатов, и весело, словно шутя, возится со штангой Григорий Новак. Новак тренируется шутя, с прибаутками и смехом. Но это не значит, что всё ему даётся легко. Целый месяц он прожил рядом с тренировочным залом, и старый Спарре работал с ним не покладая рук. Разве можно сосчитать, сколько раз в бесчисленных весовых комбинациях поднималась Новаком штанга, сколько подготовительных упражнений, прописанных тренером, проделал атлет!

Неумолчно продолжал греметь цех, где ковались будущие победы и рекорды. И вот наступил день, когда результат, выращенный в дни тренировок, стал достоянием всей страны.

А. Вит

ПИСЬМА МАТЕРИ М. И. ГЛИНКИ

Евгения Андреевна Глинка — мать великого композитора Михаила Глинки.

Перерисовка со старинной гравюры.

Если пересмотреть письма Глинки, невольно привлечёт внимание один адрес, чаще всех прочих выписанный его рукой: Смоленской губернии, Ельнинского уезда, село Новоспасское, милостивой государыне Евгении Андреевне Глинке.

Письма великого композитора к матери — не просто обычные изъявления сыновней привязанности. В интимно-задушевных беседах с матерью-другом Глинка раскрывается с наибольшей полнотой. Ей поверяет он сердечные тайны и заветные думы. Ей первой шлёт вести о лаврах и терниях на своём пути. У неё ищет он сочувствия и утешения.

В торжественный день 27 ноября 1836 года, когда, по образному выражению современников, «занялась новая заря для русской музыки», состоялась премьера оперы «Иван Сусанин». Буквально на другое же утро в Новоспасское была отправлена первая эстафета:

«Милая и бесценная маменька! Вчерашний вечер совершились наконец желания мои и долгий труд мой был увенчан самым блистательнейшим успехом. Публика приняла мою оперу с необыкновенным энтузиазмом».

А несколько представлений спустя Глинка снова в письме к матери подытоживает результаты многолетних творческих усилий: «Я теперь вполне вознаграждён за все труды и страдания и ежели ещё не во всех намерениях успел, то надеюсь, что не замедлю достигнуть до прочих моих намерений...»

Да и кому же, как не Евгении Андреевне Глинке, было гордиться славой творца русской национальной оперы? Ведь это она, чутким сердцем угадав истинное призвание сына, помогла преодолеть препятствия, преграждавшие Глинке путь к артистическому поприщу. Это она с трепетом следила за работой Михаила Глинки, прилежно «уписывавшего» партитуру своей оперы в большой и весёлой зале её новоспасского дома. Это она, Евгения Андреевна Глинка, будучи в Петербурге, присутствовала и на первой репетиции «Ивана Сусанина», и сетовала на то, что не придётся ей лично быть участницей фамильного и общенационального торжества.

И Глинка не пропускал случая порадовать мать. Незадолго до премьеры «Ивана Сусанина» Жуковский вручил Глинке свою балладу «Ночной смотр». В тот же вечер музыка на эти слова была готова. Слушателей было немного: Пушкин, Жуковский да Евгения Андреевна. «Надо было видеть,— рассказывает Глинка,— как искренно радовалась матушка видеть у меня таких избранных гостей...»

До сих пор биографы Глинки не располагали документами, непосредственно исходящими от самой Евгении Андреевны Глинки. Ныне фонды Центрального государственного литературного архива обогатились ценным собранием писем матери Глинки, обращённых к её детям.

Впервые публикуя выдержки из этой интересной переписки, мы получаем возможность восстановить некоторые утраченные подробности биографии самого Глинки и воссоздать нравственный облик той женщины, которой столь многим обязана русская культура.

Большая часть писем матери М. И. Глинки охватывает период, предшествующий явлению нового бессмертного творения — оперы «Руслан и Людмила».

Пожелтевшие, с выцветшими от времени чернилами письма Евгении Андреевны последовательно развёртывают летопись событий в жизни Михаила Глинки.

Весна 1840 года. Эту весну Глинка встречает вместе с матерью в родном Новоспасском, куда привезла его после петербургских передряг Евгения Андреевна. Тщательно описывает она каждую подробность его быта и занятий, тонко подмечает малейшую перемену в его душевном состоянии.

В эту же пору впервые в письме Евгении Андреевны появляется имя Екатерины Ермолаевны Керн. Поразительное сплетение имён и творческих стимулов! Красавице Анне Петровне Керн влюблённый Пушкин подарил вдохновенные поэтические строки: «Я помню чудное мгновенье». Гениальный романс Глинки на эти стихи появился в пору его горячего увлечения родной дочерью Керн — Екатериной Ермолаевной.

Когда поздней осенью 1842 года Глинка уже был накануне завершения «Руслана и Людмилы», в Ельню отправилось письмо из Петербурга:

«Вот у нас и зима. Скоро ли вы порадуете деток ваших счастием вас видеть? Поспешите, милая маменька,— я теперь домосед, пишу оперу».

И вот в Новоспасском увязываются баулы и по зимнему первопутку трогается с домочадцами Евгения Андреевна, спеша на зов любимого сына.

Близился день премьеры «Руслана». Всё напряжённее текла работа в тихом флигеле большого дома. Уже прошла первая проба оперы, устроенная Глинкой на половине у Евгении Андреевны. Так же как в «предсусанинские» дни, мать была одной из первых, кто удостоился чести слышать музыку Глинки до публичного её исполнения.

Премьера «Руслана и Людмилы», как известно, не принесла должного успеха гениальному её творцу. В эти горькие минуты, как и всегда, в матери-друге Глинка нашёл чуткую поддержку, почувствовал непоколебимую веру в него.

— Возвратясь из театра,— вспоминает в «Записках» автор «Руслана»,— мы с матушкой скрыли нашу досаду, ласково приняли наших приятелей, приехавших к нам ужинать...

Формула Глинки «мы с матушкой», пожалуй, красноречивее всего характеризует ту полную душевную близость, которая объединяла великого композитора и его мать.

Эта близость существовала всегда. В скитаниях Глинки по белу свету, куда бы ни заносила его судьба, образ матери ещё больше обострял в сердце Глинки ощущение родины и согревал его одинокую душу.

Евгения Андреевна скончалась 30 мая 1851 года.

Память о матери не тускнеет с годами у Глинки.

Ему хочется вспомнить её, совсем молодую, какой некогда изобразил Евгению Андреевну живописец на старинной миниатюре. С чужбины Глинка многократно умоляет в письмах к сестре прислать ему единственный сохранившийся портрет матери. Это было почти накануне его смерти, когда великому музыканту так страстно захотелось снова увидеть изображение той, которая все свои письма к детям заканчивала памятными словами: «Ваша усердная мать».

Е. КАНН, Г. ЗАЛКИНД

Как надо жить

В промежутки между огневыми налётами, в короткие часы солдатского отдыха рабочие Москвы и Ленинграда, рязанские колхозники, казаки с берегов Терека и Кубани, таёжные охотники с одинаковым чувством любовались синеющими вдали Карпатами.

Всё ещё выла и грохотала война. Всё ещё ложились на мирную природу страшные её тени. Всё ещё злобно огрызались немцы... Но ничто уже не могло нарушить ликующей уверенности советского солдата, что он своими мужеством, бесстрашием и стойкостью приблизил конец войны. С каждым новым успехом, с каждым новым броском вперёд уже на чужой земле воюющие советские люди, ощущая за собой безграничные, отвоёванные пространства родины, задумывались над тем, какой должна стать их жизнь в будущем, за которое они сражались и которое несёт на крыле своём их победа.

В. Овечкин — писатель-фронтовик — в небольшой повести «С фронтовым приветом» («Октябрь» № 5—6) рассказал нам о мыслях и чаяниях своих фронтовых товарищей, стоящих перед Карпатскими высотами и перед близким окончанием войны.

В часть вернулся капитан Павел Григорьевич Спивак— полковой агитатор. После госпиталя, получив десятидневный отпуск, он побывал на родине, в своём колхозе. То, что увидел там Спивак, вызвало у него поток мыслей, и ими он поделился со своими боевыми друзьями. Спивак видел, как на пустыре, из обуглившихся, изувеченных развалин (в его колхозе были немцы) поднимаются стены нового дома. А в этот дом, по выражению комбата Петренко — закадычного друга и односельчанина Спивака, — входить надо, обтерев ноги на ступеньках. Потому что жизнь после войны начинается заново, и должна она быть ещё лучше, чем до войны.

Задушевные беседы друзей, Спивака и Петренко, о довоенном прошлом и о наступающем будущем как бы вобрали в себя наиболее характерные, типичные помыслы, настроения и желания солдат, офицеров и генералов Красной Армии — миллионов мирных советских людей, вынужденных яростно и непреклонно вести войну за мир.

И люди, вернувшиеся с войны, должны быть другими: более чистыми, более принципиальными, более требовательными к себе.

«Сталинград — это место, где в нашей жизни совершилось что-то огромное,— говорит сержант Фёдоров. — К нему мы не все пришли хорошими бойцами и людьми. Но кто остался жив и пошёл оттуда дальше воевать — с другой душой пошёл, другим стал человеком».

И эти люди вправе громко и отчётливо сказать о том, какой же мечтают они встретить послевоенную жизнь, как надо жить после войны.

В большом письме на имя секретаря райкома партии Сердюка — своего старого товарища и сослуживца — Спивак и Петренко излагают ему свои мысли и соображения о настоящем и будущем района.

«Всё-таки хочется нам, фронтовикам, видеть его передовым районом в наступившей эпохе восстановления,—говорит Спивак.—Ни у кого ведь не тоскует так душа по запаханным полям и цветущим садам, как у солдата».

И вот, между только что закончившимся боем и новым, готовым вот-вот вспыхнуть, сформулировано кредо, основная мысль этого письма.

«Пиши, — говорит Петренко Спиваку, — что в новой жизни на освобождённой земле хотим мы видеть после всех ужасов войны много красоты и радости. Если не сразу создашь её, красоту, на месте вырубленных садов и выжженных сёл, пусть будет она в отношениях между людьми и в их трудовых подвигах. Хотим мы, чтобы никто и ничто не мешало передовым труженикам развернуться во всю силу. Хотим, чтобы во все закоулки дошла радость победы и восстановления советской жизни и чтобы не было у нас опять через несколько лет этой старой болячки — отстающих колхозов. Хотим в партийных организациях видеть только вожаков и строителей и ни одного шкурника. Многое хотим. Много крови пролили на этой земле, но и многого хотим от будущей жизни».

Целую школьную тетрадь заняло это письмо и через полевую почту пошло в далёкий тыл, в один из районов навеки освобождённой Украины.

А благодаря В. Овечкину это письмо — такое умное, ясное и человечное, — письмо простых советских людей, написанное с фронта, получила и вся наша страна, ныне занимающая новые рубежи жизни, отвоёванной в эти грозные годы.

Почти лишённая сюжета и написанная в особой форме монолога, задушевного, страстного, повесть В. Овечкина, несмотря на некоторую излишнюю публицистичность, — бесспорно новое и интересное явление в нашей литературе военных лет.

ВЛ. ДМИТРЕВСКИЙ

ЯНВАРЬ		
ПН		28
ВТ	22	
СР	23	
ЧТ	24	
ПТ	25	
СБ	26	
ВСКР	27	

Семь дней

ПЕРВАЯ ТАТЬЯНА

Когда П. И. Чайковский написал оперу «Евгений Онегин», самой большой заботой композитора было найти певицу, которая могла бы воплотить эту «полную чистой женственной красоты девическую душу».

— Где я найду Татьяну,— волновался Пётр Ильич,—

18 81

ИМПЕРАТОРСКІЕ МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ

ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 11-го ЯНВАРЯ

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

Афиша первого спектакля оперы «Евгений Онегин» в Большом театре 23 (11) января 1881 года.

ту Татьяну, которую воображал Пушкин и которую я пытался иллюстрировать музыкально!..

Кому же суждено было стать первой в истории русской оперы Татьяной?

В ответ назовут имя известной русской певицы Марии Климентовой, которая пела партию Татьяны на премьере в Московской Консерватории и на сцене Большого театра, где «Онегин» был впервые поставлен шестьдесят пять лет назад— 23 января 1881 года.

Эта историческая справка как будто бы верна, а пожалуй... и неверна.

Братья и друзья Чайковского запомнили камерный спектакль, который состоялся в Петербурге незадолго до московских премьер. В волнении тогда готовилась предстать перед избранными слушателями Татьяна Ларина. В жизни звали её Сашенькой Панаевой. Всё, казалось, предвещало Панаевой блистательный театральный путь. Её чудесный голос и сценический талант снискали благосклонность самой Полины Виардо. Звезда европейских сцен охотно взялась давать «мадемуазель Панаевой» уроки. Вскоре ученица Виардо заставила заговорить о себе весь музыкальный Петербург. Газетные фельетонисты состязались в похвалах её самобытному русскому таланту, «чарующему голосу» и «божественной красоте».

В том камерном спектакле Сашенька впервые исполнила роль Татьяны, завоевав единодушное и полное признание.

— Если бы Александра Валерьяновна,— говорил Чайковский,— могла поступить на сцену, то лучшей Татьяны и выдумать нельзя...

— Увы, — рассказывал Чайковский о несбывшихся мечтах Сашеньки Панаевой,— её папаша считает позорным для неё быть артисткой по ремеслу!

У молодой певицы не нашлось сил для борьбы. Светские развлечения, изредка любительские концерты и скорое замужество составили эпилог этой обыденной в те времена истории.

Летопись русского искусства едва помнит Александру Панаеву — выдающегося русского самородка, согретого вниманием и одобрением великого русского композитора. Но, говоря о первых представлениях «Евгения Онегина», вспомним и Александру Валерьяновну Панаеву, которой принадлежит право на почётное имя первой Татьяны.

ГРОДНЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ПЕТРА I

Карл XII мечтал о полном порабощении славянских государств и прежде всего России и Польши. Шведская армия была тогда сильнейшей в Европе, и все были убеждены, что Петру не устоять против «непобедимого Свея».

Летом 1705 года Пётр двинул войска из Полоцка к Гродно — на выручку своего союзника, польского короля Августа. Поздней осенью в Гродно прибыл сам Пётр. 24 января 1706 года под стены Гродно примчался и Карл. Началась историческая гродненская операция, в которой 240 лет назад впервые показала свою мощь молодая русская армия.

Самоуверенности Карла не было границ. Он не сомневался, что с 24-тысячным отрядом разгромит главные силы Петра. Стояли жестокие холода. Карл в быстром походе переморозил 3 тысячи солдат. Это было «ещё более озорное движение Карла, чем под Нарву в 1700 году». Но тогда Карл имел дело с неопытными и необученными русскими войсками. Под Гродно коса нашла на камень.

После отъезда Петра в Москву официальным командующим был фельдмаршал Огильви, но Пётр по обыкновению приставил к иностранцу одного из строителей регулярной армии, русского генерала князя Репнина.

В гродненском лагере были большие нелады. Огильви бездействовал, надеясь отсидеться в крепости до подхода новых сил. План Петра был иной. Пётр прямо приказывал Репнину оставаться в Гродно лишь

Пётр I.
Со старинной литографии.

в том случае, если у него имеется твёрдая уверенность в скорой помощи союзных войск и «провиянту месяца на три имеете, и конский корм (хотя с небольшою нуждою)».

«В противном случае,— приказывал он,— отступить и на оных (то есть Огильви) не смотреть».

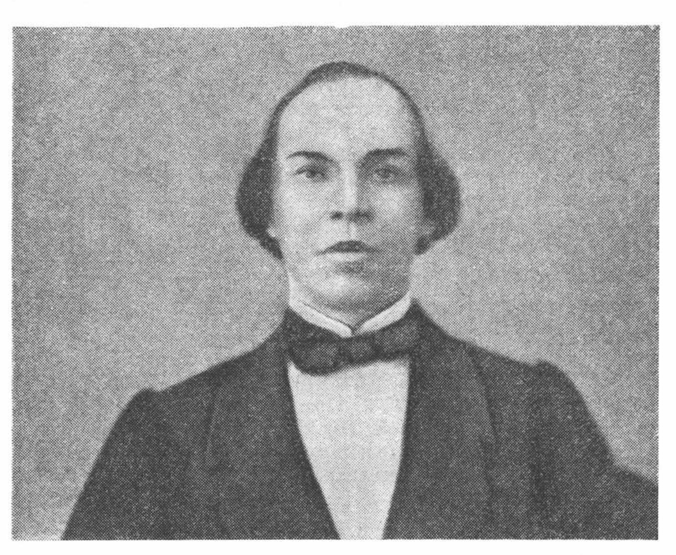
Встревоженный Пётр вызвал к себе для доклада Меншикова и потом больной поспешил из Москвы в Гродно. Положение русской армии было сложное. Карл стоял в 70 верстах от Гродно; на штурм он не решался, но мешал подвозу продовольствия. Пётр беспокоил шведский лагерь непрерывными наскоками партизанских отрядов, но ясно видел опасность, угрожавшую гродненскому гарнизону.

Разработанный Петром план вывода армии из Гродно удался полностью.

Весенней ночью, как только пошёл первый лёд, русский гарнизон покинул Гродно, перешёл Неман и сжёг за собой мосты. План Карла — взять русскую армию измором — потерпел крах. Главные силы Петра были спасены и показали свою высокую боеспособность в последующих крупных сражениях. Победа соединённых русско-польских войск над шведами под Калишем была одержана под командованием Меншикова.

Пётр и после калишской «виктории» предлагал Карлу мир, но Карл упорствовал в слепом самомнении. Он бросил Петру новый вызов: назначил генерала Шпарра комендантом... Москвы. Узнав об этом, Пётр сказал: «Брат мой Карл думает быть Александром, но он не найдёт во мне Дария».

Россия ответила Карлу на его вызов Полтавой.

Илья Николаевич Ульянов.

ОТЕЦ ИЛЬИЧА

Несколько лет назад один из учеников И. Н. Ульянова, как называли ветеранов-«ульяновцев», сухонький старичок в старомодном сюртуке и с маленькой бородкой клинышком, Алексей Александрович Волков, с увлечением вспоминал о встречах с отцом В. И. Ленина.

Молодой сельский учитель А. А. Волков по окончании семинарии получил назначение в какую-то глушь и съездил в село. «Ужас один, голые стены...» Он растерялся и написал Илье Николаевичу:

«Я туда не пойду».

«А он приезжает на вакации, вызывает меня и говорит: «Я,— говорит,— знаю что гаже этой школы свет не создавал, но вы покажите себя, к чему вы готовились, поставьте школу, как школу, и сделайте мне выпуск».

Директор народных училищ Ульянов был неутомимым строителем новой школы. Он собственноручно начертил план школьного здания, в котором учительствовал Волков, и в постройку ввёл такие по тому времени новшества, как форточки и раздевалку.

Вслед за Ушинским И. Н. Ульянов ввёл в употребление звуковой метод обучения. Илья Николаевич требовал, чтобы учитель возбуждал сознательное мышление в детях. В частности при преподавании истории и географии не ограничивался бы сухим перечислением названий, дат и фактов, но оживлял уроки «более подробными рассказами о естественных и искусственных произведениях страны, о быте и нравах жителей».

Все годы своей деятельности отец Ильича оставался одинаково простым в обхождении, необычайно внимательным и любезным. Многие черты характера Ильи Николаевича были унаследованы Лениным от отца, так же как внешние черты его облика. Те, кто знал и видел Илью Николаевича, рассказывают, что он был невысокого роста, с быстрыми карими глазами, с живой, слегка картавящей речью.

Отец Владимира Ильича умер внезапно, от кровоизлияния в мозг, 55 лет от роду. Ещё в день смерти, 24 января 1886 года, он принимал своих помощников, инспекторов — и составлял служебные бумаги.

Имя отца великого Ленина навсегда вписано в историю. Но в то же время он оставил неизгладимый след и как выдающийся деятель педагогической мысли, один из основоположников всего лучшего, что было в практике передовой школы дореволюционной России.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Торчинского

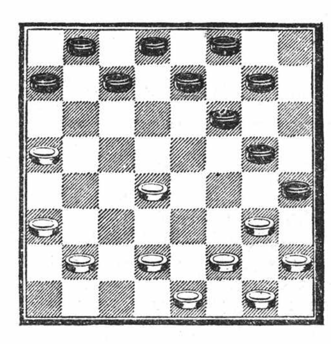
РЕШАЮЩАЯ ВСТРЕЧА

Финал шахматно-шашечного первенства ВЦСПС 1945 года разыгрывался между командами «Зенит» и «Большевик» в два тура. На первой доске в команде «Зенит» играл чемпион СССР 1945 года И. Куперман, а в команде «Большевик» — мастер Б. Блиндер, занявший в первенстве СССР второе место.

В первом туре Б. Блиндера постигла серьёзная неудача: в несколько лучшей позиции он просрочил время. Куперману был засчитан выигрыш.

Удастся ли Блиндеру взять реванш во втором туре? Этот вопрос волновал многочисленных болельщиков, наблюдавших игру сильнейших мастеров страны. После интересно разыгранного дебюта на доске создалась позиция, изображённая на диаграмме.

Ход белых.

В этой позиции, казалось бы, сильнейшим является ход 1. a3—b4. Однако игравший белыми Блиндер пошёл 1. d2—e3 и в острой позиционной борьбе добился заслуженной победы. Как выяснилось по окончании партии, Блиндер отверг ход 1. a3—b4, так как он давал возможность чёрным провести блестящую комбинацию, выигрывающую партию, а именно:

1. a3—b4?	f6—e5!!
2. d4 : h8	g5—f4!
3. g3 . e5	h4—g3!!
4. f2 : h4	. . .

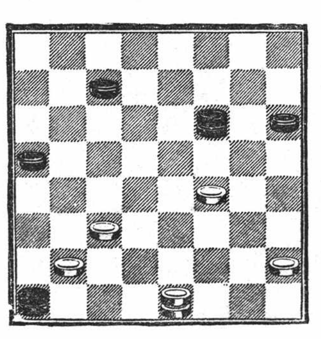
Если 4. h2 : f4, то 4. . . f8—g7; 5. h8 : f6 e7 : e7, и чёрные выигрывают.

4. . . .	f8—g7!
5. h8 : f6	e7 : g5
6. h4 f6	d8—e7!
7. f6 : b6	a7 : d6

и белым нужно сложить оружие, так как на 8. a5—b6. 8. g1—f2 или 8 e1—f2 последует 8. . . d6—f4, а на 8. e1—d2 d6—f4; 9. d2 -e3 f4—e5, 10. e3—b4 f4 — d6, и выигрыш очевиден.

ЗАДАЧА

Н. Пустынников (Ленинград)

Белые начинают и запирают простую чёрных.

ОТВЕТ НА ФОТОЗАГАДКУ: «ЧТО ЭТО ТАКОЕ?» В № 4 «ОГОНЬКА»

Китобойное судно «Авангард» убило в районе мыса Шипунского голубого полосатика весом более 50 тонн. Тушу кита для разделки привезли в бухту Моржовую. Длина кита достигала 20 метров, общая длина кишок — 3000 метров. Язык весил около 1½ тонны.

На снимках (сверху вниз): челюсть убитого кита-полосатика, в которой поместились рабочие китобойной матки; голубые полосы на брюхе кита; разделка языка кита.

Почему мы так говорим

ЮБИЛЕЙ

Каждый пятидесятый год иудеи в древности считали праздничным: земля оставалась невозделанной, рабы получали свободу и отпускались на родину, находившиеся в закладе поля возвращались прежним владельцам. Наступление этого года в «день очищения» возвещалось трубным звуком при помощи бараньего рога, по-древнееврейски—«керен ха жозл». Позже «жозл» исказилось в «йовель», почему год и назывался юбилейным.

В европейские языки слово «юбилей» вошло после того, как папа Бонифаций VIII воспользовался древнееврейским названием и для привлечения паломников в Рим объявил 1300 год «юбилейным годом» — по-латыни «аннус юбилеус». «Юбилей» дал папской казне громадный доход. Папы вошли во вкус: Климент IV объявил «юбилейным» каждый 50-й год, а папа Павел II — каждый 25-й. Потом «юбилеями» стали называть празднования 5, 10, 25-й годовщин различных событий, работы выдающихся деятелей или крупных организаций и учреждений.

КАНДИДАТ

В древнем Риме существовал обычай, по которому каждый гражданин, желавший занять общественную должность, являлся к руководившим выборами властям, а также представлялся народу в белоснежной тоге. «Кандидус» по-латыни — белый, как снег, «кандидатус» — «одетый в белое платье». Слово это сохранилось и тогда, когда был забыт обычай облачаться перед выборами в белые одежды.

ЛИСТ БУМАГИ, ПЕРОЧИННЫЙ НОЖ, ПРОБА ПЕРА...

Названия письменных принадлежностей сохранили след их истории. Одним из материалов, на котором писали наши предки, были листья. В глубокой древности египтяне писали на пальмовых листьях. В Сиракузах осуждённых на изгнание извещали запиской на оливковом листе. По-латыни «либер» — не только лыко, кора, лубок, но и книга. Так и слово «лист» сохранило в современном языке след применения для письма древесных листьев. Ещё не так давно писали гусиным пером, срезая наискось кончик. Пером по привычке было названо и стальное изделие, которым мы пишем сейчас. Мягкие гусиные перья чинились маленьким ножом. Сейчас мы этим перочинным ножом «чиним» карандаш, хотя это уже не починка.

Чинить перья надо было умеючи. Иногда перо писало слишком толсто, иногда с него стекали чернила и делали кляксы. Поэтому чинёное перо сначала пробовали. Отсюда выражение «проба пера»—сохранившееся определение первых литературных опытов начинающего писателя.

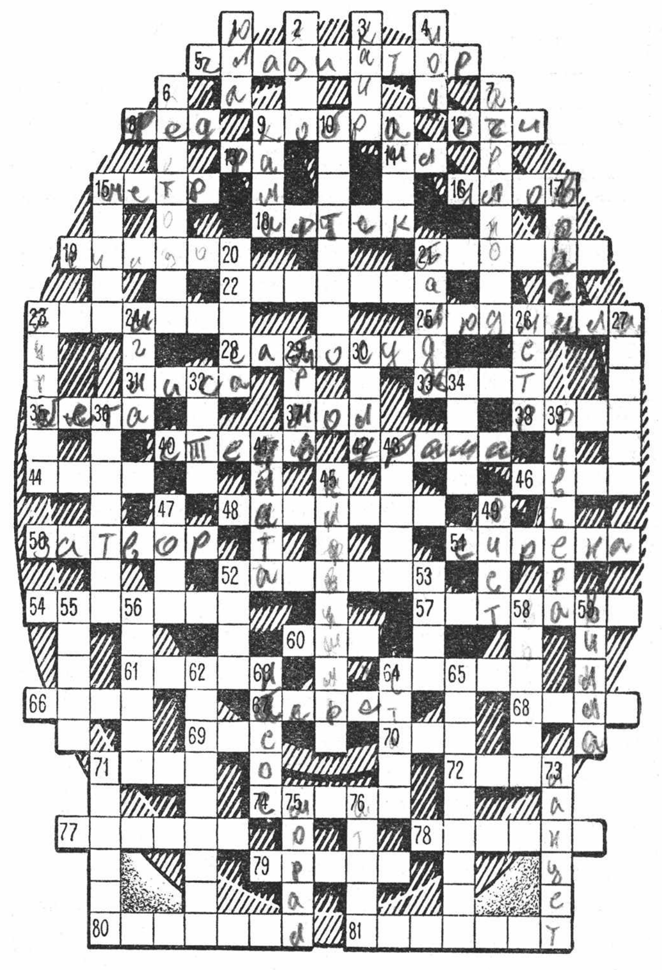
ПОПУРРИ

Название музыкального произведения из соединённых в одно целое отрывков творения композитора—оперы, песен — «попурри» произошло от названия блюда («по» на французском языке — горшок). «Попурри» — блюдо из запечённых в горшке разных сортов мяса.

И. Уразов

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» М. И. Терентьев

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Волчок. 2. Часть снаряда. 3. Город в Африке. 4. Химический элемент. 6. Крестьянин. 7. Сельскохозяйственная специальность. 9. Приток Волги. 10. Герой сказки А. Толстого. 11. Опера. 15. Сосуд. 17. Пьеса М. Горького. 20. Список имущества. 21. Герой сказки Пушкина. 23. Советский учёный. 24. Швейная принадлежность. 26. Единица земельной меры. 27. Глава дореволюционного казачества. 29. Металл. 30. Название фарфора. 32. Дипломатическое обращение. 34. Растение. 36. Картина из трёх частей. 39. Курортный район во Франции. 41. Вознаграждение. 43. Ларёк. 45. Музыкальный инструмент. 47. Химический продукт. 49. Карточная игра. 52. Хутор. 53. Драгоценный камень. 55. Прииски в Сибири. 56. Французский драматург. 58. Птица. 59. Особняк, загородный дом. 62. Русский пейзажист. 63. Нагнетательный прибор. 64. Шаблон. 65. Народная артистка СССР. 71. Ювелирное изделие. 73. Хирургический инструмент. 75 Разновидность оленя. 76. Ставка.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Невольники, бившиеся на аренах в древнем Риме 8. Русский поэт. 9. Порода змей. 12. Глаза. 13. Нота. 14. Осадок на дне водоёма. 15. Единица измерения. 16. Добыча рыбы. 18. Курорт на Черноморском побережье. 19. Музыкальное произведение. 21. Привал. 22. Принадлежность художника. 23. Птица. 25. Женское имя. 28. Советский дирижёр. 31. Животное. 33. Река в СССР. 35. Буква греческого алфавита. 37. Портовое сооружение. 38. Слуга. 40. Повесть Чехова. 42 Форма театрального представления. 44. Мужское имя. 46. Рига. 48. Герой древнеримской мифологии. 50. Часть винтовки. 51. Сигнальный прибор. 52. Страна в Африке. 54. Игра. 57. Сельскохозяйственный термин. 60. Поэтическое произведение. 61. Ароматическое вещество. 64. Головной убор. 66. Подать. 67. Сорт яблок. 68. Цифра. 69. Голос. 70. Горное селение. 71. Город в Чехословакии. 72. Замкнутая кривая. 74. Фруктовый сок. 77. Растение. 78. Женское имя. 79. Роман Тынянова. 80. Морское судно. 81. Администрация факультета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 4 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Радиостанция. 2. Европа. 3. Станок. Скала. 4. Ток. Рвота. 5. Оба. Тон. Нора. 6. Ру. Соя. Бисер. 7. Асти. Журфикс. 8. Ара. Рион. 9. Скопин. Лаун. 10. Госпиталь. Га. 11. Или. Ио. Бал. 12. До. Ангара.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Ресторан. Гид. 2. Автобус. Соло. 3. Драка. Такси. 4. Ион. Сироп. 5. Опорто. Апиин. 6. Саквояж. Итог. 7. Он. Урна. 8. Апст. Бри. Лир. 9. Канифоль. 10. Цна. Осина. 11. Ларёк. Угар. 12. Ява. Арсенал.

Ответственный редактор — А. СУРКОВ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А 01938. 5½ печ. л. Подписано к печати 14/II—46 г. Изд. № 137. Тираж 150.500. Заказ 237.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ КИНЕМАТОГРАФИИ при СНК СССР

„ГЛАВКИНОПРОКАТ"

СМОТРИТЕ
НА ЭКРАНАХ СОЮЗА
НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

СЦЕНАРИЙ — **Б. Чиркова.**

ПОСТАНОВКА — лауреата Сталинской премии, заслуженного деятеля искусств РСФСР **ФРИДРИХА ЭРМЛЕРА.**

ОПЕРАТОР — заслуженный артист БССР **А. Кольцатый.**

ХУДОЖНИК — заслуженный деятель искусств РСФСР **Н. Суворов.**

КОМПОЗИТОР — **Г. Попов.**

ЗВУКООПЕРАТОР — **А. Островский, Н. Косарев.**

ПРОИЗВОДСТВО ордена Ленина киностудии **„ЛЕНФИЛЬМ".**

1945 г.

Цена 3 руб.